ISSN 2010-6203

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

XALQARO MUNOSABATLAR

Ushbu sonda

- ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЮЖНАЯ АЗИЯ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ВЗАИМОСВЯЗАННОСТЬ. ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ
- ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ УСЛУГ
- СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ ЗАПАДНЫХ, РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛ К ИССЛЕДОВАНИЮ ШОС

№1-2/2021

Central Library (UWED)
S0011915

INTERNATIONAL RELATIONS

JAHON IQTISODIYOTI VA DIPLOMATIYA
UNIVERSITETI

XALQARO MUNOSABATLAR

FANLARARO ILMIY-NAZARIY JURNAL

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

INTERNATIONAL RELATIONS

INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC
AND THEORETICAL JOURNAL

AXBOROT RESURS MARKAZI
O'quv zali
Inv. №: 02/4944

1-2/2021
(№ 83, 84)

BOSH MUHARRIR: S.S. SAFOYEV

TAHRIR HAY'ATI A'ZOLARI:

A.A. Abduvaxitov, Sh.M. Abdullayev, E.T. Aripov, A.Sh. Abbasova,
R. Alimov, M.M. Bahadirov, M.T. Baqoev, I. Zvyagelskaya (RF),
B.A. Islamov, G.S. Ismailova, G. Kupli (AQSh), K.X. Karimov,
I.R. Mavlyanov, F. Arziev, M.M. Rahmankulov, N. Sirajiddinov,
R.F. Farmonov, I.A. Xamedov, U.A. Xasanov, S.A. Pulatova

TELEFONLAR: 267-07-41; 268-61-07; FAKS: 267-09-00
TAHRIRIYAT MANZILI: 100113, Toshkent,
Mustaqillik shoh ko'chasi, 54.

Ushbu sonni tayyorlaganlar:

Muharrir: L.B. Hodanovich
Original-maket va dizayn: I.A. Semenyuk

JIDU ruxsatisiz qayta chop etish man qilinadi.
Ko'chirib bosilganda «Xalqaro munosabatlar» jurnali ko'rsatilishi shart.
Tahrir hay'ati fikri muallif fikridan o'zgacha bo'lishi mumkin.
Qo'lyozmalar, suratlar qaytarilmaydi.

Перепечатка статей без разрешения УМЭД не допускается.
При перепечатке ссылка на журнал «Xalqaro munosabatlar» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых статей.
Рукописи, фотографии, рисунки не возвращаются.

Ushbu nashr 068 raqami bilan qayd etilgan.

Formati 70x100 1/16. Hajmi 8 b.t. Adadi 300 nusxa. Kelishilgan narxda.
JIDUda chop etildi. Toshkent, Mustaqillik shoh ko'chasi, 54.

© Xalqaro munosabatlar, 2021.

МУНДАРИЖА

I. УЗБЕКИСТАН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
Ўзбекистон замонавий дунёда
Uzbekistan in Modern World

К итогам Ташкентской конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности» 15-16 июля 2021 г. 5

Список национальных и зарубежных участников международной научно-практической конференции на тему: «Взаимосвязь Центральной и Южной Азии: предпосылки, перспективы, геостратегическое значение» 14

С.С. Сафоев. Марказий ва Жанубий Осиё: минтақавий ўзаро боғлиқлиги: пойдевори, истиқболлари, геостратегик аҳамияти 18

Ш.М. Абдуллаев. К вопросу об историко-культурных и геоцивилизационных взаимосвязях стран Центральной и Южной Азии 21

И.Р. Мавланов. Научные подходы к исследованиям тенденций развития региона Южной Азии и его интересов к Центральной Азии 25

А. Умаров. Трансформация позиции Узбекистана по Афганистану: новые направления 39

У.А. Хасанов. Политика добрососедства как модель регионального развития 46

Л.М. Ташпулатова. Обеспечение продовольственной безопасности в регионе Центральной и Южной Азии: методологические и аналитические подходы к оценке 55

II. МИР В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ
Дунё пандемия шароитида
World under pandemic

М. Абдуллаева. Новая региональная гуманитарная повестка дня в Центральной Азии в условиях пандемии 75

III. ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ
Халқаро ва минтақавий иқтисодиёт муаммолари
Problems of International and Regional Economy

С.Ю. Мансуров, Л.М. Ташпулатова, И.А. Хамедов, Ю.Н. Мансуров. Перспективы государственных миграционных услуг (методические основы) 82

IV. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Халқаро тадқиқотлар назарияси, методологияси ва амалиёти муаммолари
Problems of Theory, Methodology and Practice of International Studies

Ш.Ш. Таджиев. Концепции и модели мирового порядка с позиции «теоретического плюрализма» 93

Р.И. Нуримбетов. Сравнительный анализ подходов западных, российских и китайских политологических школ к исследованию ШОС 114

V. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО
Ёш тадқиқотчи минбари
Young Researcher's Rostrum

N.A. Sodikova. New EU Strategy in Central Asia: contemporary challenges and risks 126

VI. ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Хорижий адабиётларнинг қисқача шарҳи
Digest of foreign literature

А. Рахимов. Дайджест политической литературы. D.Ball, L. Béraud-Sudreau, T. Huxley, C. Raja Mohan, B. Taylor. Asia's New Geopolitics: Military Power and Regional Order (Adelphi series). Routledge, 2021. 148 p. 136

VII. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УМЭД
Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетининг илмий ҳаёти
Scientific life of the University of world economy and diplomacy 142

VIII. МЕТОДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ
Методик кабинет
Methodical cabinet 148

К итогам Ташкентской конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности» 15-16 июля 2021 г.

18 августа 2021 г. в г. Ташкенте состоялась международная научно-практическая конференция «Взаимосвязь Центральной и Южной Азии: предпосылки, перспективы, геостратегическое значение». Форум был организован Сенатом Олий Мажлиса Республики Узбекистан, Университетом мировой экономики и дипломатии в сотрудничестве с представительством Фонда Конрада Аденауэра по Центральной Азии и Международным институтом Центральной Азии.

В работе конференции приняли участие представители внешнеполитических ведомств, парламентов, ведущие учёные и эксперты из стран Центральной и Южной Азии, а также ряда государств других регионов.

В ходе мероприятия были подробно обсуждены и проанализированы итоги прошедшей в июле 2021 г. Ташкентской конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», проведённой по инициативе Президента Узбекистана Ш.М.Мирзиёева. Подчёркнуто, что инициативы руководителя Узбекистана являются стратегически выверенными и направлены на наполнение регионального сотрудничества конкретными проектами. Их практическая реализация обеспечит устойчивое развитие всех стран Центральной и Южной Азии, поможет решению актуальных социально-экономических вопросов и будет содействовать повышению благосостояния народов.

На конференции состоялся обстоятельный обмен мнениями относительно задач парламентов, экспертного сообщества по расширению связей между регионами, укреплению мер доверия, развитию правовой

базы взаимодействия. Особое внимание было уделено изучению теоретических вопросов сотрудничества между странами Центральной и Южной Азии, определению направлений научных исследований в целях разработки проблем в сферах инвестиционной, транспортно-коммуникационной, водно-энергетической, экологической и культурно-гуманитарной политики.

Выступившие на форуме высказали конкретные предложения по реализации инициатив, выдвинутых в ходе июльской Ташкентской конференции. Были также изложены рекомендации по усилению роли международных организаций и институтов гражданского общества в реализации проектов, направленных на региональное развитие и наращивание потенциала для противодействия современным вызовам и угрозам. После обсуждения участники конференции подвели основные итоги по рассмотренным проблемам.

Во-первых, стремительное развитие событий в Афганистане вновь продемонстрировало необходимость глубокого и всестороннего осмысления ситуации в регионе, поиска путей сохранения мира и стабильности, обеспечения условий для устойчивого развития всех стран региона. Это подчеркнуло актуальность озвученных в ходе Ташкентской конференции предложений и инициатив по укреплению многостороннего сотрудничества в осуществлении региональных проектов, способствующих решению социально-экономических вопросов, прежде всего борьбе с бедностью, которая является главным фактором нестабильности.

Во-вторых, реализация проекта по укреплению взаимосвязей Центральной и Южной Азии носит не только трансрегиональный характер, но по своей сути имеет глобальное значение. Ташкентская конференция стала своевременным ответом на вызовы современности и открыла новые возможности для развития широкого международного сотрудничества в целях укрепления мира и стабильности, устойчивого развития в этих регионах и за их пределами.

Как отметил Президент Узбекистана Ш.М.Мирзиёев, «взаимосвязанность, сотрудничество, диалог и самое главное – доверие являются движущей силой для обеспечения стабильности и устойчивого развития, повышения уровня жизни и благополучия народов наших регионов».

В-третьих, Ташкентская конференция по существу ознаменовала создание исключительно важной платформы для углубления многостороннего диалога на качественно новом уровне между странами Центральной и Южной Азии. Она заложила фундамент для новой архитектуры межрегиональной взаимосвязи и безопасности. Результативность Ташкентской конференции обуславливает целесообразность рас-

смотрения возможности придания систематического характера данному форуму.

В-четвёртых, пристальное внимание было уделено вопросу глубоких исторических, культурных и цивилизационных корней, связывающих страны Центральной и Южной Азии. Подчеркнуто, что задачи расширения и углубления их взаимосвязей должны осуществляться как процесс возрождения многовекового наследия исторических контактов. Прошлое стран Центральной и Южной Азии с точки зрения современных процессов можно рассматривать в качестве моста к развитию широкого и значимого взаимодействия стран, отвечающего интересам народов этого макрорегиона.

В-пятых, участники отметили, что регионы Центральной и Южной Азии, расположенные на перекрестках маршрутов вдоль Великого Шёлкового пути, обладают уникальными транспортно-коммуникационными возможностями, поэтому могли бы стать пространством для генерирования экономического роста и процветания, оказывающими стабилизирующее влияние на весь Евроазиатский континент.

В-шестых, одним из основных выводов участников конференции стало то, что в современных условиях значимость государств Центральной и Южной Азии в решении актуальных вопросов укрепления международной и региональной безопасности, в предотвращении угроз распространения терроризма и экстремизма, незаконного оборота наркотиков, транснациональной организованной преступности и торговли людьми всё более возрастает. Особо было подчёркнуто, что страны региона смогут добиться значимых результатов в достижении указанных целей только при условии углубления взаимного сотрудничества, посредством взаимодействия в рамках международных и региональных организаций.

Докладчики приветствовали слова Президента Узбекистана о важности проведения глубокого, всестороннего осмысления ситуации в регионе, поиска путей сохранения мира и стабильности, обеспечения условий для совместного развития стран региона.

Заместитель Председателя Сената Парламента Республики Казахстан, заместитель Председателя Парламентской Ассамблеи ОБСЕ А. Шакиров заявил, что Ташкентская конференция отвечает интересам двух регионов, она явилась действенной площадкой для обсуждения и поиска решений актуальных региональных вопросов. По его мнению, в условиях пандемии реализация инвестиционных проектов послужит развитию торгово-экономических отношений: «Оба региона, обладая неисчерпаемыми экономическими и природными ресурсами, интеллектуальным капиталом, превращаются в самодостаточные субъекты гло-

бальных международных отношений. Именно сюда смещается центр мировой экономической активности, транспортных коридоров, быстрорастущих рынков и развития цифровых технологий».

Руководитель Института исследований внешней политики МИД Казахстана Б. Нургалиев отметил, что полностью разделяет выдвинутые Президентом Узбекистана инициативы о том, что сейчас, более чем когда-либо, необходимо использовать транспортный потенциал региона в интересах всей Евразии. По его словам, проведение Ташкентской конференции весьма своевременно. Инициатива Президента Узбекистана Ш.М. Мирзиёева о проведении данного мероприятия была безоговорочно поддержана странами Центральной и Южной Азии и другими государствами: «Исходя из моего личного опыта работы в двух ведущих странах Южной Азии - Пакистане и Индии, могу сказать, что у наших двух регионов есть все необходимые возможности, чтобы стать примером конструктивного сотрудничества».

Директор Центра евроазиатских исследований МГИМО И. Сафранчук отметил, что Ташкентский форум в очередной раз демонстрирует последовательную и твёрдую приверженность Узбекистана внести свой вклад в обеспечение стабильности и безопасности в мегарегионе Центральной и Южной Азии: «Узбекистан трудолюбиво и настойчиво проводит свою внешнюю политику, плотно работает со всеми партнёрами по практической реализации задач в рамках укрепления региональной взаимосвязанности. Инициативы руководителя Узбекистана наполнили региональное сотрудничество практическим содержанием и в будущем могут полностью исключить внешний контекст политического соперничества великих держав». Он подчеркнул, что благодаря реализации 10 инициатив главы Узбекистана можно рассчитывать на возвращение Афганистану роли своеобразного моста, связывающего Центральную и Южную Азию.

Эксперт аналитического центра «Международный фонд Вивикананда», бывший Посол Индии в Узбекистане Сканд Ранджан Таял указал на своевременность проведения конференции в свете исторических изменений, происходящих в Афганистане, и подчеркнул, что Нью-Дели заинтересована в реализации трансграничных проектов, в том числе в расширении транспортных коридоров, налаживании цифрового сотрудничества. По его словам, странам региона необходимо подняться над своими узкими политическими представлениями и объединиться для укрепления связей. В этом контексте особую значимость представляет прошедшая в июле 2021 г. Ташкентская конференция и выдвинутые главой Узбекистана предложения по интенсификации межрегиональной кооперации. Он выразил надежду, что Узбекистан в ближайшее

время присоединится к коридору «Север-Юг» (участвуют 14 стран, в частности Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан).

Главный научный сотрудник Европейского института азиатских исследований М. Сариев (Кыргызстан) указал на большой вклад Узбекистана в формирование проектного подхода к интеграции регионов Центральной и Южной Азии, который не наблюдался с исторических времён Великого Шёлкового пути. По его мнению, приход к власти движения «Талибан» не только не помешает, но и будет способствовать реализации проектов по строительству транспортных коридоров через территорию Афганистана, поскольку талибы понимают значимость транспортных артерий в развитии, процветании и установлении мира в их стране.

Исполнительный директор Центра глобальных и стратегических исследований Т. Акрам (Пакистан) высоко оценил проводимую Президентом Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёевым политику, направленную на восстановление исторических отношений между странами региона, которые берут своё начало от эпохи Бобуридов. Как отметил аналитик, визит премьер-министра Имран Хана в Узбекистан показал значимость проекта взаимосвязанности Южной и Центральной Азии для Пакистана. Т. Акрам отметил, что Пакистан высоко оценивает инициативы Президента Республики Узбекистан по решению афганской проблемы путём региональных усилий и содействия мирового сообщества.

Руководитель Центра постсоветских исследований Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук Э. Соловьев отметил, что Афганистан рассматривается как одна из ключевых стран с точки зрения обеспечения транзита грузов: «В этой связи большое значение имеет колоссальная роль Ш.М. Мирзиёева в трансформации общеполитического климата в Центральной Азии и последовательного продвижения инициатив, способствующих развитию и связанности регионов Центральной и Южной Азии».

Почётный профессор Института развивающихся экономик М. Симизу (Япония) заявил, что проведение в июле международной конференции продемонстрировало намерение Центральной Азии во главе с Узбекистаном играть более активную роль в процессах «перестройки» региона, что является «эпохальным событием». Он подчеркнул, что подход Узбекистана к выстраиванию взаимосвязанности закладывает прочную основу для развития экономического сотрудничества, торговли и инвестиций: «Президентом Узбекистана были предложены конкретные и потенциально реализуемые предложения и проекты».

Президент Международного центра геополитического прогнозирования «Восток-Запад» К. Нугманова (Казахстан) отметила, что Ташкентская конференция - актуальная платформа для обсуждения и выработки практических предложений для развития сотрудничества Центральной и Южной Азии. События в Афганистане ещё раз подтвердили значимость этого мероприятия и стратегическое видение главы Узбекистана: «Позиция Президента Узбекистана о том, что только сообща мы сможем эффективно противостоять терроризму, экстремизму, транснациональной преступности, в том числе в киберпространстве, особенно в современных условиях, – крайне важна».

Директор исследовательского Центра Топчубашова Р. Гусейнов (Азербайджан) отметил, что центр тяжести мировой экономики в последнее десятилетие смещается с Запада в Азиатско-Тихоокеанский регион, а странам, расположенным между Китаем и ЕС, необходимо активнее определять свою роль в этом процессе. Он выделил значимость практической реализации проекта строительства железной дороги Китай–Кыргызстан–Узбекистан, которая станет важным звеном инициативы «Один пояс, один путь» и создаст самые оптимальные условия для снижения транспортных расходов между странами. Кроме того, по мнению эксперта, реализация проекта позволит Узбекистану уменьшить свою зависимость от традиционных маршрутов.

Менеджер по проектам аналитического центра «Diplomatic World Institute» А. Туркстра (Бельгия) отметил, что конференция высокого уровня по взаимосвязанности между Центральной и Южной Азией дала необходимый импульс межрегиональному сотрудничеству. Современный региональный контекст Центральной Азии и готовность стран к дальнейшему сотрудничеству, а также к интеграции под руководством Узбекистана представляют собой отправную точку для расширения партнёрства Европейского Союза с более широким регионом.

Профессор Университета Ханьянга Ом Гу Хо (Республика Корея) отметил, что региональное сотрудничество должно способствовать обеспечению более качественной цифровизации инфраструктуры и трансграничной взаимосвязанности, что будет способствовать стабильному росту регионов Центральной и Южной Азии: «Правительству Кореи необходимо создать платформу сотрудничества в области цифровой экономики, а также принять активное участие в многосторонних инициативах по сотрудничеству со странами Центральной и Южной Азии».

Заведующий кафедрой международных и стратегических исследований факультета гуманитарных и социальных наук Университета Малая Рой Энтони Роджерс (Малайзия) подчеркнул, что Президент Узбекистана Ш.М. Мирзиёев укрепляет отношения не только со стра-

нами Центральной, но и Южной Азии. Эксперт назвал Узбекистан уникальной страной, способной совместно с Пакистаном, а также в рамках ШОС внести свой значимый вклад в дело стабилизации и восстановления Афганистана.

Профессор исследований по вопросам безопасности в Евразии Европейского центра по изучению вопросов безопасности им. Дж. Маршалла Г. Глисон (США) отметил важность признания возможностей и рисков, которые были отмечены в выступлении Президента Узбекистана. По мнению эксперта, в Афганистане открылась новая глава в сфере политики, экономики, взаимосвязанности в регионе. В данном контексте важна именно активная позиция Узбекистана в решении афганского вопроса. По его мнению, это прошло «красной» линией в выступлении Президента Узбекистана, что свидетельствует о его дальновидном подходе.

Научный директор исследовательского Центра по изучению Центральной Азии Будапештского университета Корвина М. Краснай отметил, что Президент Узбекистана на Ташкентской конференции уделил особое внимание совместным мерам по преодолению последствий изменения климата. Подчеркнув дальновидность данного подхода, он указал на важность разработки рекомендаций по развитию инфраструктуры и программ по использованию возобновляемых источников энергии с учётом общих интересов, что будет способствовать повышению потенциала развития стран Центральной Азии.

Участники конференции согласились с тем, что приоритетными направлениями укрепления взаимосвязанности стран регионов являются следующие:

- укрепление мер доверия, последовательное развитие политического диалога на всех уровнях между государствами Центральной и Южной Азии на принципах равноправия, взаимной помощи, уважения интересов друг друга;
- содействие установлению мира и стабильности в Афганистане, являющемся естественным мостом, соединяющим страны Центральной и Южной Азии; особое значение при этом имеет содействие экономическому развитию Афганистана, реализация в этой стране крупных региональных проектов, способствующих её вовлечению в мирохозяйственные связи;
- наращивание сотрудничества в сферах экономики, инвестиций, энергетики и технологических инноваций, прежде всего в области «зелёных» технологий;
- взаимодействие в вопросах развития и использования транзитно-логистического потенциала регионов Центральной и Южной Азии, рас-

ширение транспортно-коммуникационной инфраструктуры и формирование новых международных транспортных коридоров;

- внедрение перспективных цифровых платформ, которые должны стать локомотивом экономического сотрудничества стран Центральной и Южной Азии;
- обмен опытом в сфере изучения, сохранения и укрепления историко-культурных, духовных и национальных ценностей, формирования туристических маршрутов, охватывающих историко-культурные центры двух регионов.

Участники конференции поддержали инициативу главы Узбекистана Ш.М. Мирзиёева о создании на базе Международного института Центральной Азии в Ташкенте постоянно действующего пула из видных учёных и исследователей стран Центральной и Южной Азии для продвижения регионального сотрудничества. Предметом серьёзного обсуждения стали вопросы, связанные с общими вызовами и угрозами в сфере стабильности и безопасности. Эксперты поддержали инициативу Ташкента о координации усилий в борьбе с терроризмом и организации специальной экспертной встречи по этим вопросам с участием представителей двух регионов.

Обобщая результаты обсуждений, участники пришли к заключению, что решение затронутых проблем не является задачей одного года. Требуется постоянный мониторинг происходящих процессов, проведение фундаментальных и прикладных исследований, для чего необходимо сконцентрировать внимание на ряде актуальных научных направлений. Исходя из выводов июльской конференции и результатов «круглого стола», были рекомендованы следующие научные направления:

- использование потенциала и возможностей расширения сотрудничества между странами Центральной и Южной Азии в политической, торгово-экономической, инвестиционной, водно-энергетической, экологической и культурно-гуманитарной сферах;
- привлечение международных организаций и стран-партнёров к реализации проектов, направленных на региональное развитие для противодействия современным вызовам и угрозам;
- создание условий по предотвращению угроз распространения терроризма и экстремизма, незаконного оборота наркотиков, транснациональной организованной преступности и торговли людьми;
- реализация потенциала и возможностей сотрудничества в области создания и развития «зелёных» технологий;
- развитие и использование транзитно-логистического потенциала регионов Центральной и Южной Азии путём расширения транспортно-

коммуникационной инфраструктуры и формирования новых международных транспортных коридоров;

- проблема урегулирования ситуации в Афганистане, содействие экономическому развитию страны посредством реализации общих региональных проектов как условий превращения этой страны в региональный мост, соединяющий Центральную и Южную Азию;
- перспективы цифровых платформ;
- перспективные тренды в мировой экономике, которые должны стать локомотивом экономического сотрудничества стран Центральной и Южной Азии;
- сохранение историко-культурных, духовных и региональных ценностей;
- развитие туризма и формирование туристических маршрутов, охватывающих историко-культурные центры региона.

Международный форум по итогам Ташкентской Конференции высокого уровня предоставил широкие возможности для свободного научного и экспертного обсуждения всего комплекса актуальных вопросов развития и укрепления региональной взаимозависимости между странами Центральной и Южной Азии.

СПИСОК

национальных и зарубежных участников международной научно-практической конференции на тему «Взаимосвязь Центральной и Южной Азии: предпосылки, перспективы, геостратегическое значение»

№	Ф.И.О.	Должность
1.	**Абдуллаев Шерзод Маджидович**	Директор Центра международных экономических и политических исследований УМЭД, доктор исторических наук, профессор
2.	**Бахадиров Мурат Махмудович**	Декан факультета "Международные отношения" УМЭД, кандидат политических наук
3.	**Валиев Санжар Алимхонович**	Заместитель директора ИСМИ при Президенте Республики Узбекистан
4.	**Гафаров Исломхон Нозимхонович**	Сотрудник научного отдела УМЭД
5.	**Гоибназаров Шухрат Гоибназарович**	Советник ректора УМЭД, доктор политических наук
6.	**Джураев Кодир Асадович**	Заместитель председателя Комитета Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан, доктор политических наук
7.	**Исмаилова Гулноза Сайдиганиходжаевна**	Проректор по науке и инновациям УМЭД, доктор юридических наук
8.	**Ибрагимова Наргиза Маратовна**	Сотрудник научного отдела УМЭД
9.	**Мавланов Ибрагим Раджабович**	Профессор кафедры «Мировые финансы и инвестиции» УМЭД, доктор экономических наук
10.	**Максудов Азизбек Одилбек ўғли**	Сотрудник Международного отдела УМЭД
11.	**Махмудов Рустам Бахадирович**	Главный научный сотрудник УМЭД

№	Ф.И.О.	Должность
12.	**Махмудов Фузаил Ахадулла угли**	Начальник Учебно-методического отдела УМЭД, PhD по политическим наукам
13.	**Мойлиев Элёр Бахтиёрович**	Докторант УМЭД
14.	**Муминов Илхом Актам угли**	Заместитель декана факультета "Международные отношения" УМЭД
15.	**Расулов Абдужабар Саттарович**	Доктор физико-математических наук, профессор, УМЭД
16.	**Рахимов Мирзохид Акрамович**	Руководитель Координационно-методического центра по вопросам новейшей истории АН Республики Узбекистан, доктор исторических наук
17.	**Сафоев Содик Солихович**	Первый заместитель председателя Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан, ректор УМЭД
18.	**Саидкасимов Саидмухтор Саидгазиевич**	Проректор по международным связям УМЭД
19.	**Саттаров Шухрат**	Руководитель проектов ЛСА в Узбекистане
20.	**Содикова Наргиза Абдурахмановна**	Докторант УМЭД
21.	**Султанова Эътибор Сидиковна**	Доктор политических наук, профессор кафедры "Политология" УМЭД
22.	**Ташпулатова Лайло Маратовна**	Заведующая кафедрой «Экономическая теория» УМЭД, кандидат экономических наук
23.	**Турсунова Раъно Юсуповна**	Доцент кафедры "Политология" УМЭД, доктор исторических наук
24.	**Тошев Отабек Элмурод угли**	Докторант УМЭД
25.	**Увраимов Ихтиандр Абдугаппирович**	Ведущий научный сотрудник УМЭД
26.	**Умаров Акрам Азаматович**	Ведущий научный сотрудник УМЭД, PhD по политическим наукам
27.	**Шарипов Шарифзода**	Руководитель проектов ЛСА в Узбекистане

№	Ф.И.О.	Должность
28.	**Хакимов Фаррух Тожидинович**	Начальник отдела Центра "Стратегия развития"
29.	**Хамдамов Мирзоумид Мирзаюлдашевич**	Декан факультета "Международная экономика и менеджмент" УМЭД
30.	**Хасанов Улугбек Атабаевич**	Заведующий кафедрой "Международные отношения" УМЭД, кандидат политических наук
31.	**Эгамбердиева Малика Одил кизи**	Сотрудник Научного отдела УМЭД
32.	**Эрназаров Рустам Абдиназарович**	Начальник отдела науки и подготовки научно-педагогических кадров УМЭД
33.	**Якубов Ильдар Харасович**	Заведующий кафедрой «Прикладной анализ международных проблем» УМЭД, кандидат политических наук
34.	**Яковлев Руслан Николаевич**	Ведущий экономист Департамента денежно-кредитной политики Центрального Банка Республики Узбекистан
35.	**Яхшиев Фуркат Режабович**	Начальник отдела духовности и просветительства УМЭД
36.	**Альберто Туркстра**	Менеджер по проектам Аналитического центра "Diplomatic world institute"
37.	**Грегори Глинсон**	Профессор Европейского центра по изучению вопросов безопасности им. Дж. Маршалла (Гармиш-Партенкирхен, Германия)
38.	**Джеймс Дюсо**	Лектор Университета Дж. Вашингтона, США
39.	**Дуглас Фу**	Президент Сингапурской федерации производителей, заместитель председателя Сингапурской федерации бизнеса (Сингапур)
40.	**Мартон Краснай**	Научный директор Исследовательского центра Будапештского университета Корвин
41.	**Манабу Симизу**	Почётный профессор Института развивающихся экономик Японии (Тиба, Япония)

№	Ф.И.О.	Должность
42.	**Мухаммад Сафи Сино**	Сотрудник Центра стратегических исследований МИД Исламской Республики Афганистан
43.	**Нугманова Карлыгаш Жандильдиновна**	Президент Международного центра геополитического прогнозирования "Восток-Запад" (Нур-Султан, Казахстан)
44.	**Нургалиев Болат Кабдылхамитович**	Председатель правления Института внешнеполитических исследований при МИД Казахстана
45.	**Ом Гу Хо**	Директор центра при Университете Ханянг (Сеул, Республика Корея)
46.	**Рой Энтони Роджерс**	Заведующий кафедрой Университета Малая (Куала-Лимпур, Малайзия)
47.	**Ронни Хайне**	Региональный уполномоченный представитель Фонда им. К. Аденауэра по Центральной Азии
48.	**Русиф Гусейнов**	Директор Исследовательского центра "Topchubashov Center" Азербайджана (Баку, Азербайджан)
49.	**Сафранчук Иван Алексеевич**	Директор Центра МГИМО (У) (Москва, Россия)
50.	**Сариев Марс Осмонкулович**	Старший научный сотрудник Европейского института азиатских исследований Кыргызстана (Бишкек, Кыргызстан)
51.	**Сеики Хитоши**	Представитель ЛСА в Узбекистане
52.	**Соловьев Эдуард Геннадьевич**	Руководитель Центра постсоветских исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН, Москва
53.	**Сканд Ранджал Таял**	Эксперт Аналитического центра "Международный фонд Вивекананда", бывший посол Индии в Республике Узбекистан
54.	**Халид Таймур Акрам**	Исполнительный директор Центра глобальных и стратегических исследований Пакистана
55.	**Шакиров Аскар Оразалиевич**	Заместитель Председателя Сената Республики Казахстан
56.	**Эвальд Кёниг**	Политический обозреватель "Berliner Korrespondentburo" (Берлин, ФРГ)

С.С. Сафоев

Марказий ва Жанубий Осиё: минтақавий ўзаро боғлиқлиги: пойдевори, истиқболлари, геостратегик аҳамияти

Ўзбекистон Республикаси Президенти Ш.М. Мирзиёевнинг ташаббуси билан ўтказилган «Марказий ва Жанубий Осиё: минтақавий ўзаро боғлиқлик. Таҳдидлар ва имкониятлар» мавзусидаги Тошкент конференцияси кўп жиҳатдан ноёб форум бўлди ва бу қуйидагиларда намоён бўлди:

Биринчидан, бу конференция Марказий Осиё давлатларининг ташқи сиёсат ва халқаро иқтисодий алоқалар борасидаги янги геостратегик қарашларини акс эттирди. Сўнгги бир неча асрда илк бор минтақа Жанубий Осиёни ўзи учун устувор йўналиш сифатида шаклланаётган янги муҳим минтақа сифатида белгилади.

Иккинчидан, Тошкентда бундай кенг қамровли ва ўта нуфузли халқаро тадбир ташкил этилиши ва муваффақиятли ўтказилиши янги воқеликни намойиш қилди: сўнгги йилларда бутун дунёда таъсири ва обрўйи тобора ортиб бораётган давлат янги Ўзбекистон пайдо бўлди.

Анжуман ишида нафақат Марказий ва Жанубий Осиё минтақалари мамлакатлари, шунингдек, дунёнинг энг йирик давлатлар иштирокини таъминлаш, балки уларнинг нуқтаи назарларини мувофиқлаштиришга муваффақ бўлинди. Бу камдан кам мамлакатлар уддалай оладиган натижадир. Унинг заминида Ўзбекистон Президентининг халқаро микёсда катта обрўга эга замонамиз арбоби сифатида эътироф этилгани ётади.

Конференция ишида 40 дан ортиқ мамлакат ва халқаро ташкилотнинг 250 дан зиёд нуфузли вакили иштирок этгани ҳам унинг нуфузини

Сафаев С.С., Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети ректори.

намойиш қилади. Эътиборлиси, давлат ва ҳукумат, ташқи сиёсий идоралар раҳбарлари билан бирга тадбир ишида кўп мамлакатлардан келган парламент аъзолари иштирок этди. Бу албатта, минтақа давлатларида вакиллик ҳокимияти органларининг тутган ўрни, шу жумладан, халқаро алоқалар масалаларида, тобора ортиб бораётган нуфузини кўрсатади.

Конференция давомида Марказий ва Жанубий Осиё минтақалари мамлакатлари, шунингдек, дунёнинг энг йирик давлатлар нуқтаи назарларини мувофиқлаштиришга муваффақ бўлинди.

Учинчидан, минтақанинг барча давлатларининг сайи ҳаракати туфайли сўнгги йилларда Марказий Осиёда юз берган туб ўзгаришларсиз ушбу анжуманни ташкил этиш имконсиз бўлар эди.

Минтақамизда ўзаро ишонч ва муаммоларни биргаликда ҳал этишга интилиш юзага келди, ўзаро савдо ҳажми сезиларли даражада ўсди: ўтган 4 йил мобайнида Ўзбекистоннинг қўшни мамлакатлар билан савдо айланмаси 5 баробар ошди. Вужудга келган янги сиёсий мухит Марказий Осиё ва бошқа минтақалар ўртасидаги алоқаларни кенгайтириш учун шарт-шароит яратади.

Тўртинчидан, бугун Жанубий Осиё янгича қиёфа касб этмоқда. Унинг жаҳон иқтисодиётидаги роли ҳам ортиб боряпти. Бу ялпи ички маҳсулоти деярли 3,5 триллион долларни ташкил этувчи жадал ривожланаётган минтақадир. Минтақа жаҳоннинг иқтисодий марказларидан бирига айланмоқда.

Шу боис, конференция ғояларни амалга ошириш 2 миллиарддан ортиқ нуфузга эга, сайёрамиз хавфсизлиги ва барқарор ривожланишига катта таъсир кўрсатадиган улкан макроминтақа ривожланишига кучли таъсир кўрсатишга қаратилган.

Буларнинг барчаси ушбу конференцияни чақириш ташаббуси ўта долзарблигидан ва у ўз вақтида ўтказилганидан далолат беради.

Конференция минтақада ва қўшни ҳудудларда тинчликни мустаҳкамлаш ва барқарор ривож учун янги имкониятлар очади.

Бугун Жанубий Осиёнинг жаҳон иқтисодиётидаги роли ортиб боряпди. Минтақа жаҳоннинг иқтисодий марказларидан бирига айланмоқда.

Ўзбекистон Президенти халқаро конференциядаги нутқида Жанубий Осиё мамлакатлари билан ҳамкорликни тиклаш Марказий Осиё давлатлари учун иқтисодий тараққиётга эришишнинг муҳим омили экани, бу минтақа халқлари фаровонлигини мустаҳкамлаш имконини беришини илмий жиҳатдан чуқур исботлаб берди. Конференция якунида қабул қилинган минтақавий ҳамкорликни ривожлантириш тўғрисидаги қўшма баёнотда Жанубий ва Марказий Осиё ўртасидаги ўзаро боғлиқликнинг умумий асосий тамойиллари шакллантирилган. Бу ҳукуматлар, парла-

ментлар, тадбиркорлар, илм-фан ва маданият вакиллари ўртасида мунтазам алоқаларни кенгайтиришни назарда тутади.

Конференция мақсадларига эришиш парламент дипломатияси ресурсларидан фаол фойдаланишни талаб қилади. Парламент аъзолари минтақаларнинг салоҳиятини бирлаштиришга кўмаклашишлари мумкин ва буни амалга оширишлари керак.

Марказий ва Жанубий Осиё давлатлари ўртасида парламентлараро мулоқотни минтақа давлатлари ўртасидаги ишончни мустаҳкамловчи муҳим омил сифатида янада жадаллаштириш лозим.

Бунда алоҳида эътибор қуйидаги йўналишларга қаратилмоғи керак деб ҳисоблаймиз.

Бизнинг давримиз очиқ, оммавий жамоат фикрига таянган дипломатия давридир. Бу ташқи сиёсат муваффақиятининг гаровидир. Айниқса биз бугун муҳокама қилаётган геостратегик бурилиш каби масалаларнинг туб моҳияти, уларнинг халқларимиз фаровонлиги учун тутган амалий аҳамиятини мамлакатларимиз кенг жамоатчилигига етказиш катта аҳамият касб этади.

Бу борада, бугунги конференция каби анжуманларни тизимли равишда ташкил қилиш, олим ва экспертларни фикрларига таянган ҳолда амалий тавсияларни ишлаб чиқиш мақсадга мувофиқдир.

Марказий ва Жанубий Осиё давлатлари парламентлари ўртасида алоқаларни изчил ривожлантириш, парламентлараро мулоқотни минтақа давлатлари ўртасидаги ишончни мустаҳкамловчи муҳим омил сифатида янада жадаллаштириш лозим. Ушбу йўналишдаги ишларда парламентлараро ҳамкорлик гуруҳлар фаолияти алоҳида аҳамият касб этади.

Минтақаларни боғловчи транзит ва логистика тармоқларини ривожлантириш, савдо ва инвестициялар, туризм ва маданий соҳадаги масалаларини парламентлараро даражада илгари суриш, бунинг ҳуқуқий пойдеворини барпо этиш ва такомиллаштириш ўта муҳимдир.

Халқаро банк-молия фаолияти, соғлиқни сақлаш, таълим, илм-фан ҳамда маданият масалалари бўйича эришилган келишувларни рўёбга чиқариш борасида парламент назоратини амалга ошириш даркор.

БМТ Бош Ассамблеясининг Марказий ва Жанубий Осиё ўртасидаги ўзаро боғлиқликни мустаҳкамлаш тўғрисидаги махсус резолюциясини қабул қилиш бўйича ташаббусни парламентлараро даражада илгари суриш муҳим масаладир.

Президентимиз ўз нутқида таъкидлаганидек: *«Бизнинг олдимизда Марказий ва Жанубий Осиё, умуман, бутун Евроосиё минтақасини барқарор, иқтисодий ривожланган фаровон ҳудудга айлантириш вазифаси турибди».*

Тошкент халқаро конференцияси Ўзбекистоннинг ушбу мақсадига эришиши учун жиддий замин яратди.

Ш.М. Абдуллаев

К вопросу об историко-культурных и геоцивилизационных взаимосвязях стран Центральной и Южной Азии

Перспективы стратегической взаимосвязанности крупнейшего макрорегиона Евроазии – Центральной и Южной Азии базируются на мощном историко-культурном и геоцивилизационном фундаменте. Этот тезис раскрыт в выступлении Президента Узбекистана Ш.М. Мирзиёева на Ташкентском форуме, где обрисована широкая панорама традиционных исторических, экономических, политических и гуманитарных связей стран региона.

Между народами Центральной Азии и Южной Азии за многие тысячелетия сформировались тесные и социально-экономические и культурные связи. Неоднократно мигрирующие народы несли с собой не только товары, но и собственные религиозные верования, новые знания, художественные ценности, навыки, ремесла. Взаимные влияния оставили глубокий след в политической, экономической и социальной жизни всего региона. Благодаря археологическим находкам в Центральной и Южной Азии обнаружена преемственность в использовании орудий труда, формах посуды и других артефактах, что свидетельствует об интенсивности общения множества населяющих регион народов.

Именно при кушанах буддизм стал мощным фактором культурного синкретизма на огромном пространстве Центральной, Южной и Восточной Азии.

Абдуллаев Ш.М., докт. ист. наук, проф., директор Центра международных экономических и политических исследований УМЭД.

В древней санскритской литературе можно найти многочисленные описания центральноазиатского образа жизни, культуры, традиций, философской и художественной мысли.

Великий Шелковый путь представлял собой разветвленный исторический маршрут, который соединял Южную Азию с Центральной Азией и позволял налаживать коммерческий и культурный обмен между народами. Множество путей облегчило передвижение бактрийских торговцев между Центральной и Южной Азией. Одновременно с торговлей шло формирование новых знаний и мировой религии – буддизма. Первыми людьми, которых Будда обратил в свою веру, были торговцы из Бактрии. Ключевые пункты в системе Шелкового пути превратились в важные центры буддизма. Части Центральной и Южной Азии были объединены в единое царство под властью кушанов.

Возникнув в Северной Бактрии (ныне юг Узбекистана), государство кушан превратилось наравне с Римом и Китаем в одну из крупнейших империй древнего мира. Именно при кушанах буддизм стал мощным фактором культурного синкретизма на огромном пространстве Центральной, Южной и Восточной Азии.

Благодаря связям и взаимодействиям между Центральной и Южной Азией язык также подвергся взаимному влиянию, что подтверждается фонетическим сходством. Согласно исследованиям, Будда знал язык ю-чи Канишки. Слово из санскрита «турк» – «турушка» и с тем же суффиксом встречается с именем «Канишка», означающим на санскрите «младший сын». Суффикс «стан» в названии «Туркестан» происходит от санскритского слова «стхан».

В средние века в Центральной Азии утвердился ислам, его распространение в Южной Азии придало новое измерение существовавшим региональным связям. Приток мусульманских ремесленников, торговцев, военных из Центральной Азии изменили геополитическую историю Индостана.

Язык урду служил звеном взаимосвязи между народами Центральной Азии и Индии в средневековый период. Первоначально в Индии словом «урду» обозначались лагеря тюркской армии, которые одновременно являлись торговыми центрами. Впоследствии так стал называться и язык этих торговых центров.

С распространением мусульманской религии урду как торговый, военный и административный язык распространился по всей Индии, сделавшись ее lingua franca. Язык хинди также унаследовал многие тюркские слова. Таким образом, речь населения пополнялась благодаря общению, которые продолжается даже в наши дни.

Понимание современного стратегического сотрудничества Центральной Азии и Южной Азии требует изучения общей истории, так как взаимное влияние населения двух регионов происходит не только в последние десятилетия, но и с древних времен.

В средние века в Центральной Азии утвердился ислам, его распространение в Южной Азии придало новое измерение существовавшим региональным связям. Приток мусульманских ремесленников, торговцев, военных из Центральной Азии изменили геополитическую историю Индостана. Большую роль в распространении ислама на субконтиненте сыграли смешанные браки, проповеди, торговля, появление суфизма. Великие ученые Аль-Беруни и Абдул Раджа Самарканди, мигрировавшие из Центральной Азии в Индию, внесли свой вклад в обмен достижениями этих двух стран. Аль-Беруни в своем трактате «Тарих-уль-Хинд» предоставил энциклопедическую информацию об Индии. Империя Великих моголов стала первым исламским государством за пределами власти халифата. Их правление, длившееся 333 года, изменило общественный состав в Индии и привело к появлению индо-исламской культуры.

В период средневековья происходило интенсивное привнесение в Южную Азию обширного тюркского этнического компонента в виде правящих династий и их окружения, военной и политической элиты, ремесленников, ученых, людей искусства и культуры, торговцев, а также политических изгнанников из Центральной Азии. Именно с тюрками ассоциируется привнесение в Индостан умеренного течения в исламе – суфизма, оказавшегося столь близким индийским религиозным воззрениям. Некоторые регионы Индии тюркизировались в различных отношениях практически полностью, другие были лишь затронуты известиями о правлении тюрков в соседних частях страны. Исследователи отмечают унаследованную от тюркского периода близость, а во многом идентичность культурно-цивилизационных элементов Центральной Азии и Южной Азии. В частности, представление о государстве, утвердившееся в могольской империи, во многих чертах было схожим с основными принципами, на которых ранее строились в Индии средневековые государства, как мусульманские, так и индуистские. И индуистская, и мусульманская политические традиции полагали главной задачей государя защиту освященного религией общественного порядка, что во многом сближает государей средневековой Индии с их европейскими коллегами.

Таким образом, понимание современного стратегического сотрудничества Центральной Азии и Южной Азии требует изучения общей

истории, так как взаимное влияние населения двух регионов происходит не только в последние десятилетия, но с древних времен. В ней переплетаются многогранные аспекты торговли и коммерции, социально-религиозных, социально-политических и этнических обменов на протяжении более 3 тысяч лет. Доисторические и исторические связи сформировали двустороннюю географию двух миров, религиозное влияние сделало этот процесс многогранным. Углубленное исследование исторической взаимосвязанности народов Центральной и Южной Азии дает возможность находить эффективные стратегические способы для укрепления взаимодействия этих регионов мира.

И.Р. Мавланов

Научные подходы к исследованиям тенденций развития региона Южной Азии и его интересов к Центральной Азии

Значимые события в мировой политике, международных и региональных отношениях начала первого двадцатилетия XXI в. оказали существенное влияние на внешнюю политику стран Центральной и Южной Азии, что нашло отражение и стало общепризнанными выводами многих научных разработок и политических документов. Однако по результатам исследований историков, политологов и экономистов в международных отношениях постоянно появляются новые исторические факты, которые могут вносить и вносят элементы неопределенности и глубоких перемен во взаимоотношениях, влияют на распад старых и появление новых представлений и парадигм, усиливают или тормозят взаимосвязи и отношения между странами и регионами мира. Это подтверждено во многих выступлениях на международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», прошедшей в Ташкенте 16 июля 2021 г. и в речи на ней Президента Узбекистана Ш.Мирзиёева [1].

Регионы Центральной и Южной Азии были всегда объектом внимания ведущих стран как в системе их региональных, так и глобальных координат и интересов. Это постоянно вызывало интерес исследователей в том числе политологов, экономистов и др.

Регионы Центральной и Южной Азии были всегда объектом внимания ведущих стран как в системе их региональных,

Мавланов И.Р., доктор экономических наук, профессор, УМЭД.

так и глобальных координат и интересов. Это постоянно вызывало интерес исследователей, в том числе политологов, экономистов и др. Для этого необходимы глубокие знания исторических событий и фактов, их анализ, выработка конкретных предложений с современных позиций.

Исполнение программы новых экономических реформ, начатой в 1991 г., позволило выработать основные приоритеты модернизации отраслей экономики, в том числе большую свободу рынка, частное предпринимательство, открытость и интернационализация экономики. Эти реформы привели к переходу к модели развития, названной экспортоориентированной.

Наши исследования этих регионов начались практически в начале 2000 г., в них были использованы следующие научные подходы.

1. *Исторический подход*, согласно которому объект наших исследований мы разбили на следующие периоды:
   a. с 1950 по 2021 г.,
   b. с 1850 по 1950 г.,
   c. с 1500 по 1850 г.
2. В каждом из указанных периодов применялся *системный подход* к исследованию экономического развития стран, регионов, межстрановых и межрегиональных отношений.
3. Использовался *факторный подход* влияния мировых держав на развитие стран и всего региона.
4. Применялся *институциональный подход* к исследованию влияний многосторонних и региональных институтов.

1. Исследования отношений Южной Азии с Центральной Азией в период с 1950 по 2021 г.

При комплексном анализе моделей социально-экономического развития стран Южной Азии указанного периода внимание было сосредоточено на Индии как крупной стране этого региона. Было определено место экономики во внешней политике Индии, раскрыты теоретические аспекты и проблемы институционализации экономики, а также выявлены особенности развития правового обеспечения и практика этих стран. В частности, проведен анализ влияния экономического развития Индии в периоды до обретения независимости с 1947 г. до 1991 г. и с 1991 г. по 2021 г. [2].

В ходе анализа установлено, что с первых дней независимости правительство Индии направило усилия на устранение деформаций колониального периода и ускорение экономического развития страны. С 1947 г. до 1991 г. во внешнеэкономической политике Индии была избрана *импортозамещающая модель* модернизации экономики [3]. Для

ее реализации была создана комплексная система государственного регулирования частного сектора, развития производства и использования финансовых ресурсов. Предприняты две основные меры реализации внешнеэкономической политики: а) дипломатическая поддержка экспорта отечественной продукции, б) ограничение притока иностранного капитала, дестабилизирующего финансовое положение и препятствующего росту национального капитала. Благодаря этим мерам доля продукции машиностроения и химической промышленности в общей стоимости экспорта Индии увеличилась с 4 до 18% с 1960-61 до 1990-91 финансового года, а среднегодовые темпы прироста национального дохода в период 1951-52 – 1994-95 финансовых годов поднялись до 4,1%, которые в период 1900-01 – 1950-51 гг. составляли 1,2%.

В ходе макроэкономического анализа установлено, что модель импортозамещения в перспективе делала невозможным устойчивое развитие индийской экономики. Доказано, что только исполнение программы новых экономических реформ, начатой в 1991 г., позволило выработать основные приоритеты модернизации отраслей экономики, в том числе большая свобода рынка, частное предпринимательство, открытость и интернационализация экономики. Эти реформы привели к переходу к модели развития, *названной экспортоориентированной* [4].

Исследование показало, что выбранная внешнеэкономическая политика и инструменты двусторонней и многосторонней экономической дипломатии позволили Индии добиться значительных успехов в создании благоприятного инвестиционного климата и экономической либерализации экспортно-импортной политики.

Придавая важное значение экспортоориентированной политике, правительство Индии на базе Внешнеторгового Акта [5] с 1 апреля 1997 г. подготовило и приняло документ «Экспортно-импортная политика Индии на 1997–2002 гг.» [6], вошедший в состав девятого пятилетнего плана развития страны [7]. Для усиления развития внешней торговли с 1 апреля 2002 г. вступил в силу документ «Экспортно-импортная политика Индии на 2002–2007 гг.» [8], который закреплял принятые ранее решения, направленные на развитие экспорта, привлечение инвестиций и повышение конкурентоспособности индийских товаров. Внешняя торговая политика на 2004–2009 гг. предусматривала уже «удвоение объемов торговли в ближайшие пять лет» [9].

Исследование показало, что процессы усиления экономических факторов во внешнеполитической деятельности Индии с учетом новых реалий глобализации и трансформации мирового порядка привели к изменению дипломатических функций, что обусловило расширение экономических блоков.

Исследование показало, что процессы усиления экономических факторов во внешнеполитической деятельности Индии с учетом новых реалий глобализации и трансформации мирового порядка привели к изменению дипломатических функций, что обусловило расширение экономических блоков. Сравнительный метод также позволил выявить, что на пути поиска эффективной системы управления экономической дипломатией во многих странах произошло расширение функций министерств иностранных дел.

Благодаря системному подходу также установлено, что современная внешняя политика Индии и других стран Южной Азии стала больше коммерциализироваться, взяв направление на развитие экспортно-импортной политики и политики привлечения иностранных инвестиций. Важная роль в реализации внешней экономической политики в Министерстве иностранных дел Индии принадлежит отделу содействия развитию торговли и привлечения технологий, который, совместно с другими департаментами министерства и в координации с министерствами коммерции и промышленности, финансов и других ведомств, оказывал всемерное содействие отечественному бизнесу на международном рынке. Установлено, что Министерство иностранных дел и посольства Индии принимают деятельное участие в дипломатическом сопровождении экономических переговоров, в содействии индийским компаниям в зарубежных тендерах и организации деловых миссий. В этом задействованы инструменты двусторонней, региональной и многосторонней экономической дипломатии Индии, а также новые субъекты – неправительственные организации, промышленные и торговые объединения, фирмы и торгово-промышленные палаты.

Благодаря системному подходу также установлено, что современная внешняя политика Индии и других стран Южной Азии стала больше коммерциализироваться, взяв направление на развитие экспортно-импортной политики и политики привлечения иностранных инвестиций.

Изучение также показало, что современное экономическое состояние стран Южной Азии, но в большей степени Индии, создало высокоорганизованную систему институционализации, которая имеет следующие основные компоненты: национальная внешнеэкономическая политика и стратегия, специальные институты и финансовые средства для их реализации.

В ходе исследования выявлено, что институциональное обеспечение современной экономики стран Южной Азии представляет собой систему тесно взаимодействующих между собой государственных и неправительственных организаций. Во главе институциональной пирамиды экономки стоят министерства, ответственные за реализацию внешне-

экономической политики, располагающие необходимыми кадровыми ресурсами и опирающиеся на разветвленную сеть зарубежных представительств. Важной составляющей являются структуры частного бизнеса и сеть торговых палат, при этом выявлено, что больше всего институциональных реформ в Индии проведено в сферах привлечения иностранных инвестиций, торговли и финансового сектора, где достаточно полно развита инфраструктура исследований, банковской системе, поддерживаемой международными банками, страхованием, совместными предприятиями и финансовыми учреждениями национального и государственного значения [10].

МИД и посольства Индии принимают деятельное участие в дипломатическом сопровождении экономических переговоров, в содействии индийским компаниям в зарубежных тендерах и организации деловых миссий.

Можно утверждать, что Индия достигла существенного экономического развития благодаря своей международной торговле, при этом в рамках внешнеэкономической деятельности инструменты экономической дипломатии сыграли важную роль в содействии реализации *экспортной и импортной политики*.

Сравнительный анализ показал, что необходимо уделять пристальное внимание условиям, в которых происходит интеграция развивающихся стран в мировые рынки; особенно это касается условий установления более честных правил торговли в отношении доступа к рынкам. Установлено также, что самые высокие в мире барьеры созданы для беднейших стран, поэтому одна из главных задач экономической дипломатии Индии в области международной торговли – выработка стратегии и тактики для выхода на мировой рынок и снижение барьеров для экспорта. Для активизации экономической дипломатии с развивающимися странами Индия приняла ряд специальных программ, в которых определены основные направления развития торговли, преференциальные и институциональные меры в отношении этих стран.

Исследование развития двусторонней экономической дипломатии Индии показало, что характеристикой ее современного состояния является тесное взаимодействие с институтами и механизмами государственной поддержки внешнеэкономической деятельности, при этом приоритет стратегического сотрудничества Индия отдает соседним странам по региону Южной Азии.

Позиция дипломатии Индии заключается в том, что современный мировой порядок должен базироваться на международных правовых нормах и укреплении многосторонних механизмов с центральной ролью ООН, которая нуждается во всеобъемлющем реформировании с

целью эффективного противостояния современным глобальным вызовам. Данный вывод основан на выявленной в ходе исследования системе объективных факторов и процессов, вызывающих необходимость поиска новых механизмов современной экономической деятельности. Важным направлением международной экономической деятельности Индии стала реализация внешнеэкономических инициатив и через неинституциональные структуры.

Современная экономическая система стран Южной Азии, но в большей степени Индия, создала высокоорганизованную систему институционализации, которая имеет слёдующие основные компоненты: национальная внешнеэкономическая политика и стратегия, специальные институты и финансовые средства для их реализации.

Анализ практического опыта Индии и исследований индийских и других ученых позволил установить, что Индия в определенной степени использовала теоретические разработки региональной интеграции, но вместе с тем она не копировала напрямую этот опыт. В рамках своей региональной экономической дипломатии Индия придает наивысший приоритет укреплению Южно-Азиатской ассоциации по региональному сотрудничеству (South-Asian Association for Regional Cooperation – SAARC), созданной в 1985 г.[1] В ней особое внимание уделяется региональным проектам в области водных ресурсов, энергетики, экологии и соглашению о зоне свободной торговли между странами Южной Азии.

Согласно своей политике «Взгляд на Восток», Индия стремится к укреплению партнерства со странами BIMSTEC (Bay of Bengal Initiative for Multi Sectoral Technical and Economic Cooperation - Инициатива Бенгальского залива для многосекторного технического и экономического сотрудничества)[2] и АСЕАН.

Современная дипломатия Индии оптимально сочетает механизмы двусторонней, многосторонней и региональной экономической дипломатии при реализации своей внешней экономической политики. Формирующиеся институты и механизмы экономической дипломатии в условиях трансформации мирового порядка – это качественно новый этап эволюции многосторонней, двусторонней и региональной экономической деятельности, который требует глубокого анализа и учета в практике нашей экономической дипломатии. В Узбекистане целесообразно разработать национальную систему мер по развитию архитектуры взаимодействия этих секторов деятельности, которые станут дей-

[1] Страны-члены SAARC: Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Непал, Мальдивы, Пакистан и Шри-Ланка. Наблюдатели в SAARC к концу 2008 г.: Австралия, ЕС, Иран, Китай, Маврикий, Мьянма, США, Южная Корея, Япония.

[2] Членами форума являются Бангладеш, Бутан, Индия, Мьянма, Непал, Шри-Ланка и Таиланд.

ственными инструментами реализации собственной внешнеэкономической политики.

В рамках исследования перспектив формирования новой архитектуры межрегионального экономического сотрудничества изучались процессы трансформации геополитических интересов Индии в регионе Центральной Азии, рассматривались современные модели многосторонней экономической дипломатии Индии со странами Центральной Азии [11].

Проанализированы официальные материалы Индии и международных организаций, а также индийских, западных и других исследований политиков и дипломатов, что помогло обозначить геополитические и стратегические экономические интересы Индии в регионе Центральной Азии, которые нашли практическое отражение во внешнеэкономической политике Индии и реализуются посредством механизмов экономической дипломатии, причем они не ограничиваются переговорами президентов, премьер-министров, министров и других государственных лиц, а характеризуются активностью частных бизнес-структур.

Одним из таких механизмов стала Программа «Фокус-СНГ», принятая правительством Индии. Ее главная задача – выработка долгосрочной стратегии и тактики вложения инвестиций и развития торгово-экономических отношений, где уже наблюдается положительная динамика.

Успехи торгово-инвестиционной политики определяются следующими факторами: 1) страны Центральной Азии обладают немалыми природными ресурсами, что делает их привлекательными; 2) регион Центральной Азии становится не только объектом, но и субъектом геополитики; 3) Индия ищет в странах Центральной Азии партнеров по торгово-экономическому и политическому сотрудничеству и обеспечению региональной безопасности. Можно утверждать, что Узбекистан занимает первостепенное место в региональной политике Индии [12].

В рамках изучения современных моделей многосторонней экономической дипломатии Индии со странами Центральной Азии и по итогам Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) показано, как практически реализуются способы многосторонней экономической дипломатии Индии в странах Центральной Азии.

Одна из главных задач экономической дипломатии Индии в области международной торговли – выработка стратегии и тактики для выхода на мировой рынок и снижение барьеров для экспорта.

Усилия многосторонней дипломатии Индии со странами СВМДА направлены на выработку механизмов взаимодействия в экономической, экологической и гуманитарной

областях, а также на сотрудничество в вопросах энергетической безопасности и развития транспортных коридоров.

Проведенное исследование позволило также выявить стратегические экономические интересы Индии в регионе ШОС, что определяется следующими факторами: 1) страны ШОС обладают огромным экономическим и природным потенциалом; 2) два государства ШОС являются постоянными членами СБ ООН и играют важную роль в мировой политике; 3) геоэкономическое пространство ШОС предстает для Индии как масштабный экономический рынок, обладающий стратегическим потенциалом; 4) развитая система транспортных коммуникаций региона ШОС может предоставить Индии выход в смежные регионы и возможности эффективного торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. Только за 2001-2010 гг. торговый оборот Индии со странами ШОС увеличился более чем в 10 раз.

Вместе с тем сама Индия является стратегически значимой страной для стран ШОС, что определяется следующими факторами: 1) Индия все активнее вовлекается в обсуждение проблем глобального политического и экономического миропорядка; 2) возрастает ее участие в решении региональных вопросов экономики и безопасности; 3) растущий экономический и научно-технологический потенциал (особенно в сфере информационных технологий, фармацевтики, биотехнологий и др.) выводит эту страну на уровень стратегической важности; 4) Индия представляет собой перспективный рынок для экспорта многих видов продукции и вложения инвестиций.

В рамках региональной экономической дипломатии Индия придает наивысший приоритет укреплению Южно-Азиатской ассоциации по региональному сотрудничеству (South-Asian Association for Regional Cooperation - SAARC). В ней особое внимание уделяется региональным проектам в области водных ресурсов, энергетики, экологии и соглашению о зоне свободной торговли между странами Южной Азии.

Таким образом, можно сделать аргументированный вывод, что взаимные стратегические интересы определяют новые тенденции институционализации региональной экономической дипломатии Индии и других стран Южной Азии с регионом Центральной Азии.

Одной из возможных тенденций расширения экономического сотрудничества Индии со странами Центральной Азии для укрепления двустороннего и многостороннего формата предложена *биполярная модель межрегионального экономического сотрудничества (БММС) Центральной Азии с Южной Азии* [13]. По нашему мнению, уже в ближайшей перспективе может начаться объективный процесс появления новых структур в системе международных

отношений, особенно среди развивающихся стран. Мы можем констатировать, что наши прогнозы обретают реальность, что подтверждают слова Президента Узбекистана Ш.Мирзиёева на международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности».

Предлагалось, что создание Форума ЦА и ЮА в рамках БММС позволило бы выработать новые механизмы взаимодействия и сотрудничества стран Центральной и Южной Азии: на уровне министров иностранных дел – в сфере безопасности, на уровне министров торговли и инвестиций – в сфере проблемы взаимной торговли и инвестиций, на уровне министров транспорта – при строительстве транспортных коридоров, на уровне министров энергетики, нефти и газа – в сфере добычи и поставки энергетических ресурсов.

Одной из возможных тенденций расширения экономического сотрудничества Индии со странами Центральной Азии для укрепления двустороннего и многостороннего формата предложена биполярная модель межрегионального экономического сотрудничества (БММС) Центральной Азии с Южной Азии.

Форум ЦА и ЮА позволил также учредить совместные комиссии на уровне государств и регионов, подключить исследовательские институты.

Поддержке указанных направлений сотрудничества Индии со странами Центральной и Южной Азии и их расширению способствовало бы всестороннее развитие модели транспортной дипломатии в направлениях Центральная Азия – Иран – Индия, Центральная Азия – Афганистан – Иран – Индия, Центральная Азия – Афганистан – Пакистан – Индия.

Форум ЦА и ЮА в рамках БММС имеет перспективу развития в связи с тем, что Центральная Азия находится на перекрестке сотрудничества Индии в рамках треугольника Россия – Китай – Индия и в формате стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай).

Таким образом, страны Центральной Азии являются не только стратегическим регионом, но и важными близкими соседями, с которыми Индия давно поддерживает исторические и культурные связи. Индия считает Центральную Азию важным экономическим партнером, особенно это касается планов Индии в области энергетики. Правительство Индии постоянно поддерживает интенсификацию взаимоотношений со странами данного региона посредством визитов на высшем уровне, улучшающих контакты.

С изменением роли Индии в мировой политике ее присутствие в Центральной Азии представляется стратегически важным не только с позиции «необходимости выхода Индии за пределы своей традицион-

Страны Центральной Азии являются не только стратегическим регионом, но и важными близкими соседями, с которыми Индия давно поддерживает исторические и культурные связи. Индия считает Центральную Азию важным экономическим партнером, особенно это касается планов Индии в области энергетики.

ной зоны влияния в Юго-Восточной Азии, Южной Азии и акватории Индийского океана» [14], но и с позиции государства, претендующего на роль нарождающейся супердержавы XXI в.

Экономически стабильная и прогрессивно развивающаяся Республика Индия укрепила свои позиции в мировой политике и экономике. Обладая огромным международным авторитетом, она способна оказывать позитивное воздействие и содействие в развитии Южной Азии, других регионов мира, в том числе на пространстве Центральной Азии. Эта страна с более чем миллиардным населением и крупным экономическим и научно-технологическим потенциалом уже является великой державой, проявляя заботу и ответственность за судьбы народов мира, активно участвуя в международных и региональных организациях. Все это свидетельствует о том, что Индия, ставшая ныне важным и активным субъектом международных отношений и мировой политики, будет играть в Центральноазиатском регионе весьма позитивную роль, особенно в вопросах экономического развития, интеграции, азиатской регионализации и безопасности.

Важно отметить, что регион Центральной Азии будет все более укрепляться, создавая прочную основу развития экономической стабильности и безопасности в Азии, оказывая существенное влияние на характер геополитической ситуации в Азии, и роль Индии в этих процессах будет неуклонно возрастать.

2. Исследования периода 1850-1950 гг.

Целями и задачами исследования этого периода было обобщить и систематизировать основные направления, особенности и тенденции развития экономики Центральной и Южной Азии (на примере Индии) и их торгово-экономические связи во второй половине XIX – первой половине XX в. Рассмотрены основные направления развития экономики этих регионов, их торговые и экономические связи, исследованы характерные черты, формы и возможности отношений стран на двустороннем, региональном и многостороннем уровне; дан анализ механизмов и институтов взаимоотношений этих регионов.

Были исследованы следующие вопросы: колониальная система управления в Индии в начале второй половины XIX в.; экономическое развитие Индии во второй половине XIX в.; борьба за Центральную

Азию во второй половине XIX – начале XX в.; Индия во взаимоотношениях со странами Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX в.; рассмотрены зарубежные взгляды на проблемы Центральной Азии и др. Уделено внимание афганским, индийским и российским факторам, влияющим на страны Центральной Азии того времени, а также работе индийской диаспоры и ростовщиков, действовавших в Центральной Азии, вопросам торговли Индии с Центральной Азией.

В процессе исследования изучались и обобщались экономические данные по отмеченному периоду, выявлялись основные направления развития экономики этих регионов и их взаимосвязи, сопоставлялось их возможное место в современной внешней политике Республики Узбекистан. Исследование позволило расширить знание и представление об этих регионах того времени, изучить дипломатические и институциональные способы и методы реализации задач установления и развития взаимоотношений, определить роль этих регионов по уровню эффективности участия представительства Индии в международных отношениях того периода.

На базе новых исторических данных проведено комплексное рассмотрение важнейших исторических аспектов развития экономики стран Центральной и Южной Азии, их торгово-экономических связей. Это обеспечило основу для более глубокого изучения затронутых вопросов, возможности применения полученных знаний в практической деятельности. Таким образом, предпринята попытка обобщить и систематизировать проблемы экономики и экономических связей того времени, установить новые взаимосвязи [15].

Несмотря на огромное количество научных работ, требуются дальнейшие системные научные исследования системы государственного управления, экономики, торговли и других сфер правления, связанных с государством Бабуридов в Индии.

3. Исследования периода 1500-1850 гг.

Исследования наследия Бабура и его династии в Индии продолжают оставаться актуальными у индологов и востоковедов даже спустя более 150 лет после последнего правителя Бахадур-Шаха II в Рангоне. Несмотря на огромное количество научных работ, выполненных в самой Индии, других странах и Узбекистане, остаются вопросы и направления, которые требуют дальнейших системных научных исследований. К таким направлениям относятся исследования системы государственного управления, экономики, торговли и других сфер правления, связанных с государством Бабуридов в Индии.

В условиях расширения участия центральноазиатских и южноазиатских стран в международных институтах и организациях необходимо глубже исследовать развитие и взаимоотношения этих регионов в прошлом рассматривать их как историческую неизбежность и как мощный фактор возможного влияния на устойчивость, стабильность регионов Центральной и Южной Азии в будущем.

Мы попытались затронуть лишь некоторые аспекты системы управления экономикой в период правления Бабуридов в Индии, отмеченные индийскими учеными и западными востоковедами, – от Бабура до конца правления Аурангзеба [16].

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что в условиях глобализации, активных процессов интеграции и расширения участия центральноазиатских и южноазиатских стран в международных институтах и организациях необходимо глубже не только исследовать развитие и взаимоотношения этих регионов в прошлом, но и рассматривать их как историческую неизбежность и как мощный фактор возможного влияния на устойчивость, стабильность регионов Центральной и Южной Азии в будущем. Эта проблема представляется особенно актуальной и в связи с углублением интеграции экономики Узбекистана в мировую экономику, которая сопровождается ростом его открытости, и одновременно с необходимостью обеспечения национальных интересов, устойчивого развития и экономической безопасности страны.

Актуальность этих направлений исследования становится очевидной с позиции предложений Президента Узбекистана Ш.Мирзиёева, выдвинутых на международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», где он подчеркнул важность «системного изучения и анализа тенденций развития и взаимосвязанности наших регионов» и предложил создать «постоянно действующий экспертный пул из видных ученых и исследователей наших стран для продвижения регионального сотрудничества». На наш взгляд, в рамках этого предложения Ш.Мирзиёева будут практичными следующие меры: а) проработка совместных зарубежных грантов по исследованию региона Центральная и Южная Азия; б) выделение грантов Академии наук Узбекистана на эти исследования, а также грантов министерств и ведомств на исследование этих направлений.

Литература

1. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на Международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности». 16.07.2021. https://president.uz/ru/lists/view/4484

2. *Мавланов И.Р.* Экономическая дипломатия Индии в условиях трансформации мирового порядка. – Ташкент: УМЭД, 2010.

3. Indian Economy Since Independence. New, Revised and Enlarged. 15th edn. / Uma Kapila (ed.). – New Delhi: Academic Foundation, 2003; *Маляров О.В.* Проблемы социально-экономического развития Индии и пути их решения: эволюция в ходе смены модели развития // Индия: социально-экономические проблемы и пути их решения. – М.: Институт востоковедения РАН, 2003. С. 144-145.

4. *Sengupta Arjun.* Fifty Years of Development Policy in India // Independent India: The First Fifty Years / Hiranmay Karlekar (ed.). – New Delhi: Oxford University Press, 1998. P. 141-143; Индия сегодня. – М.: Институт востоковедения РАН, Ариавар-та-Пресс, 2005. С. 258-259.

5. Foreign Trade (Development and Regulation Act), 1992 (№. 22 of 1992), Government of India, New-Delhi.

6. Export and Import Policy for the period 1997-2002. – New-Delhi: Government of India, 1997. http://exim.indiamart.com/indian-exim-policy/introduction.html

7. Ninth Five Year Plan 1997-2002: Development goals, strategy and policies, Vol. I; Thematic issues and sectoral programmes, Vol. II. – New Delhi: Government of India, Planning Commission. – P.8.

8. Exim Policy 2002-2007, Government of India, Ministry of Commerce and Industry, Department of Commerce. – New-Delhi, 2002. http://exim.indiamart.com/indian-exim-policy/exim-policy-2002-07/contents.html

9. Foreign Trade Policy: 1st September 2004 – 31st March 2009 (Issued from F.No. 01/94/180/FTP/AM08/PC-I) – New Delhi: Ministry of Commerce and Industry, Department of commerce, 2007. – P.8.

10. *Kapur H.* Diplomacy of India: Then and Now. – New Delhi: Manas Publications, 2002; *Rana K.S.* Inside Diplomacy. – New Delhi: Manas Publication, 2000; *Rana K.S.* The 21st Century Ambassador: Plenipotentiary to Chief Executive. – New Delhi: Oxford University Press, 2005.

11. *Мавланов И.Р.* Формирование и развитие современной экономической дипломатии (на примере Индии): Автореф. дисс. ... докт. экон. наук. – Ташкент: Университет мировой экономики и дипломатии, 2012.

12. Сотрудничество и безопасность в Центральной Азии: состояние и перспективы. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008. С. 225.

13. *Mavlanov I.R.* Central Asia and South Asia: Diplomatic Potential of Uzbekistan and India for Sustainable Inter-Regional Economic Cooperation // India's Engagement with Central Asia: with focus on India-Uzbekistan Relations / Jyotsna Bakshi (ed.). – Tashkent: L.B. Shastri Centre for Indian Culture, Centre for Political Studies, University of World Economy and Diplomacy, 2007. P.144-160; *Mavlonov I.* Central Asia and South Asia: Potential of India's Multilateral Economic Diplomacy in Inter-Regional Cooperation // Strategic Analysis. Institute for Defence Studies and Analyses. – New Delhi, 2006, Vol. 30, № 2. P.424-448; *Mavlonov I.* India's Economic Diplomacy with Central Asia Nations and the Economic Development of the Region // Dialogue – Quarterly: A Journal of Astha Bharati. – New Delhi, 2006. Vol.7, №3. P.24-42.

14. Сотрудничество и безопасность в Центральной Азии: состояние и перспективы. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008. С.221.

15. *Мавланов И.Р.* Индия - Центральная Азия: экономическое состояние и торгово-экономические связи во второй половине XIX – первой половине XX в. – Ташкент: Институт востоковедения им. А.Беруни АН РУз, 2012.

16. *Мавлонов И.* Бобурийлар давлатининг иктисодий тизими // Jamiyat va boshqaruv. – Тошкент, 2008. № 4. 62-67 бет; *Мавланов И.* Ҳиндистонда Бобурийлар давлати савдо-сотиқ дипломатиясининг айрим жиҳатлари // Sharqshunoslik. Тошкент, 2011, № 15. 101-110 бет; *Мавланов И.Р.* Некоторые аспекты экономической системы государства Бабуридов в Индии // Международные отношения: политика, экономика, право. Ташкент, 2012, № 3. С.61-65; *Мавланов И.Р.* Некоторые аспекты экономической системы государства Бабуридов в Индии (продолжение, начало см. в №3, 2012 г.) // Международные отношения: политика, экономика, право. Ташкент, 2012, № 4. С.40-46.

А. Умаров

Трансформация позиции Узбекистана по Афганистану: новые направления

Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев придал новый импульс политике наращивания сотрудничества и нормализации отношений с соседними государствами. Несомненно, соседняя Исламская Республика Афганистан занимает в этом контексте особое место. В последние годы Узбекистан заметно расширяет двусторонние связи с Афганистаном, активно участвует в международных усилиях по решению афганской проблемы. В течение долгого времени конфликт в Афганистане, включающий борьбу с терроризмом и религиозным экстремизмом, использование водных ресурсов региона, проблемы энергетики и транспорта, считались высоко секьюритизированной проблемой. Это было симптоматично для всех стран Центральной Азии, чьи лидеры часто утверждали, что конфликт в Афганистане негативно влияет практически на все политические и экономические процессы в Центральной Азии, так как потенциально является одним из основных дестабилизирующих факторов в регионе. Однако новое руководство Республики Узбекистан внесло несколько изменений в подход к мирному процессу в Афганистане.

Во-первых, серьезным изменением во внешней политике Узбекистана в отношении Афганистана после 2016 г. стала десекьюритизация вопросов двустороннего сотрудничества. Вместо того, чтобы сосредоточиться на вопросах безопасности, Ташкент сделал упор на расширение торговых, экономических, культурных, образовательных и межличностных связей между странами. Действующие ограничения на доступ к

Умаров А., ведущий научный сотрудник УМЭД.

Серьезным изменением во внешней политике Узбекистана в отношении Афганистана после 2016 г. стала десекьюритизация вопросов двустороннего сотрудничества. Вместо того, чтобы сосредоточиться на вопросах безопасности, Ташкент сделал упор на расширение торговых, экономических, культурных, образовательных и межличностных связей между странами.

узбекистанскому рынку для афганских компаний были сняты, использование узбекистанских железнодорожных коридоров для ввоза и вывоза товаров в Афганистан, выдача виз афганским гражданам были значительно облегчены. Узбекистан активизировал работу по продвижению узбекистанских товаров и услуг в Афганистане путем открытия представительств и торговых домов.

Во-вторых, благодаря новой внешней политике Узбекистана стало постепенно расширяться его участие в многосторонних форматах урегулирования конфликта в Афганистане. Ранее Ташкент придерживался позиции приоритетности двусторонних контактов в отношениях с Афганистаном и нецелесообразности участия в многосторонних форматах. Однако сокращение военного присутствия западных стран, ухудшение ситуации с безопасностью в стране и необходимость эффективной политической поддержки процесса внутриафганского урегулирования способствовали изменению подходов Узбекистана к отношениям с Афганистаном. Символичным можно считать назначение в мае 2017 г. спецпредставителя Президента Республики Узбекистан по Афганистану Исматуллы Иргашева [1], что послужило дальнейшему сближению и развитию сотрудничества между странами.

Афганский конфликт затрагивает интересы многих региональных и глобальных держав, и решение, которое подходит одним, может противоречить позициям других. Поэтому организацию ряда мероприятий высокого уровня по Афганистану в Ташкенте можно считать большим дипломатическим достижением Узбекистана. Наши дипломаты смогли собрать за один стол переговоров даже представителей стран со сложными двусторонними отношениями. Кроме того, проведенные мероприятия ознаменовали новое понимание исторической близости Афганистана и стран Центральной Азии. Они продемонстрировали возросшую роль и значительный потенциал стран региона в решении афганской проблемы. Организация переговоров дала новый импульс процессу стабилизации ситуации в Афганистане.

В-третьих, Узбекистан стал продвигать ряд инициатив в афганском направлении. Планируется строительство крупных инфраструктурных проектов, в их числе железной дороги Мазари-Шариф–Герат (730 км, стоимость около 3 млрд долл. США) [2], железной дороги от Мазари-

Шарифа до Пешавара (предполагается создание системной инфраструктуры в 264 моста, 7 тоннелей и 641 водопропускной трубы) [3], сооружение линий электропередач Сурхан–Пули–Хумри (260 км, 150 млн долл. США) [4]. Реализация этих проектов послужит значительному расширению торгово-экономического сотрудничества между нашими странами и будет способствовать созданию новых рабочих мест, росту афганской экономики. Узбекистан также планирует присоединиться к проекту газопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ). Эти проекты могут помочь Афганистану улучшить связь между регионами Центральной и Южной Азии.

В-четвертых, Ташкент много усилий направлял на поощрение мирных переговоров между противоборствующими группами в соседней стране. Учитывая положительное отношение к Узбекистану различных афганских политических сил, усилия Ташкента в стабилизации обстановки Афганистана могут оказаться весьма продуктивными.

Урегулирование афганского конфликта может принести Узбекистану ряд преимуществ, в том числе обеспечить безопасность в приграничных провинциях, открыть новые экономические и торговые возможности, улучшить сообщение с развивающимся регионом Южной Азии и освоить более короткие пути к морю.

Ожидание компромиссного решения долгосрочного конфликта в Афганистане требует от Узбекистана и других сторон расширения взгляда на будущее развитие страны. Достижение соглашения между воюющими сторонами и создание всеохватного афганского правительства не могут обеспечить устойчивого развития страны в будущем. В такой ситуации международное сообщество и особенно соседние государства должны выполнять важную координирующую роль в социально-экономическом восстановлении Афганистана, строительстве жизненно важной инфраструктуры, создании рабочих мест и борьбе с бедностью. Без гарантированной и ощутимой международной поддержки установлению мира в этой стране может угрожать скорейший крах и откат назад.

Урегулирование афганского конфликта может принести Узбекистану ряд преимуществ, в том числе обеспечить безопасность в приграничных провинциях, открыть новые экономические и торговые возможности, улучшить сообщение с развивающимся регионом Южной Азии и освоить более короткие пути к морю.

В-пятых, Узбекистан выступает за активное продвижение концепции расширенного взаимодействия и партнерства между странами Центральной и Южной Азией через Афганистан. Поскольку международные силы были задействованы в целях стабилизации ситуации в Афга-

нистане, эта страна стала ключевой площадкой для возобновления исторических контактов между странами Центральной и Южной Азии, жизненно заинтересованных в стабильности соседней страны. В связи с этим Афганистан, ранее служивший изолятором, разделявшим противоборствующие силы, становится центром нового макрорегиона, соединяющего Центральную и Южную Азию. Уникальность Афганистана заключается в том, что страна может переформатировать демаркационные линии между Центральной и Южной Азией, проходящие внутри его территории, в границу добрососедства, взаимопонимания, доверия и разностороннего прогресса. Географическая граница между Центральной и Южной Азией проходит через центральные провинции Афганистана, в то время как северные и северо-западные провинции страны ближе к Центральной Азии, а южные и восточные провинции - к Южной Азии. Естественным отделителем Северного Афганистана от остальной части страны является горная система Гиндукуш, которая простирается почти через всю центральную часть страны.

Реализация инфраструктурных проектов, объединяющих разделенные провинции Афганистана, также позволит усилить взаимодействие между регионами Центральной и Южной Азии. Строительство автомобильных и железных дорог, пересекающих Афганистан в качестве кратчайшего пути, соединяющего регионы, может стимулировать не только рост социально-экономического сотрудничества, но и налаживание политических, культурных и гуманитарных контактов. Одновременно реализация масштабных экономических проектов может стимулировать появление новых стимулов для создания рабочих мест, формирования доходов государственного бюджета и цепочек услуг для обеспечения эффективной работы автомобильных и железных дорог.

Афганистан становится центром нового макрорегиона, соединяющего Центральную и Южную Азию. Уникальность Афганистана заключается в том, что страна может переформатировать демаркационные линии между Центральной и Южной Азией, проходящие внутри его территории, в границу добрососедства, взаимопонимания, доверия и разностороннего прогресса.

Регион Центральной и Южной Азии относится к наименее интегрированным регионам мира. Фактор нестабильности в Афганистане продолжает оказывать деструктивное влияние на укрепление и внутрирегионального, и межрегионального взаимодействия между странами Центральной и Южной Азии. Однако, как показывает многолетний опыт, выстраивание излишне секьюритизированной внешнеполитической линии государствами обоих регионов на афганском направлении не способно принести конструктивные ре-

зультаты в интересах государств Центральной и Южной Азии. Дальнейшая десекьюритизация афганского вопроса, планирование и реализация важнейших инфраструктурных проектов, пересекающих Афганистан и связывающих регионы Центральной и Южной Азии, потенциально могут дать положительный импульс для политической, социально-экономической, культурной и гуманитарной интеграции этой большой страны, занимающей пространство от Каспийского моря до Индийского океана.

Регион Центральной и Южной Азии относится к наименее интегрированным регионам мира.

Перспективы устойчивого развития стран, входящих в регион Центральной и Южной Азии, неразрывно связаны с достижением мира в соседнем Афганистане. Стабильный, предсказуемый и динамичный Афганистан может стать важным мостом между Центральной и Южной Азией, а также ключевым игроком в восстановлении исторического Великого Шелкового пути с учетом современных реалий. Важно оценить возможности государств Центральной и Южной Азии в разрешении афганского конфликта, продемонстрировать долгосрочную приверженность делу установления мира в этой стране и выстраивать всестороннее межрегиональное сотрудничество. Остаются нерешенными серьезные проблемы, препятствующие развитию контактов между Центральной и Южной Азией, что обуславливает необходимость пройти сложный путь интеграции двух регионов и выработать нестандартные решения для установления прочного мира в Афганистане.

Узбекистан продолжает демонстрировать решимость содействовать стабилизации Афганистана в реализации конкретных проектов мирного строительства, восстановлении экономики государства, разрушенного длительной войной. Ташкент намерен продолжить практическое содействие в создании инфраструктуры Афганистана и в будущем, рассматривая это как непременное условие обеспечения мира и процветания в этой стране и во всем Центральноазиатском регионе.

Активная внешняя политика Узбекистана в афганском направлении, изменение восприятия страны не как источника рисков и вызовов, а как открытие потенциальных возможностей позволят достичь значительных успехов в укреплении сотрудничества между государствами и мирном урегулировании ситуации в Афганистане.

Длящийся конфликт в Афганистане носит сложный характер, поэтому решение этой проблемы также должно быть многовекторным, охватывая социальную, экономическую, военно-политическую и другие сферы жизни страны. При разрешении этого конфликта важно создать условия для диалога между всеми сторонами конфликта, отдать при-

оритет экономическим и ненасильственным методам воздействия на сложившуюся ситуацию. Узбекистан демонстрирует свою решимость содействовать стабилизации Афганистана реализацией конкретных проектов мирного строительства, восстановления экономики соседнего государства, разрушенного многолетней войной. Ташкент намерен и дальше оказывать практическое содействие в создании инфраструктуры Афганистана, расширении торговых и культурно-гуманитарных связей, рассматривая это как непременное условие обеспечения мира и процветания в этой стране.

Доминирующим риском для инициатив по мирному экономическому восстановлению Афганистана является необходимость быстрого получения конкретных результатов. Афганистан и Центральная Азия остро нуждаются в эффективных и позитивных результатах постоянных дискуссий и переговоров по афганскому конфликту. В длящейся истории попыток установления мира в Афганистане можно увидеть различные инициативы, переговорные площадки, контактные или координационные группы, четырехсторонние, трехсторонние или многосторонние форматы, которые в конечном итоге оказались не очень продуктивными. Большинство этих инициатив не смогли достичь заявленных целей, потому что подвергались неадекватной координации и руководству, были раздроблены противоречивыми интересами их участников или использовали афганский конфликт для выгоды своих государств.

Доминирующим риском для инициатив по мирному экономическому восстановлению Афганистана является необходимость быстрого получения конкретных результатов. Афганистан и Центральная Азия остро нуждаются в эффективных и позитивных результатах постоянных дискуссий и переговоров по афганскому конфликту.

Успешная реализация запланированных крупномасштабных инфраструктурных проектов, пересекающих Афганистан в Южную Азию, требует стабильного, надежного и предсказуемого управления в стране. Следовательно, сложившийся тупиковый статус-кво в Афганистане должен быть нарушен, а международное сообщество должно поддержать формирование нового открытого афганского правительства, способного обеспечить безопасность и устойчивое развитие страны.

В то же время важно вовлечь в процесс афганской стабилизации другие заинтересованные страны и развернуть комплексную дипломатическую работу для координации предложенных инициатив для их успешной реализации. Очевидно, что невозможно возложить ответственность за будущее Афганистана на Узбекистан и других соседей

этой зоны конфликта. Несмотря на современную активную позицию и политические, дипломатические, социально-экономические усилия Ташкента по поддержке урегулирования конфликта в Афганистане, очевидно, что страны региона не обладают достаточным экономическим потенциалом для оказания помощи в восстановлении всей страны. Узбекистан и другие соседние страны могут быть основными партнерами международного сообщества в разрешении конфликтов и социально-экономическом возрождении Афганистана.

Литература

1. Назначен Спецпредставитель Президента Узбекистана по Афганистану // *Газета.уз*, 25 мая 2017 г. https://www.gazeta.uz/ru/2017/05/25/afghanistan/

2. Афганистан сможет увеличить товарооборот на 50% благодаря ж/д Мазари-Шариф–Герат'. *Агентство новостей «Podrobno.uz»*, 23 марта 2018 г. http://podrobno.uz/cat/economic/afganistan-smozhet-uvelichit-tovarooborot-na-50-blagodarya-zh-d-mazari-sharif-gerat-/

3. *Элдор Арипов*. «Мазари-Шариф – Пешавар»: коридор в новое будущее Центральной и Южной Азии // *Газета.уз*, 11 февраля 2021. https://www.gazeta.uz/ru/2021/02/11/route/

4. «Узбекэнерго» приступило к строительству новой ЛЭП в Афганистан за $150 млн // *ИА «Spot.uz»*, 24 марта 2018. https://www.spot.uz/ru/2018/03/24/afgan/

У.А. Хасанов

Политика добрососедства как модель регионального развития

В современном мире многие страны в условиях девальвации стабилизирующих механизмов международной системы стремятся проводить прагматичную политику, исходя прежде всего из собственных интересов. Актуальными становятся вопросы реалистичного и объективного восприятия таких интересов, соотнесения их с историей, географией, экономической целесообразностью и действительностью.

Выбор стратегии целей национального развития выдвигается на первый план под влиянием процессов глобализации.

С приходом к руководству Республикой Узбекистан Президент Ш.М. Мирзиёев инициировал новую внешнеполитическую стратегию страны, в которой ключевой задачей определено создание в Центральной Азии атмосферы доверия, взаимопонимания, добрососедства и сотрудничества [1].

Происходит формирование новой геополитической реальности в этом стратегически важном регионе мира. Укрепление сотрудничества и повышение доверия между странами Центральной Азии превращают регион в более независимое, предсказуемое и устойчивое пространство мировой политики [2].

Основные исторически сложившиеся принципы государственной самобытности в Центральноазиатском регионе базируются на балансе секуляризма и духовности. В светской форме государство было уравновешено духовным началом и остается устойчивым к его содержанию. Оно показывает определенную последовательность, преемственность в

Хасанов У.А., зав. кафедрой «Международные отношения», УМЭД.

принципах государственного строительства в регионе, что очень важно для поддержания конструктивного баланса между этатистскими, светскими и традиционными ценностями. Необходимо понимать, что Узбекистан и другие страны Центральной Азии смогли мобилизовать внутренние ресурсы для противостояния различным проявлениям экстремизма и сепаратизма, несмотря на бытующее в экспертном сообществе мнение о расположении региона на так называемой «геостратегической линии разлома» мира.

Государства Центральной Азии объединяют общие трудности переходного периода, заключающиеся в реформировании политических и экономических структур. Центральноазиатский регион характеризуется тем, что в условиях кризиса национальных государств в других регионах мира здесь продолжается строительство государственности и укрепление суверенитета. По мнению ведущих зарубежных экспертов, государственное и общественное строительство Центральной Азии имеет свои специфические особенности, которые следует рассмотреть более внимательно [3], особенно в условиях волатильности и фрагментарности нынешних политических процессов в регионе и мире.

Становление совершенно новой системы взаимоотношений в Центральной Азии по сути ведет к трансформации национальных интересов государств региона и к новым реалиям, их практическая адаптация и возможная консолидация подходов достижима только на основе коллективной координации действий двух и более государств. Именно благодаря новому качеству двусторонних отношений Узбекистана с Казахстаном, Туркменистаном, Кыргызстаном, Таджикистаном в регионе начинает формироваться тесное региональное взаимодействие.

С приходом к руководству Республикой Узбекистан Президент Ш.М. Мирзиёев инициировал новую внешнеполитическую стратегию страны, в которой ключевой задачей определено создание в Центральной Азии атмосферы доверия, взаимопонимания, добрососедства и сотрудничества

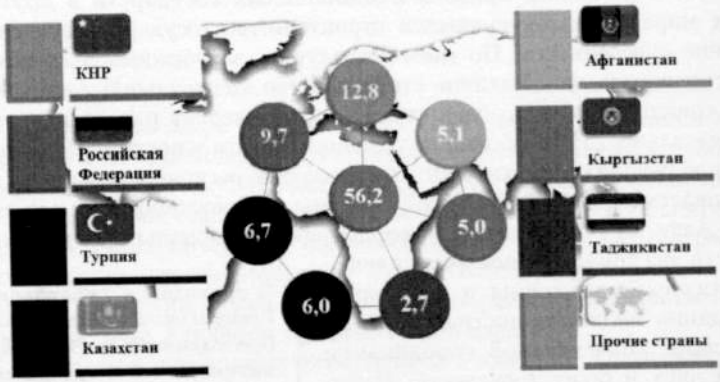
Принципы взаимного уважения и взаимной выгоды между государствами Центральной Азии, неукоснительное соблюдение национальных интересов служат решению общечеловеческих проблем. Морально-этическая категория добрососедских отношений в регионе значительно выше, чем просто научный термин «построение доверия» (trust-building) [4], распространенный в современной Европе и на Западе, и исторически более глубоко отражает уровень отношений между этими странами и народами.

В качестве базовых составляющих роста в Центральной Азии усиливаются принципиально новые тенденции регионального развития, за-

метно возрос уровень политического доверия. Новая обстановка позволила значительно активизировать торгово-экономические связи между странами Центральной Азии. Так, по итогам 2017 г. товарооборот Узбекистана со странами региона превысил 3 млрд долл. США, увеличился на 20%. Как отметил глава Узбекистана на состоявшемся в Астане Саммите глав государств Центральной Азии, в ближайшие годы объем взаимной торговли достигнет 5 млрд долл. США [5].

Доля семи крупных стран-партнеров в экспорте товаров и услуг

(за январь-декабрь 2020 г., %)

См.: Ежегодный Доклад Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике «Социально-экономическое положение Республики Узбекистан» за 2020 г. https://stat.uz/ru/?preview=1&option=com_dropfiles&format=&task=frontfile.download&catid=318&id= 1371&Itemid=1000000000000

В январе-декабре 2020 г. основными нашими партнерами по экспорту товаров и услуг во внешнеторговом обороте стали такие страны, как КНР (12,8 % от общего объема экспорта), Российская Федерация (9,7 %), Турция (6,7 %), Казахстан (6,0 %), Афганистан (5,1 %), Кыргызстан (5,0 %) и Таджикистан (2,7 %). Их доля в общем объеме экспорта достигла 48,0 % [6]. Эти цифры свидетельствуют о стабильности и интенсивности экспортно-импортной деятельности республики со странами региона, несмотря на сложные испытания периода пандемии 2020 г.

В период с сентября 2016 г. по июль 2021 г. по итогам договоренностей между главами соседних стран в ходе двусторонних рабочих встреч и бесед, проведенных в рамках международных организаций, перегово-

ры по делимитации и демаркации государственных границ региона [7] приняли интенсивный характер и стали непрерывными. Достигнуты компромиссы в определении линии границ, включая сложные и довольно спорные их участки.

Устойчивое развитие стран Центральной Азии во многом зависит от полноформатного включения соседнего Афганистана в региональные экономические процессы. Определение общей региональной повестки невозможно без учета афганского фактора. Одной из приоритетных задач признано всестороннее содействие интеграции нынешнего Афганистана в региональные экономические процессы. Как отметил Президент Узбекистана Ш.Мирзиёев, «...это станет важным вкладом в глобальные усилия по обеспечению мирного развития в Афганистане... Узбекистан принимает активное участие в экономическом восстановлении соседней страны, развитии ее транспортной и энергетической инфраструктуры, подготовке ее национальных кадров» (см. [1]).

Основные позиции Узбекистана в отношении Афганистана были изложены главой Узбекистана Ш.М. Мирзиёевым на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке в сентябре 2017 г., а также в ходе других международных форумов и конференций международного уровня. При определении перспектив устойчивого развития в Центральной Азии учитывается тот факт, что региональная повестка дня связана с программными мерами содействия социально-экономическому восстановлению и развитию соседнего Афганистана как неотъемлемой части Центральной Азии. Государства Центральной Азии и Афганистана объединяет общая история, религия, культура и традиции, взаимные интересы в области обеспечения безопасности и развития торговли. В то же время стабильный Афганистан может связать страны Центральной Азии с рынками Европы и Китая, открыв наикратчайший путь к портам Индийского океана и Персидского залива [8]. Настало время превратить стандартные клише представлений об Афганистане как источнике региональных угроз и угроз в стратегическое взаимодействие, способное дать совершенно новый импульс развитию широких трансрегиональных связей на всем евразийском пространстве.

Принципы взаимного уважения и взаимной выгоды между государствами Центральной Азии, неукоснительное соблюдение национальных интересов служат решению общечеловеческих проблем. Морально-этическая категория добрососедских отношений в регионе значительно выше, чем просто научный термин «построение доверия» (trust-building), распространенный в современной Европе и на Западе, и исторически более глубоко отражает уровень отношений между этими странами и народами.

Руководство республики последовательно настаивало на необходимости прямого диалога с «Талибаном», исходя из превалирующего принципа о приоритете мирного консенсуса во внутриафганском политическом процессе. Ташкент напрямую заинтересован в экономическом восстановлении Афганистана в рамках Стратегии устойчивого развития и добрососедства в Центральной Азии. Так, в 2017 г. объем товарооборота с Афганистаном вырос на 15%, составив около 600 млн долл. США. Принята «дорожная карта развития сотрудничества», реализация которой позволит в ближайшие годы значительно увеличить товарооборот и довести его объем до 1,5 млрд долл. США. Достигнута договоренность об организации долгосрочных поставок из Узбекистана в Афганистан ежегодно 300 тыс. т минеральных удобрений, 2 тыс. единиц сельхозтехники, до 250 тыс т различных сортов зерновых [9], осуществляются поставки и других видов продовольствия и товаров, пользующихся высоким спросом на афганском рынке.

Своевременными оказались усилия руководства республики по переосмыслению и углублению региональных взаимосвязей в качестве программных приоритетов национальной внешней политики. 15-16 июля 2021 г. в Ташкенте состоялась международная конференция высокого уровня «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», в рамках которой президентом Республики Узбекистан Шавкатом Мирзиёевым был выдвинут ряд инициатив региональной коннективности (см. [1]). Инициативы по углублению интегральных связей между Центральной Азией с ее партнерами из Южной Азии основаны на связях в экономическом, социальном и культурно-цивилизационном пространстве. Еще одна инициатива привела к формированию экспертно-аналитической площадки для многоформатного поиска и обсуждения оптимальных моделей межрегионального сотрудничества мегарегиона «Центральная Азия – Южная Азия» в транспортно-логистической, энергетической, торговой, производственной, инвестиционной, технологической и культурно-гуманитарной сферах [10].

Определение общей региональной повестки невозможно без учета афганского фактора. Одной из приоритетных задач признано всестороннее содействие интеграции нынешнего Афганистана в региональные экономические процессы. Как отметил Президент Узбекистана Ш.Мирзиеев, «...это станет важным вкладом в глобальные усилия по обеспечению мирного развития в Афганистане...

В рамках конференции было анонсировано открытие Международного института Центральной Азии (МИЦА), основным направлением деятельности которой определена реализация совместных научно-ис-

следовательских проектов в соответствии с целями регионального сотрудничества. По итогам конференции была принята Ташкентская декларация об обеспечении мира и безопасности в регионе, укреплении сотрудничества, дальнейшем расширении добрососедских отношений.

Приоритетными направлениями региональной повестки дня обозначены усилия по сохранению и укреплению безопасности и стабильности в Центральной Азии, рациональному использованию водно-энергетических ресурсов, расширению культурно-гуманитарного сотрудничества. Предложено усилить вовлечение в процесс регионального сотрудничества ресурсов «народной дипломатии» - институтов гражданского общества, медиасферы, парламентов.

Отдельно нужно остановиться на некоторых аспектах состоявшейся в начале августа 2021 г. в Туркменистане Третьей консультативной встречи глав государств Центральной Азии. В продолжение инициатив, обозначенных в ходе Ташкентской конференции месяцем ранее, Президент Узбекистана Ш.М. Мирзиёев в ходе встречи подчеркнул важность транспортно-коммуникационной составляющей сотрудничества стран региона, обратил внимание на геоэкономический потенциал и широкие возможности Транс-афганского коридора «Термез – Мазари - Шариф – Кабул – Пешавар», автомобильной и железной дорог «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» в ходе дальнейшей реализации совместных проектов регионального значения [11], а также создания регионального центра развития транспортно-коммуникационных отношений при ООН, Регионального совета по транспортным коммуникациям. Подчеркнута необходимость разработки совместных мер по созданию общего энергетического пространства, полному запуску единого энергетического кольца в Центральной Азии. Немаловажными становятся совместные узбекско-кыргызские соглашения о взаимной поставке электроэнергии мощностью 750 млн кВт/ч, а также с Таджикистаном – о строительстве двух ГЭС мощностью 320 МВт на р. Зеравшан. Узбекистан выразил готовность принять участие в проектах строительства Камбаратинской и Рогунской ГЭС.

Таким образом, в ходе форумов и совместных обсуждений были заложены механизмы консультативных встреч на высшем уровне в качестве действенной площадки конструктивного диалога и последовательного решения общих проблем стран Центральной Азии.

Страны региона понимают необходимость поддержки перехода к «зеленой экономике» в условиях негативного воздействия глобального изменения климата.

Исключительно важной признана совместная разработка механизма комплексных мер по борьбе с распространением коронавируса, в том числе принятия единой информационной системы в сфере научно-практического сотрудничества в области биомедицины, фармакологии и кооперации в производстве жизненно важных лекарственных средств [12].

Как констатирует Первый заместитель председателя Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан, председатель Ташкентского международного дискуссионного клуба Содик Сафоев: «Это огромное общее достояние, это вклад всех стран. Мы можем смотреть с оптимизмом в будущее. Это главный и огромный позитивный результат внешней политики всех наших государств за последние годы.

Приоритетными направлениями региональной повестки дня обозначены усилия по сохранению и укреплению безопасности и стабильности в Центральной Азии, рациональному использованию водно-энергетических ресурсов, расширению культурно-гуманитарного сотрудничества. Предложено усилить вовлечение в процесс регионального сотрудничества ресурсов «народной дипломатии» – институтов гражданского общества, медиасферы, парламентов. Выражена готовность к проведению регионального парламентского форума в Ташкенте, а также поддержана инициатива Узбекистана по организации форума культурного диалога как единой платформы культурно-гуманитарного обмена «Центральная Азия: одно прошлое и одно будущее» [13]. Главы государств поддержали инициативу Президента Республики Таджикистан об объявлении 2025 года Международным годом сохранения ледников и создания Фонда защиты ледников, призвали к совместному продвижению инициативы Президента Туркменистана по разработке стратегии ООН, направленной на реализацию мер по развитию низкоуглеродной энергетики, а также к реализации под эгидой ООН международной «дорожной карты» по развитию водородной энергетики в качестве приоритетного направления.

В ходе саммита стороны договорились подготовить «дорожную карту» по развитию регионального сотрудничества в 2022-2024 гг. Этот документ вобрал все инициативы и определил механизмы и сроки их реализации. Кроме того, в целях налаживания регионального сотрудничества на системной основе руководители стран Центральной Азии на очередной консультативной встрече намерены подписать Соглашение «О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI веке» [14].

Закономерность происходящих процессов подтверждают многие авторитетные эксперты, исследователи, указывая на позитивные тен-

денции, превалирующие в Центральноазиатском регионе. В частности, это констатирует первый заместитель Председателя Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан, председатель Ташкентского международного дискуссионного клуба Содик Сафоев: «Это огромное общее достояние, это вклад всех стран. Мы можем смотреть с оптимизмом в будущее. Это главный и огромный позитивный результат внешней политики всех наших государств за последние годы. И наша общая задача — придать необратимый характер наметившихся тенденций укрепления доверия между странами региона.» [15]. Содик Сафоев подчеркивает, что сегодня возникает «...необходимость создания правовой, а в перспективе и институциональной базы для взаимодействия, в том числе через исследовательские структуры. Главным фактором придания необратимого характера благоприятной среды в Центральной Азии является укрепление мер доверия. Это не связано с декларацией или общими призывами, важно сформулировать принципы, концептуальные основы придания глубины мерам доверия, которые включают не только государственные и негосударственные, но и бизнес-структуры.» [16].

Таким образом, создание нового политического климата в регионе, проведение очередной консультативной встречи глав государств Центральной Азии и принятие согласованного совместного заявления свидетельствуют о том, что процесс регионального сотрудничества приобрел стратегическое значение, а сближение народов и стран Центральной Азии стало объективной реальностью. Открытая и добрососедская политика Узбекистана в отношении ближайших соседей, благодаря которой в Центральной Азии создана дружественная атмосфера, а также благоприятные условия для взаимовыгодного сотрудничества между странами региона, заслуживают высокой оценки и встречают полную поддержку во всем мире.

Литература

1. *Абдуллаев Ш.* Трансформация международной системы и геополитическая идентичность Узбекистана // Международные отношения, 2017, N4. https://www.uwed.uz/ru/e-journal/12

2. Ibidem.

3. *Абдуллаев Ш.* Указ. раб. https://www.uwed.uz/ru/e-journal/12

4. *Мавланов И.* Трансформация экономической дипломатии Узбекистана для реализации внешнеэкономических приоритетов Стратегии действий Республики Узбекистан на 2017-2021 гг. // Международные отношения, 2018, N 1. https://www.uwed.uz/ru/e-journal/13

5. Мавланов И. Указ. раб. https://www.uwed.uz/ru/e-journal/13

6. Государственный комитет по статистике Республики Узбекистан. Социально-экономическое положение Республики Узбекистан // Внешнеэкономическая деятельность. Раздел 1. Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан https://stat.uz/ru/?preview=1&option=com_dropfiles&format=&task=frontfile.download&catid=318&id=1371&Itemid=1000000000000

7. *Неъматов И.* Ускорение завершения правового оформления Государственной границы со странами Центральной Азии как важный приоритет внешней политики Узбекистана // Международные отношения, 2018, N1. https://www.uwed.uz/ru/e-journal/13

8. *Арипов Э.* Узбекско-афганские отношения: новый этап динамичного развития // Международные отношения, 2018, N1. https://www.uwed.uz/ru/e-journal/13

9. Ibidem.

10. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на Международной конференции высокого уровня «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности» // 16.07.2021 (https://president.uz/uz/lists/view/4484)

11. Президент Узбекистана выступил на консультативной встрече глав государств Центральной Азии 06.08.2021 г. https://president.uz/oz/lists/view/4530

12. Президент Узбекистана выступил на консультативной встрече глав государств Центральной Азии 06.08.2021 г. https://president.uz/oz/lists/view/4530

13. Ibidem.

14. Ibidem.

15. Центральная Азия: от регионального взаимодействия к совместному устойчивому росту / Сессия Ташкентского международного дискуссионного клуба / 2021-04-08 https://yumh.uz/ru/news_detail/315)

16. Ibidem.

Л.М. Ташпулатова

Обеспечение продовольственной безопасности в регионе Центральной и Южной Азии: методологические и аналитические подходы к оценке

Проблема продовольственной безопасности носит глобальный характер: производство, распределение и торговля продуктами питания являются важнейшими задачами экономического развития каждого государства независимо от того, в какой степени страна обеспечена производством продуктов питания на душу населения, какая доля населения страны сталкивается с проблемами недоедания. Обеспечение населения продовольствием – одна из главных целей любого правительства и обязательное условие национального суверенитета. *«Совместный поиск путей обеспечения продовольственной безопасности»* по инициативе Президента Республики Узбекистан является одним из приоритетных направлений активного и конструктивного сотрудничества, открывающих новые возможности для более полной реализации торгово-экономического и культурно-цивилизационного потенциала стран Центральной и Южной Азии.

Продовольственная безопасность и права человека. Право на достаточное питание признается одним из основных прав человека, предусмотренных Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. (Генеральная Ассамблея ООН, 1948). В соответствии с международным правом государства несут обязанность, обязательства и ответственность за уважение, защиту и осуществление прав человека, включая право на питание, оговоренное статьей 11 Международного пакта об экономичес-

Ташпулатова Л.М., к.э.н., доцент, заведующая кафедрой «Экономическая теория» УМЭД.

Обеспечение населения продовольствием – одна из главных целей любого правительства и обязательное условие национального суверенитета.

ких, социальных и культурных правах (ООН, 1966). Это право также закреплено и в Конвенции о правах ребенка от 1989 г. и других международных правовых актах. Правительства стран мира подтвердили "право каждого человека в достаточном объеме получать безопасные и полезные продукты питания, которое согласуется с правом на достаточное питание и основополагающим правом на жизнь без голода" в Римской декларации о всемирной продовольственной безопасности, принятой на прошедшей в 1996 г. Всемирной встрече на высшем уровне по проблемам продовольствия (ООН, 1996). Существенная роль в разработке концепции продовольственной безопасности принадлежит ООН, а также таким ее организациям, как Международный чрезвычайный детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Продовольственная и сельскохозяйственная организация объединенных наций (ФАО), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), а также Всемирный Банк и др.

Определение продовольственной безопасности. Впервые термин "продовольственная безопасность" был предложен на Всемирной продовольственной конференции, которая состоялась в 1974 г., в период резкого роста цен на продовольствие и обострения влияния рыночных потрясений на проблему голода в мире. В этом контексте продовольственная безопасность была определена как *"постоянное наличие в мире достаточных запасов основных продуктов питания для поддержания устойчивого роста потребления продовольствия и компенсации колебаний производства и цен."* (FAO, 1974). Данное определение соответствовало широко распространенному в то время представлению, что основными причинами голода являются отсутствие достаточных запасов продовольствия на глобальном уровне и нестабильность международных цен.

В настоящее время на международном уровне существует множество подходов к определению продовольственной безопасности, наиболее широко применяемое из которых определение ФАО: ***«Продовольственная безопасность – это состояние, когда для всех людей обеспечено наличие постоянного физического, социального и экономического доступа к достаточному количеству безопасной и питательной пищи, позволяющей удовлетворять их пищевые потребности и вкусовые предпочтения для ведения активного и здорового образа жизни».***

Таким образом, современная трактовка термина «продовольственная безопасность», включая экономический контекст, неотделима от

принципов социальной справедливости, требующих принятия мер экономической, экологической и социальной политики, нацеленных на искоренение бедности, осуществление всех прав человека, обеспечение устойчивого функционирования продовольственной системы. Проблема обеспечения продовольственной безопасности является не отраслевой проблемой агропродовольственного сектора, а макроэкономическим приоритетом стран вне зависимости от степени развития. Данная проблема связана с устойчивостью экономического роста, уровнем и дифференциацией доходов населения, обеспечением занятости и социальной защиты, динамикой развития внешнеторговых связей, а также другими экономическими индикаторами. Проблему безопасности необходимо решать комплексно: посредством аграрной политики, политики доходов населения, развития продовольственной инфраструктуры, инвестиционных приоритетов и соответствующих мер внешнеторговой политики.

Влияние пандемии COVID-19 на состояние продовольственной безопасности

Пандемия COVID-19 – это беспрецедентный глобальный кризис в области здравоохранения и экономики. После пяти лет относительной стабильности показатель распространенности недоедания всего за один 2020 год вырос с 8,4% до примерно 9,9 %, что еще более усложняет задачу ликвидации голода к 2030 г. В 2020 г. от голода страдали на 118 млн. человек больше, чем в 2019 г. По сравнению с 2019 г. количество голодающих в 2020 г. увеличилось примерно на 46 млн в Африке, на 57 млн в Азии и примерно на 14 млн в Латинской Америке и Карибском бассейне [1]. По прогнозам долгосрочных последствий пандемии COVID-19 в 2030 г. около 660 млн человек будут жить в условиях голода, что на 30 млн больше, чем при сценарии Достижения целей устойчивого развития без пандемии. По данным Всемирного Банка пандемия COVID-19 спровоцировала спад мировой экономики, следствием которого стало серьезное сокращение доходов и средств к существованию у населения и в страновом, и в глобальных масштабах. Снижение покупательной способности населения, в свою очередь, оказало серьезное воздействие на продовольственную безопасность и питание, особенно тех групп населения, которые и ранее находились в уязвимом положении. После введения карантинных мер произошли серьезные сбои в товаропроводящих цепочках продовольствия, которые сказа-

Современная трактовка термина «продовольственная безопасность», включая экономический контекст, неотделима от принципов социальной справедливости.

лись на его наличии, ценах и качестве. В рамках глобальных ответных мер на пандемию объем бюджетного и денежно-кредитного стимулирования для стабилизации экономики и обеспечения средств к существованию уже к июню 2021 г. составил 9 трлн долл., что эквивалентно 6,3% мирового ВВП. Как отмечают международные эксперты, ***без решительных мер социальной защиты, стимулирования экономики, глобального сотрудничества и торговли отсутствие продовольственной безопасности может в конечном счете привести к гораздо более серьезным последствиям для здоровья населения, чем сама болезнь [2].***

Измерение продовольственной безопасности

Многомерность понятия «продовольственная безопасность» отражена в подходах к ее измерению. К числу ведущих организаций, занимающихся не только теоретическим осмыслением проблем продовольственной безопасности, но и ее оценкой и измерением, относятся ФАО, Всемирный Банк, UNICEF. Начиная с 1996 г. ФАО проводит ежегодный мониторинг, обеспечивающий текущий анализ продовольственной безопасности в мире, в 2011 г. была создана открытая база данных на сайте ФАОСТАТ. В настоящее время для оценки продовольственной безопасности используется массив статистических данных, который классифицируется по шести измерениям продовольственной безопасности: ***наличие продовольствия, экономический и физический доступ к продовольствию, использование продовольствия, стабильность, субъектность и устойчивость*** [3] *(табл.1).*

Таблица 1

Измерения продовольственной безопасности		
Наличие	**Доступ**	**Использование**
Наличие не содержащей вредных веществ и приемлемой для конкретной культуры пищи достаточного качества в достаточном количестве для удовлетворения пищевых потребностей людей, обеспечиваемой за счет отечественного производства или импортируемой.	Экономическая, социальная и физическая доступность. Наличие у индивида или домохозяйства финансовых средств для того, чтобы приобретать питательную пищу в объемах, не ставящих под угрозу удовлетворение других основных потребностей, и доступность достаточного питания для всех, включая уязвимых лиц и уязвимые группы.	Использование и наличие полноценного рациона питания, чистой воды, мер санитарии и медицинской помощи для достижения состояния благополучия в области питания, когда удовлетворяются все физиологические потребности.

Стабильность	Субъектность	Устойчивость
Способность поддерживать продовольственную безопасность в случаях внезапных потрясений (например, экономических и медицинских проблем, конфликтов или климатического кризиса) или циклических событий (таких, как сезонное отсутствие продовольственной безопасности).	Способность индивидов или групп самостоятельно решать, какие продукты питания потреблять и производить, как их перерабатывать и распределять, а также их способность участвовать в процессах, определяющих политику регулирования продовольственных систем. Для обеспечения субъектности необходимы социально-политические системы, в которых создаются благоприятные условия для функционирования структур управления, обеспечивающих достижение продовольственной безопасности для всех.	Использование в продовольственных системах методов, способствующих долгосрочному восстановлению природных, социальных, экономических систем, которые обеспечивают удовлетворение в продовольствии потребностей ныне живущих поколений без ущерба для будущих поколений.

Цели устойчивого развития и проблема обеспечения продовольственной безопасности

Цели устойчивого развития

В сентябре 2015 г. 193 государства – члена ООН приняли ***Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года***. Цели устойчивого развития, принятые в 2015 г. в рамках Глобальной повестки ООН 2030, имеют комплексный и неделимый характер, поскольку направлены на обеспечение сбалансированности важнейших компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического. По каждой из 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) были сформулированы задачи с указанием количественных и качественных параметров, которые необходимо достигнуть к 2030 г. Новая повестка дня включает 169 задач, при этом мониторинг реализации каждой конкретной задачи основан на комплексном анализе соответствующих индикаторов, принятых на международном уровне.

Реализация ЦУР в Узбекистане совпала с реализацией масштабных реформ, намеченных в национальной ***Стратегии действий на 2017-2021 гг.*** Для последовательной реализации ЦУР в Узбекистане было принято Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан №841 от 20 октября 2018 г. «***О мерах по реализации Национальных целей и задач в области устойчивого развития на период до 2030 года»,*** на основе которого сформирован национальный перечень из 16 целей, 125 задач и 200 индикаторов ЦУР, отражающих национальные приоритеты развития страны. Создан межведомственный Координационный совет во главе с заместителем премьер-министра Республики Узбекистан и принята «дорожная карта» по реализации национальных ЦУР. Начала свою деятельность Парламентская комиссия по мониторингу ЦУР. В основу широкомасштабных реформ в Узбекистане заложен важнейший принцип ***интересы человека превыше всего***, который созвучен с главным принципом ЦУР ***не оставить никого позади.***

Обеспечение продовольственной безопасности и безопасного питания являются важнейшими стратегическими приоритетами развития, определенными ООН в Повестке – 2030 в 17 целях устойчивого развития (ЦУР), где Цель №2 определена как ***«Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства»***.

Для реализации данной цели сформулировано восемь задач, характеризирующих различные компоненты продовольственной безопасности, начиная с голода, неполноценного питания, производительности и дохода мелких фермерских хозяйств, устойчивости методов сельскохозяйственного производства и заканчивая защитой генетических ресурсов в растениеводстве и животноводстве (табл.2).

Таблица 2

Глобальная цель 2: задачи и индикаторы на период до 2030 г.

Цель 2. Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства	
Задачи ЦУР 2	**Индикатор**
2.1. К 2030 г. покончить с голодом и обеспечить всем, особенно малоимущим и уязвимым группам населения, включая младенцев, круглогодичный доступ к безопасной, питательной и достаточной пище.	**2.1.1.** *Распространенность недоедания*
	2.1.2 *Уровень умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности населения (по «Шкале восприятия отсутствия продовольственной безопасности»).*
2.2. К 2030 г. покончить со всеми формами недоедания, в том числе достичь к 2025 г. согласованных на международном уровне целевых показателей, касающихся борьбы с задержкой роста и истощением у детей в возрасте до пяти лет, и удовлетворять потребности в питании девочек подросткового возраста, беременных и кормящих женщин и пожилых людей.	**2.2.1.** *Распространенность задержки роста среди детей в возрасте до пяти лет (среднеквадратичное отклонение от медианного показателя роста к возрасту ребенка в соответствии с нормами роста детей, установленными (ВОЗ), <-2).*
	2.2.2. *Распространенность неполноценного питания среди детей в возрасте до пяти лет в разбивке по виду (истощение или ожирение) (среднеквадратичное отклонение от медианного показателя веса к возрасту в соответствии с нормами роста детей, установленными ВОЗ, >+2 или <-2).*

Задачи ЦУР 2	Индикатор
2.3. К 2030 г. **удвоить продуктивность сельского хозяйства и доходы мелких производителей продовольствия,** в частности женщин, представителей коренных народов, фермерских семейных хозяйств, скотоводов и рыбаков, в том числе посредством обеспечения гарантированного и равного доступа к земле, другим производственным ресурсам и факторам сельскохозяйственного производства, знаниям, финансовым услугам, рынкам и возможностям для увеличения добавленной стоимости и занятости в несельскохозяйственных секторах фермерского хозяйства/скотоводства/лесного хозяйства.	**2.3.1.** *Объем производства на производственную единицу в разбивке по классам размера предприятий фермерского хозяйства/скотоводства/лесного хозяйства.*
	2.3.2. *Средний доход мелких производителей продовольственной продукции в разбивке по полу и статусу принадлежности к коренным народам.*
2.4. К 2030 г. **обеспечить создание устойчивых систем производства продуктов питания** и внедрить методы ведения сельского хозяйства, которые позволят повысить жизнестойкость и продуктивность и увеличить объемы производства, что будет способствовать сохранению экосистем, укреплять способность адаптироваться к изменению климата, экстремальным погодным явлениям, засухам, наводнениям и другим бедствиям и постепенно улучшать качество земель и почв.	2.4.1. *Доля площади сельскохозяйственных угодий, на которых применяются продуктивные и неистощительные методы ведения сельского хозяйства.*
2.5. К 2020 г. **обеспечить сохранение генетического разнообразия семян и культивируемых растений, а также сельскохозяйственных и домашних животных и их соответствующих диких видов,** в том числе посредством надлежащего содержания разнообразных банков семян и растений на национальном, региональном и международном уровнях, и содействовать расширению доступа к генетическим ресурсам и связанным с ними традиционным знаниям и совместному использованию на справедливой и равной основе выгод от их применения на согласованных на международном уровне условиях.	**2.5.1.** Количество генетических ресурсов растительного и зоологического происхождения, предназначенных для производства продовольствия и сельского хозяйства, которые хранятся на специальных объектах либо среднесрочного, либо долгосрочного хранения.
	2.5.2. Доля местных пород, относимых к следующим категориям: находящиеся под угрозой исчезновения; не находящиеся под угрозой исчезновения; уровень угрозы исчезновения не известен.
2.a. Увеличить инвестирование, в том числе посредством активизации международного сотрудничества, в сельскую инфраструктуру, сельскохозяйственные исследования и агропропаганду, развитие технологий и создание генетических банков растений и животных в целях укрепления потенциала развивающихся стран, особенно наименее развитых стран, в области сельскохозяйственного производства.	**2.a.1.** Индекс ориентированности на сельское хозяйство, определяемый по структуре государственных расходов.
	2.a.2. Совокупный приток официальных средств (официальная помощь в целях развития плюс прочие потоки официальных средств) в сельское хозяйство.

Задачи ЦУР 2	Индикатор
2.b. Устранять и пресекать введение торговых ограничений и возникновение искажений на мировых рынках сельскохозяйственной продукции, в том числе посредством параллельной ликвидации всех форм субсидирования экспорта сельскохозяйственной продукции и всех экспортных мер, имеющих аналогичные последствия.	**2.b.1.** Субсидирование экспорта сельскохозяйственной продукции.

В Узбекистане восемь задач национальной Цели №2, направленной на ***"Укрепление продовольственной безопасности, улучшение рациона питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства",*** созвучны с глобальными, однако в качестве первоочередного приоритета определена задача обеспечения к 2030 г. сбалансированности и высокого качества питания в необходимых объемах с круглогодичным доступом всех слоев населения, особенно социально уязвимых слоев населения, включая младенцев, к жизненно важным и безопасным продуктам питания (табл.3).

Таблица 3.

Национальная цель №2 и ее задачи на период до 2030 г.: Республика Узбекистан

Цель 2. Укрепление продовольственной безопасности, улучшение рациона питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства			
Задача 2.1. К 2030 г. обеспечить **сбалансированность и высокое качество питания** в необходимых объемах с круглогодичным доступом всех слоев населения, особенно социально уязвимых слоев населения, включая младенцев, к жизненно важным и безопасным продуктам питания.	**Задача 2.2.** К 2030 г. **покончить со всеми формами недоедания,** в том числе достичь к 2025 г. согласованных на международном уровне целевых показателей, касающихся борьбы с задержкой роста и задержкой веса у детей в возрасте до пяти лет, и удовлетворять потребности в питании девочек подросткового возраста, беременных и кормящих женщин и пожилых людей.	**Задача 2.3.** Значительно **повысить к 2030 г. среднюю продуктивность производства** продовольственной сельскохозяйственной продукции и доходы производителей продовольственной сельскохозяйственной продукции.	**Задача 2.4.** К 2030 г. обеспечить **создание устойчивых систем производства** продуктов питания и внедрить методы ведения сельского хозяйства, которые позволяют повысить продуктивность сельскохозяйственного производства.

Задача 2.5. Обеспечить **сохранение генетического разнообразия семян и культивируемых растений, а также сельскохозяйственных и домашних животных** и их соответствующих диких видов, в том числе посредством надлежащего содержания разнообразных банков семян и растений.	**Задача 2.a. Увеличить инвестирование**, в том числе посредством активизации международного сотрудничества, в сельскую инфраструктуру, сельскохозяйственные исследования и информирование, развитие технологий и создание генетических банков растений и животных в целях укрепления потенциала в области сельскохозяйственного производства.	**Задача 2.b.** Устранять и пресекать введение торговых ограничений и возникновение искажений на мировых рынках сельскохозяйственной продукции.	**Задача 2.c.** Принять меры для обеспечения надлежащего функционирования рынков продовольственных товаров и продукции их переработки и содействовать своевременному доступу к рыночной информации, в том числе о продовольственных резервах, с целью помочь ограничить чрезмерную изменчивость цен на продовольствие.

С 1996 г. ФАО проводит ежегодный мониторинг, обеспечивающий текущий анализ продовольственной безопасности в мире, а начиная с 2016 г. мониторинг продовольственной безопасности и питания проводится на основе Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Основными показателями оценки уровня обеспечения продовольственной безопасности по версии ООН (ФАО), которые включены в Цели устойчивого развития до 2030 г. определены следующие:

1) распространенность недоедания;

2) распространенность острого отсутствия продовольственной безопасности на основе шкалы восприятия отсутствия продовольственной безопасности.

По данным ФАО, в Центральной Азии показатель «распространение недоедания» является относительно низким по сравнению со среднемировым – 8,9%. В 2018-2020 гг. индекс распространения недоедания был в Казахстане – менее 2,5 %, Кыргызстане - 6,4%; Туркменистане – 4,0%; Узбекистане – 2,5%. (см. табл.4). Темпы сокращения числа недоедающих в регионе был намного выше, чем в среднем в мире, что явилось результатом принятых эффективных мер по повышению уровня жизни населения и обеспечению продовольственной безопасности. Однако в странах Южной Азии, несмотря на снижение по сравнению с 2005 г., уровень распространения недоедания выше среднемирового значения. По данному региону наиболее высокий уровень распространения недоедания в 2018-2020 гг. оказался в Афганистане – 25.6 %; затем следуют Индия – 15,3%; Пакистан - 12,9%; Бангладеш – 9,7%;

Шри-Ланка – 6,8%; Непал – 4,8%. На глобальном уровне важнейшими индикаторами определения уровня продовольственной безопасности являются *истощение для детей младше пяти лет,* наиболее низкий уровень которого по странам Ценральной Азии зарегистрирован в 2020 г. Узбекистане – 1,8%, а самый высокий – в Таджикистане (5,6%). Для сравнения: доля детей с недостаточным весом младше 5 лет в Кыргызстане – 2%, Казахстане – 3,1%, Туркменистане – 4,1%. В странах Южной Азии наиболее высокий уровень данного показателя в Индии – 17,3%, а самый низкий – в Пакистане (7,1%) и Афганистане (5,1%).

Мониторинг показателя *анемии среди женщин репродуктивного возраста* также позволяет оценить тяжелое бремя неполноценного питания. Как показал анализ, лучший, т.е. самый низкий, уровень данного показателя по странам Центральной и Южной Азии зарегистрирован в 2020 г. в Узбекистане – 24,8 %, а самый высокий в Индии –53%. Для сравнения: данный показатель составил в Туркменистане 26,6%; Казахстане – 28,7%; Таджикистане – 35,2%; Кыргызстане – 35, 8%; Шри-Ланке – 34,6%; Непале – 35,7%. Бангладеш – 36,7%.

Понимание структуры здорового рациона питания включает в себя его определение, выявление денежных издержек, сравнение этих издержек с платежеспособностью населения. По данным Всемирного Банка, в развивающихся странах люди тратят до 63% своего дохода на продукты питания, в странах с высоким уровнем жизни только 15%, в странах среднего уровня - 28% доходов. Для сравнения: доля расходов на продовольственные товары в 2019 г. составляла в Казахстане 50%, в Кыргызстане 44,7%, в Туркменистане 46%, в Таджикистане 53,4%, в Узбекистане 47%.

Повесткой – 2030 учитывается, что прогресс в реализации многих других ЦУР будет зависеть от успехов в обеспечении продовольственной безопасности, сокращении неполноценного питания и продвижении развития сельского хозяйства. С другой стороны, продвижение на пути к достижению ЦУР 2 будет зависеть от результатов по ряду других Целей устойчивого развития. Поскольку все семнадцать ЦУР достаточно тесно взаимосвязаны, то любые программы, нацеленные на достижение конкретной цели, имеют синергетический эффект на процесс достижения других Целей устойчивого развития. Учитывая силу связей между различными ЦУР, наиболее эффективным и действенным путем достижения ЦУР является партнерство в интересах устойчивого развития (ЦУР №17) и совместная работа по созданию лучшего мира.

Таблица 4

Показатели продовольственной безопасности ЦУР №2 в странах Центральной Азии

Показатель	Год	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
Распространённость недоедания среди населения в целом	2004-06	7,3	9	н/д	4,2	14,7
	2018-20	<2,5	7,2	н/д	4,1	<2,5
Распространенность отсутствия продовольственной безопасности в тяжелой форме среди населения в целом	2004-06	н/д	н/д		н/д	1,9
	2018-20	<0,5	1,1		н/д	4
Распространенность отсутствия продовольственной безопасности в умеренной или тяжелой форме среди населения в целом	2004-06	н/д	н/д		н/д	11,2
	2018-20	2,3	7		н/д	19,7
Распространенность истощения у детей (в возрасте до пяти лет)	2020	3,1	2	5,6	4,1	1,8
Распространенность отставания в росте у детей (в возрасте до пяти лет)	2012	11,1	16	26,5	13	14,2
	2020	6,7	11,4	15,3	7,6	9,9
Распространенность избыточной массы тела у детей (в возрасте до пяти лет)	2012	11,5	7,6	5,6	5	8,6
	2020	8,8	5,8	3,5	3,8	5
Распространенность ожирения у взрослых (в возрасте 18 лет и старше)	2012	19	14,4	12,2	16,3	14,4
	2016	21	16,6	14,2	18,6	16,6
Распространенность анемии среди женщин репродуктивного возраста (15–49 лет)	2012	27,3	34,1	31	25,3	28,7
	2019	28,7	35,8	35,2	26,6	24,8
Распространенность исключительно грудного вскармливания грудных детей в возрасте 0–5 месяцев	2012	31,8	56	32,6	10,9	23,8
	2019	37,8	45,6	35,8	58,3	49,5
Распространенность низкой массы тела при рождении	2012	6,1	5,6	5,7	5	5,3
	2015	5,4	5,5	5,6	4,9	5,3

Измерение продовольственной безопасности. Глобальный индекс продовольственной безопасности Global Food Security Index (GFSI)

С 2012 г. британская исследовательская компания The Economist Intelligence Unit (аналитический отдел британского журнала «Экономист» рассчитывает ***Глобальный индекс продовольственной безопасности Global Food Security Index (GFSI).*** Целью расчета GFSI является оценка политики и эффективности работы государственных структур в сфере продовольственной безопасности. Методика расчета GFSI 2020 базируется на 59 индикаторах, а также мнении международных экспертов, оценивающих национальные планы и стратегии в области питания, риски политической нестабильности, коррупции и другие качественные показатели.

Следует отметить, что в 2020 г. был значительно расширен комплекс индикаторов для определения уровня продовольственной безопасности. Так, в методику расчета Глобального индекса продовольственной безопасности были введены новые индикаторы: *индекс дохода с поправкой на неравенство, индекс гендерного неравенства, вооруженные конфликты.*

По данным Всемирного банка в развивающихся странах люди тратят до 63% своего дохода на продукты питания, в странах с высоким уровнем жизни только 15%, в странах среднего уровня - 28% доходов.

Общая оценка индекса GFSI рассчитывается на основе исследования драйверов продовольственной безопасности по четырем критериям: доступность продуктов питания; наличие и достаточность; качество и безопасность; разнообразие природных ресурсов и их устойчивость.

Расчет субиндексов по каждому из этих критериев ведется в два этапа:

1) проводится нормализация значения показателей, входящих в субиндекс, при которой наихудшему по всем странам значению показателя присваивается нормализованное значение 0, наилучшему – 100;

2) значение субиндекса определяется как средневзвешенная величина нормализованных базовых индикаторов.

Методика расчета индекса позволяет получать интегральную оценку состояния продовольственной безопасности в каждой стране и дает возможность сопоставлять, ранжировать и сравнивать страны как по общему уровню обеспечения продовольственной безопасности, так и по уровню каждого из четырех ее критериев (рис. 1).

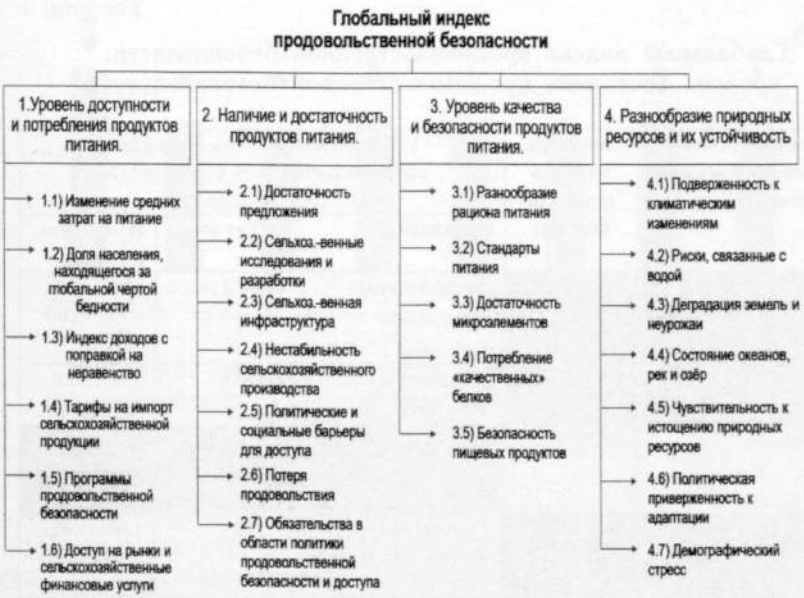

Рис.1. Составные компоненты и индикаторы Глобального индекса продовольственной безопасности.

Составлено автором на основе «Global Food Security Index 2020. Addressing structural inequalities to build strong and sustainable food systems».

При расчете используются данные из национальных и международных статистических источников, в том числе Всемирного Банка, Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, Всемирной организации здравоохранения, Всемирной торговой организации, Института мировых ресурсов и др.

На основе проведения глобального исследования составляется рейтинг стран по уровню продовольственной безопасности.

Таблица 5

Глобальный индекс продовольственной безопасности: уровень состояния продовольственной безопасности

Уровень состояния продовольственной безопасности	Значение индекса (уровень баллов)	Узбекистан: уровень состояния продовольственной безопасности (50,9 баллов)		
		Субиндекс	Значение	Изменение к 2019 г.
Очень хороший	80-100	***Доступность продуктов питания***	47,1	рост +4,1 балла
Хороший	60-79,9	***Наличие и достаточность***	50,6	снижение – 0,8 балла
Умеренный	40-59,9	***Качество и безопасность***	62,1	рост +1,1 балла
Слабый	20-39,9	***Разнообразие природных ресурсов и их устойчивость***	47,1	снижение – 1.6 балла
Очень слабый	0-19,9			

Так, в рейтинге 2020 г. принимали участие 113 стран мира: первое место заняла Финляндия, второе – Ирландия, третье – Нидерланды. Страны СНГ расположились следующим образом: Беларусь на 23-м, Россия на 24-м месте, Казахстан на 32-м, Украина на 54-м, Азербайджан на 56-м, Узбекистан на 83-м, Таджикистан на 85-м месте. Рейтинг стран Южной Азии близок к показателям стран Центральной Азии, при этом наиболее высокий рейтинг из данной группы стран имеет Индия, занимая 71-е место, Непал – 77-е, Шри-Ланка – 75-е, Пакистан – 80-е, Бангладеш – 84-е место (рис. 2).

Как показал проведенный анализ, в течение 2019-2020 гг. происходило снижение уровня глобальной продовольственной безопасности, что, несомненно, обусловлено распространением пандемии COVID-19. По данным опубликованного в феврале 2021 г. доклада «Global Food Security Index 2020. Addressing structural inequalities to build strong and sustainable food systems» [4] Узбекистан, заняв 83-ю позицию в рейтинге, имеет умеренный уровень состояния продовольственной безопасности (50,9 балла).

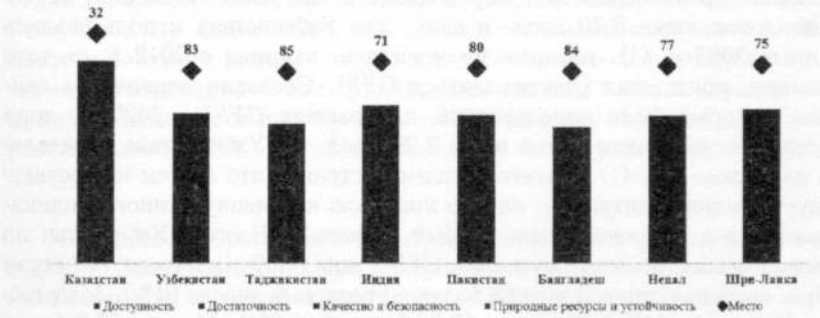

Рис.2. Значение и рейтинг Глобального индекса продовольственной безопасности для стран Центральной и Южной Азии.

Источник: Economist Intelligence Unit 2021.

Индикаторы, относящиеся к первой группе **«Доступность продуктов питания»**, характеризуют способность потребителей приобретать продукты питания, их уязвимость к возможным ценовым шокам, а также наличие программ и государственных мер поддержки потребления продуктов питания в случае возникновения подобных шоков. Уровень данного субиндекса определен для Узбекистана как умеренный – 85-я позиция в мире, 47,1 балла из 100 возможных. Из шести индикаторов этого субиндекса наиболее худшие показатели – это ***уровень бедности*** (определяется как доля населения, имеющего доход ниже 3,20 долл.в день) – очень слабый, а также ***уровень затрат*** на продовольствие – слабый, хотя, несмотря на негативные тенденции пандемии, отмечена положительная динамика данного показателя по сравнению с 2019 г. (+20 баллов). Наилучший индикатор **«наличие государственных программ по безопасности продуктов питания»**, включая наличие, финансирование, охват и предоставление мер по безопасности продуктов питания, оценен для нашей страны максимальным уровнем в **100 баллов**.

Подробный анализ методики расчета индекса и его компонентов позволяет сделать вывод о том, что ***итоговый балл данного субиндекса по Узбекистану, представленный в рейтинге Глобального индекса продовольственной безопасности 2020, является весьма некорректным.*** Наш вывод основан на следующих важных аргументах.

При расчете показателя «Доля населения, проживающая за глобальной чертой бедности», определяемого как доля населения, имеющего доход ниже 3,20 долл. в день, для Узбекистана использовались данные 2003 г. (!), которые не менялись, начиная с 2012 г., – того времени, когда стал рассчитываться GFSI. Согласно первичным данным, которые были использованы для расчета GFSI в 2020 г., доля населения, имеющего доход ниже 3,20 долл., в Узбекистане определена на уровне 86% (!) от всего населения страны, что совсем не соответствует реальной ситуации, однако повлияло на оценку данного индикатора всего в 7 баллов (очень слабый уровень). В итоге Узбекистан по уровню бедности, используемом в GFSI, занял 109-е место из 113 стран мира, опередив лишь Конго (2 балла с уровнем бедности 91%), Мадагаскар (2 балла с 91%), Бурунди (3,9 балла с 89,3%), Малави (3,8 балла с 89,4%), уступив даже Мозамбику с уровнем бедности 81,9%(11,8 балла) [5] (!).

Таблица 6

Показатель доли населения, проживающего за чертой бедности в 3,2 долл. США в GFSI 2020 в странах Центральной и Южной Азии

Страна	Доля населения, проживающего за чертой бедности в 3,2 долл. США		Балл в рейтинге (минимум 2 балла, максимум 100 баллов)	Уровень состояния по индексу *GFSI*
	% от численности населения	место в рейтинге по данному индикатору		
Страны Центральной Азии				
Казахстан	0,4%	24	99,6	очень хороший
Таджикистан	20,3%	71	78,1	хороший
Узбекистан	**86%**	**109**	**7**	**очень слабый**
Страны Южной Азии				
Бангладеш	52,9%	87	43,1	умеренный
Индия	60,4%	90	35	слабый
Непал	50,9%	85	45,2	умеренный
Пакистан	34,7%	79	62.6	хороший
Шри-Ланка	10,1%	64	89,1	очень хороший

Составлено автором на основе данных Global Food Security Index 2020. https://foodsecurityindex.eiu.com/Index/

Как показывает проведенный сопоставительный анализ уровня бедности по странам Центральной и Южной Азии, согласно Global Food Security Index 2020 [6], Узбекистан занимает самое низкое место в рейтинге данных стран, а также стран всего Азиатско-Тихоокеанского региона (табл. 6). На наш взгляд, такая ситуация возникла прежде всего потому, что по Узбекистану использованы устаревшие данные 2003 г., опубликованные Всемирным Банком 18 лет назад.

Необходимо обратиться к реальным фактам. Как известно, начиная с 2018 г. Всемирный Банк при консультациях с Госкомстатом Республики Узбекистан и другими партнерами начал проведение нового исследования под названием «Слушая граждан Узбекистана», результаты которого используются для оценки сопоставимых уровней бедности. По данным эксперта Всемирного Банка Уильяма Зейтца, оценки бедности показывают, что в 2018 г. доля населения Узбекистана, проживающего за чертой бедности в 3,2 долл. США в день, составляла 9,6 %, при этом по уровню бедности в 5,5 долл. США в день данный показатель составлял 36,% [7]. Таким образом, по данным экспертов Всемирного Банка, **уровень бедности в 2018 г. был в 8,5 раз ниже**, чем показатель 2003 г., который был взят для расчета индекса *GFSI 2020*. В то же время, по данным доклада «***Sustainable Development Report 2021. Includes the SDG Index and Dashboards»,*** *включающего рейтинг стран по индексу устойчивого развития, уровень бедности, который определен доходом 3,2 долл. США в день в 2021 г., в Узбекистане составил 21,9 % [8].* Таким образом, уровень бедности в нашей стране, по оценкам международных экспертов, даже с учетом негативного влияния пандемии почти в **четыре раза меньше**, чем данные, используемые в Глобальном индексе продовольственной безопасности (!). *Следует отметить, если бы при расчете индекса GFSI 2020 использовался реальный, соответствующий действительности показатель уровня бедности населения нашей страны, равный 21,9%, то его значение было бы оценено как «хороший» (а не «очень слабый») уровень.* Использование некорректных, искаженных данных привело к достаточно низкой оценке показателя «Доля населения, проживающая за глобальной чертой бедности», *являющегося одним из шести индикаторов субиндекса «Доступность продуктов питания», что также повлияло и на общий уровень Глобального индекса продовольственной безопасности Узбекистана, и на его рейтинг.* В этой связи следует отметить, что национальные ведомства, ответственные за представление страны в международных рейтингах, должны занимать более активную позицию

в вопросах отражения корректных данных страны в том или ином международном индексе.

Субиндекс **«Наличие и достаточность»** характеризует достаточность продовольственных запасов, риски срыва продовольственного обеспечения, возможности использования научного потенциала для расширения сельскохозяйственного производства. Позиция Узбекистана по данному субиндексу – 82-я в мире, 50,6 балла из 100 возможных, это умеренный уровень. Для расчета семи индикаторов этого субиндекса используется около 20 показателей. По мнению авторов расчета GFSI, ключевыми факторами наличия продовольствия в стране наряду с надежной сельскохозяйственной инфраструктурой (ирригационной, транспортной, дорожной) и устойчивостью производства продовольствия являются также уровень государственных расходов в сельскохозяйственные НИОКР, доступ к новым технологиям, отсутствие политических и социальных рисков, коррупции, гендерного неравенства, военных конфликтов. В субиндексе «Наличие и достаточность» Узбекистан на «очень хорошем уровне» оценены такие показатели, как «отсутствие зависимости от хронической продовольственной помощи» (99,8 баллов), «условия для хранения урожая» (100 баллов), «стратегия продовольственной безопасности» (100 баллов). «Хороший уровень» имеют такие показатели, как «достаточность снабжения продовольствием» (100 баллов), «отсутствие потерь при производстве и доставке продовольствия» (100 баллов), «уровень гендерного неравенства» (100 баллов), «военные конфликты (отсутствие)» (100 баллов). Уровень продовольственной безопасности Узбекистана, по мнению авторов расчета, может быть улучшен в результате роста государственных расходов на исследования в сфере сельского хозяйства (22,7 баллов, «слабый уровень»), в сокращении волатильности производства сельскохозяйственной продукции (22,5 балла), улучшения дорожной инфраструктуры (25 баллов). Наиболее низкую оценку получил показатель, оценивающий риски, связанные с коррупцией.

Проблему безопасности необходимо решать комплексно: посредством аграрной политики, политики доходов населения, развития продовольственной инфраструктуры, инвестиционных приоритетов и соответствующих мер внешнеторговой политики.

Субиндекс «Качество и безопасность» измеряет разнообразие и качество пищевых продуктов среднего рациона, а также безопасность продуктов питания. Уровень данных показателей для нашей страны оценен как «хороший» – 64-я позиция в мире, 62,1 балла. Наиболее высокий уровень имеют показатели «доступ необходимых микроэле-

ментов» (89 баллов), а также «достаточное употребление качественного белка» (62,5 балла). Отмечена положительная динамика индикатора «безопасность продуктов питания» по сравнению с 2019 г. на 6,4 балла.

Индикаторы четвертого субиндекса «Природные ресурсы и устойчивость» включают зависимость продуктов питания от импорта, управление рисками стихийных бедствий и прогнозируемый прирост населения. Показатели Узбекистана в категории «Природные ресурсы и устойчивость» являются умеренными — 53-я позиция в мире, 47,4 балла. Страна имеет низкий демографический стресс, однако во время пандемии усилилась чувствительность к импорту, существуют объективные проблемы с водными ресурсами.

Проведенный анализ методологических и прикладных аспектов обеспечения продовольственной безопасности позволил сделать несколько рекомендаций:

• Необходимо расширять научные исследования и разработки по согласованию методик и сопоставимости методов анализа продовольственной безопасности. Весьма важным представляется проведение мониторинга причин повышения цен на продовольствие, а также количественного анализа влияния цен на продовольствие и на важнейшие макроэкономические индикаторы, такие как динамика экономического роста и инфляции, уровень бюджетного дефицита и внешней задолженности, результирующие показатели счета текущих операций платежного баланса.

• Следует обеспечить организацию проведения совместных оценок воздействия цен на продовольствие на экономическую ситуацию, уровень жизни и бедности стран региона, включая уязвимые слои населения, мигрантов, внутренне перемещенных лиц.

• Национальным ведомствам, отвечающим за предоставление данных, а также институциональным структурам, ответственным за позиционирование нашей страны в международных рейтингах, следует проводить системный мониторинг позиции Узбекистана, а также повышать компетенции по методологии расчета того или иного международного индекса.

• Необходимо наладить координацию систем информации в области продовольственной безопасности для проведения комплексного мониторинга возможных рисков и угроз с целью разработки мер по их предупреждению.

Следует подчеркнуть, что проблемы продовольственной и пищевой безопасности и их воздействие на здоровье населения страны и всей планеты носят комплексный, взаимосвязанный, трансграничный харак-

тер; поэтому международная координация важна не только для обеспечения здоровья, но и устойчивости глобальной продовольственной системы в будущем.

• Эффективность межрегиональной торговли в странах Центральной и Южной Азии может способствовать повышению регионального спроса, сгладив падение покупательной способности населения, вызванное отрицательными последствиями пандемии COVID-19.

• Следует расширять национальные, региональные и глобальные производственно-сбытовые цепи поставок продовольствия, способствуя повышению потенциала торгово-экономического сотрудничества в регионе.

Таким образом, выдвинутая Президентом Республики Узбекистан Ш. Мирзиёевым инициатива по ***«Совместному поиску путей обеспечения продовольственной безопасности в регионе Центральной и Южной Азии»*** является особенно важной, поскольку направлена на преодоление рисков и угроз продовольственной безопасности в кризисных ситуациях, объективно возникающих в условиях современных реалий геоэкономической ситуации.

Литература

1. ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ. 2021. Краткий обзор. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2021. Преобразование продовольственных систем в интересах обеспечения продовольственной безопасности, улучшения питания и экономической доступности здоровых рационов питания для всех. Рим, ФАО. https://doi.org/10.4060/cb5409ru

2. Доклад группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания: Создание глобальной концепции продовольственной безопасности и питания на период до 2030 года (2020 год).

3. Субъектность и устойчивость как типы измерения продовольственной безопасности стали использоваться впервые с 2020 г.

4. https://foodsecurityindex.eiu.com/Resources

5. https://foodsecurityindex.eiu.com/Country/Details#Uzbekistan

6. https://foodsecurityindex.eiu.com/Resources

7. *Уильям Зейтц.* Где они живут. Показатели уровней бедности, среднего потребления и среднего класса в Центральной Азии на районном уровне. Центр глобальной практики по вопросам бедности и равенства, Всемирный Банк; wseitz@worldbank.org.

8. *Jeffrey D. Sachs, Christian Kroll, Guillaume Lafortune, Grayson Fuller, and Finn Woelm.* Sustainable Development Report 2021. Includes the SDG Index and Dashboards. The Decade of Action for the Sustainable Development Goals. Cambridge University Press, 2021.

■ Дунё пандемия шароитида ■
■ World under pandemic ■

М. Абдуллаева

Новая региональная гуманитарная повестка дня в Центральной Азии в условиях пандемии

Наблюдая за происходящими в мире событиями и имея небольшой опыт существования в реалиях пандемии, можно утверждать, что ни одно государство не ожидало и тем более не было готово к такому развитию событий. Практически во всех межгосударственных форматах и на крупных международных форумах в повестку дня ставились совершенно иные вопросы, нежели глобальный паралич, стихийно охвативший мир на пике глобализации.

Первичный шок от пандемии характерен и для стран Центральной Азии. Очаг вируса находился в непосредственной близости от границ региона, масштабы распространения болезни не оставляли сомнений, что это всерьёз и надолго. Почти одновременно в Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане были зарегистрированы первые случаи заражения, чуть позже – в Таджикистане и Туркменистане. За максимально сжатые сроки была произведена всеобщая мобилизация ресурсов, введён режим чрезвычайной ситуации на внутреннем уровне, было осуществлено закрытие границ и введение режима самоизоляции государств на внешнем уровне для выживания и самосохранения. Ситуация с пандемией требовала смены приоритетов, на первый план выдвинулись вопросы взаимоподдержки и

«Проблема со всеми видами катастроф в том, что для них характерно случайное и непредсказуемое распределение... мы не можем даже приблизительно рассчитать их вероятность, не говоря уже о прогнозировании».

Абдуллаева М., преподаватель кафедры «Политология» УМЭД.

кооперации, требовалось создание новой атмосферы регионального сотрудничества.

Государства должны сосредоточиться на себе, в первую очередь думать о своих внутренних проблемах и подготовиться к новым волнам эпидемии; с другой стороны, как ни парадоксально, именно борьба с пандемией как часть региональной гуманитарной повестки дня приобрела новые смыслы, так как в ней нуждаются именно здесь и сейчас.

Уже второй год научное мировое сообщество пытается найти ответы на вопросы, вызванные пандемией Covid-19. Точнее, эти вопросы были всегда, только глобальный кризис поднял их на поверхность, появилась возможность ответить на них без иллюзий, коррекций и самообмана.

Как заметил научный сотрудник Стэндфордского университета Н. Фергюсон, «проблема со всеми видами катастроф в том, что для них характерно случайное и непредсказуемое распределение...мы не можем даже приблизительно рассчитать их вероятность, не говоря уже о прогнозировании» [1]. Это не первая пандемия в человеческой истории, скорее всего и не последняя. Однако даже 18-я встреча с ней показывает, что нигде и ни на каком уровне к этому событию основательно не подготовились. Одним из первых об этом написал американский политический философ Ф. Фукуяма: «Пандемия пролила яркий свет на существующие институты, выявив их несостоятельность и серьёзные недостатки» [2]. Ни уровень экономического развития и социального благополучия стран, ни стиль управления, ни степень их демократичности не облегчили борьбу с заболеванием на национальном уровне. К тому же миссия ВОЗ по раннему выявлению, информированию и предупреждению о вспышках инфекции провалилась.

Страны Центральной Азии всячески пытаются контролировать ситуацию. Для них, как и для всех без исключения, происходящее становится тестом на государственную состоятельность.

Прогнозы экспертов крайне пессимистичны, но уже ясно, что в ближайшем будущем мировая экономика не вернётся к состоянию, даже отдалённо напоминающему то, в котором она находилась до пандемии (см. [2]).

А. Кортунов, делая теоретические выводы о поведении государств в кризисное время, справедливо отмечает, что выживание и безопасность, как это уже много раз бывало в прошлом, заслоняют в мировой повестке дня развитие и процветание [3], что также применимо для описания нынешней ситуации. Идеи про взаимопомощь и сотрудничество в лучшем случае отошли на второй план, уступив своё место инстинкту самосохранения и изоляционистским тенденциям.

Страны Центральной Азии всячески пытаются контролировать ситуацию. По мнению А. Князева, для них, как и для всех без исключения, происходящее становится тестом на государственную состоятельность [4]. Как признаётся Е. Ионова, масштаб разрушительного влияния пандемии не очевиден так же, как пока не ясна перспектива самой пандемии, тем не менее масштабы экономического спада в регионе могут быть беспрецедентными [5]. Не имея «руководств к действию», заранее подготовленных на случай глобальных чрезвычайных ситуаций, а также столкнувшись с массой проблем, плохо поддающихся контролю, государства с переменным успехом проходят болезненный этап взросления.

Страны со всеми тремя компонентами – компетентным государственным аппаратом, правительством, которому граждане доверяют и к которому прислушиваются, и эффективными лидерами – добились впечатляющих результатов, сумев ограничить ущерб.

В центральноазиатских государствах почти синхронно начали реализовываться национальные стратегии противодействия коронавирусу как важному вызову устойчивого развития [6]. Сценарии борьбы с эпидемией включали меры по недопущению массового распространения вируса, жесткие ограничительные меры передвижения, бесплатное медицинское лечение больных, поддержка уязвимых слоёв населения, бизнеса и др. В частности, Казахстан и Узбекистан сформировали Антикризисные фонды: Казахстан в размере 10 млрд долл. США (около 6-7% ВВП), Узбекистан в размере 950 млн евро (1,5% от ВВП) для смягчения экономических последствий пандемии (см. [6]). На практике брать на себя ответственность оказалось единственным верным решением для преодоления кризиса.

Масштабный кризис даёт пищу для размышлений в отношении природы современных государств. Основываясь на небольшом опыте, Ф. Фукуяма выделил несколько факторов, благодаря которым реагирование на пандемию оказывалось успешным: это потенциал государства, социальное доверие и лидерство. Он подчёркивал, что страны с тремя компонентами – компетентным государственным аппаратом, правительством, которому граждане доверяют и к которому прислушиваются, и эффективными лидерами – добились впечатляющих результатов, сумев ограничить ущерб (см. [2]).

Согласно А. Ливену, действительно важным являются сильное и легитимное государство, способное быстро развёртывать ресурсы, и население, которое готово доверять экспертам и выполнять правительственные приказы [7]. По его заключению, влияние пандемии заставит

руководителей сосредоточиться на реальных угрозах своим государствам и населению. Пандемия сводит к минимуму весь оптимизм, на это есть и объективные причины. В научном сообществе встречаются и позитивные оценки происходящего под лозунгом «Пандемия как возможность».

Как пишет Ф. Фукуяма, часто для того, чтобы вырвать склеротические политические системы из застоя и создать условия для давно назревших структурных реформ, было необходимо именно такое огромное внешнее потрясение (см. [2]). Это касается не только решения внутригосударственных проблем, но и вполне применимо в международных отношениях.

Сложные условия пандемии еще раз продемонстрировали, насколько государства региона взаимосвязаны и нужны друг другу.

На первый взгляд, изоляционистские тенденции и вынужденное соблюдение дистанции между государствами заморозили всякую допандемийную экономическую активность. Но наряду с проблемами кризис выявил и способность правительств находить решения, опираясь при этом на коллективные ресурсы (см. [2]). Так, основной сферой сотрудничества Узбекистана с соседними странами в новых условиях стала борьба с пандемией [8]. В своём ежегодном Послании народу и Олий Мажлису Республики Узбекистан Президент Ш.М. Мирзиёев подчеркнул важность взаимопомощи и сотрудничества в кризисные периоды. По его словам, «сложные условия пандемии еще раз продемонстрировали, насколько государства региона взаимосвязаны и нужны друг другу» [9].

По оценкам узбекистанских исследователей, в борьбе с вирусом в период пандемии достигнуты успехи в обмене информацией и опытом в области медицины, налаживании бесперебойного передвижения грузов на границах, что позволило снизить уровень заболеваемости и смертности от коронавируса в регионе по сравнению с другими странами мира [10].

Узбекистан неоднократно направлял гуманитарную помощь в Казахстан, Киргизию и Таджикистан. Например, в декабре 2020 г. при поддержке Узбекистана в Кыргызстане сдана в эксплуатацию инфекционная больница на 200 койко-мест, полностью оснащенная необходимым медицинским оборудованием и мебелью (см. [10]).

На встрече глав МИД стран Центральной Азии и Китая о совместной борьбе с пандемией Covid-19 участники сошлись во мнении, что среди основных выводов, вытекающих из опыта взаимодействия в условиях кризиса, стало осознание необходимости дальнейшего углубления и расширения регионального сотрудничества. Как отмечено в Со-

вместном заявлении участников, страны рассчитывают сотрудничать в области профилактики и контроля над Covid-19, устранить ущерб, нанесенный пандемией, а также продолжать оказывать странам с тяжёлой эпидемиологической ситуацией гуманитарную, медицинскую и продовольственную помощь. В качестве перспективных направлений указаны такие сферы, как здравоохранение, цифровизация, торговля, научно-исследовательская и транспортно-коммуника-ционная сферы [11].

Приведённые примеры доказывают, что руководители стран Центральной Азии быстро и позитивно реагируют на сигналы о помощи и жесты к сотрудничеству, что дает надежду на то, что страны региона не просто сосуществуют, но и живут как единое пространство с чувством причастности. По мнению заместителя директора ИСМИ при Президенте Республики Узбекистан А. Неъматова, реализация этих планов призвана способствовать построению огромного пространства равных возможностей, взаимовыгодного сотрудничества и устойчивого развития. Закономерным следствием этого должно стать создание пояса стабильности вокруг Центральной Азии [12].

С учетом качественных сдвигов в региональной гуманитарной повестке дня становится очевидной необходимость создания постоянных механизмов сотрудничества в чрезвычайных ситуациях на уровне всего региона. Как считает узбекистанский исследователь Р. Махмудов, встал вопрос о разработке такой модели взаимодействия между странами, которая позволит восстановить прежние темпы экономического сотрудничества в условиях продолжающейся пандемии [13]. Казахстанский политолог Д. Сатпаев видит большие перспективы в сотрудничестве в сфере медицины: разработка вакцин, производство медицинской техники и материалов. По его мнению, эпидемия выявила крайнюю уязвимость государств в виде отсутствия производства собственной медицинской продукции, оборудования и значительного количества медикаментов, так как главные производители всего этого – ведущие мировые экономики [14].

По сообщениям СМИ, 28 июля 2021 г. Казахстан направил 25 тыс. доз казахстанской вакцины QazVac в Кыргызскую Республику, почти в то же время появилась информация о предложении президента Ш. Мирзиёева о взаимном признании сертификата о вакцинах для оказания помощи туристическому бизнесу в регионе Центральной Азии в условиях пандемии. Хотя государства региона пытаются минимизировать негативные по-

Формирование механизмов сотрудничества в чрезвычайных ситуациях, основанное на принципе комплексности, повышает шансы на более предсказуемую и устойчивую атмосферу в Центральной Азии.

Государства региона пытаются минимизировать негативные последствия пандемии как на национальном, так и на региональном уровне. Кризис резко ограничивает их ресурсы и возможности, но вопрос взаимопомощи и сотрудничества перестаёт быть «роскошью благополучных времён» и сводится к минимуму – выживанию и сохранению.

следствия пандемии как на национальном, так и на региональном уровне, кризис резко ограничивает их ресурсы и возможности, поэтому вопрос о взаимопомощи и сотрудничестве и сводится к минимуму – выживанию и сохранению.

Гуманитарное сотрудничество в условиях кризиса, несмотря на свою чрезвычайность и срочность, указывает пути формирования желаемого будущего. Взаимная гуманитарная поддержка именно в таких ситуациях, вероятней всего, приблизит эпоху более близкого сотрудничества и развития. Формирование механизмов сотрудничества в чрезвычайных ситуациях, основанное на принципе комплексности, повышает шансы на предсказуемую и устойчивую стабильность в Центральной Азии.

Литература

1. *Фергюсон Н.* Впасть в паранойю, чтобы быть готовым к пандемии? // «Россия в глобальной политике». https://globalaffairs.ru/articles/vpast-v-paranojyu-pandemii/
2. *Фукуяма Ф.* Государство, социальное доверие и лидерство // «Россия в глобальной политике». https://globalaffairs.ru/articles/pandemiya-poryadok-krolik/
3. *Кортунов А.* Водка или коньяк: два взгляда на мировую политику. РСМД. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vodka-ili-konyak-dva-vzglyada-na-mirovuyu-politiku/
4. *Князев А.* Центральная Азия в эпоху пандемии // Независимая газета. https://www.ng.ru/dipkurer/2020-05-17/11_7862_asia.html
5. *Ионова Е.* Центральная Азия в условиях пандемии // Россия и новые государства Евразии, 2020, № II (XLVII), сс. 81-93. https://doi.org/10.20542/2073-4786-2020-2-81-93
6. *Эргашев Б.* Выход из коронакризиса: три пути для Центральной Азии. https://ia-centr.ru/experts/bakhtiyer-ergashev/vikhod-iz-koronakrizisa-tri-puti-dlya-tsentralnoy-azii/
7. *Ливен А.* Коронавирус как зеркало: что мы видим? // «Россия в глобальной политике». https://globalaffairs.ru/articles/korona-zerkalo-obshhestva/
8. *Ионова Е.* Главные векторы внешней политики Ташкента // Россия и новые государства Евразии, 2021, № II (LI), сс. 87-98. https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-2-87-98

9. Шавкат Мирзиёев: Сложные условия пандемии еще раз продемонстрировали, насколько мы взаимосвязаны и нужны друг другу. Официальный сайт Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева. https://president.uz/ru/4055

10. Туляков Е., Хакимов Ф. Дружественное сотрудничество со странами Центральной Азии – приоритетное направление внешнеполитической деятельности Узбекистана. Центр «Стратегия развития». https://strategy.uz/index.php?news=1278&lang=ru

11. Совместное заявление глав МИД стран Центральной Азии и Китая о совместной борьбе с пандемией COVID-19. https://turkmenportal.com/blog/36600/sovmestnoe-zayavlenie-glav-mid-stran-centralnoi-azii-i-kitaya-o-sovmestnoi-borbe-s-pandemiei-covid19

12. Стратегия Узбекистана по выстраиванию большой трансрегиональной коннективности. Сайт Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан. https://isrs.uz/ru/maqolalar/strategia-uzbekistana-po-vystraivaniu-bolsoj-transregionalnoj-konnektivnosti

13. Махмудов Р. Центральная Азия: новые тренды и выход из коронакризиса // Central Asian Analytical Network (CAAN). https://www.caa-network.org/archives/21056

14. Сатпаев Д. COVID-19 и Центральная Азия-2020: проблемы, последствия, выводы // Форбс Казахстан. https://forbes.kz//process/expertise/covid-19_i_tsentralnaya_aziya-2020_problemyi_posledstviya_vyivodyi/?

**С.Ю. Мансуров, Л.М. Ташпулатова,
И.А. Хамедов, Ю.Н. Мансуров**

Перспективы государственных миграционных услуг (методические основы)

Предпринята попытка исследовать практики развития государственных миграционных услуг, провести анализ государственного управления экономической миграцией, рассмотреть ее как фактор инновационного развития. Исследование выполнено согласно программе сотрудничества между ДВФУ и УМЭД.

Современной общественно-политической ситуации в мире присущи миграционные процессы. Они происходили на протяжении едва ли не всего существования человечества хаотично, но сейчас заинтересованность государства стала проявляться в том, чтобы они развивались упорядоченно и контролируемо.

Затрагивая почти все сферы общественной жизни и экономики, миграция представляет особый интерес и для правительства, и для экономических лоббистских кругов, деятельность которых так или иначе затрагивается миграцией, особенно экономической.

Понятие «миграция» означает перемещения множества людей, которые по своей природе и состоянию крайне противоречивы. Государственные органы, не понимая различий в природе миграции, пытаются

***Мансуров С.Ю.**, руководитель представительства Министерства занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан в Российской Федерации.*
***Ташпулатова Л.М.**, заведующая кафедрой «Экономическая теория» УМЭД.*
***Хамедов И.А.**, руководитель Центра международно-правовых исследований и сравнительного публичного права, УМЭД.*
***Мансуров Ю.Н.**, профессор Ташкентского государственного транспортного университета, ТГТрУ.*

унифицировать услуги, связанные с ней, не принимая во внимания всех особенностей этих процессов.

Во многих регионах мира, особенно в развитых странах с инновационной экономикой (Европа, США), локальные рынки труда стали испытывать не только относительный, но и абсолютный дефицит рабочей силы. Максимальное сокращение численности населения трудоспособного возраста происходило в 2009–2017 гг., когда среднегодовая убыль населения этой возрастной группы превышала 1 млн человек [1-5]. Например, к 2015 г. трудовые ресурсы России сократились на 8 млн человек, а к 2025 г., по прогнозам, уменьшатся еще на 18–19 млн (рис. 1).

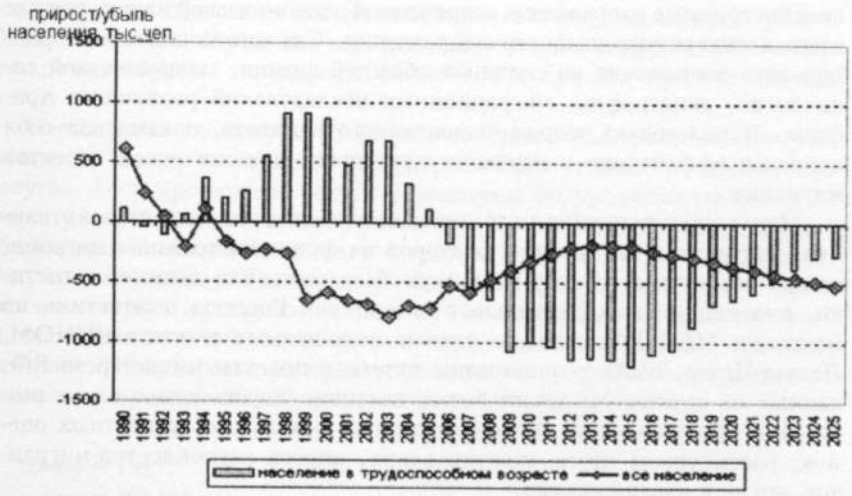

Рис. 1. Тенденции изменения общей численности населения в мире и численности трудоспособного населения на примере России в 1990-2017 гг. и по прогнозу до 2025 г.

Касательно подтверждения факта изменения динамики изменения общей численности населения и ее трудоспособной части (см. рис. 1) можно привести в качестве результата сопоставительного анализа и такой факт: численность населения, например, всего Дальнего Востока России составляет 6,6 млн человек, а численность населения одного г. Шеньян в Китае составляет 8 млн человек. Последнее подтверждает важность регулирования государством миграционной политики.

Новая и противоречивая российская история миграционных процессов с научных позиций [2-15] пока проанализирована слабо. Государственные органы многих стран не выделяют понятие «экономическая миграция» в особую категорию, представляющую собой весомый фактор инновационного развития страны (региона).

Для стран Европы и СНГ миграционные потоки также значительны. Отличие миграционных потоков в эти группы стран заключается в качестве мигрантов. Если из стран СНГ идет отток высококвалифицированной рабочей силы, то в Европу прибывает поток беженцев, не отличающихся высокой квалификацией.

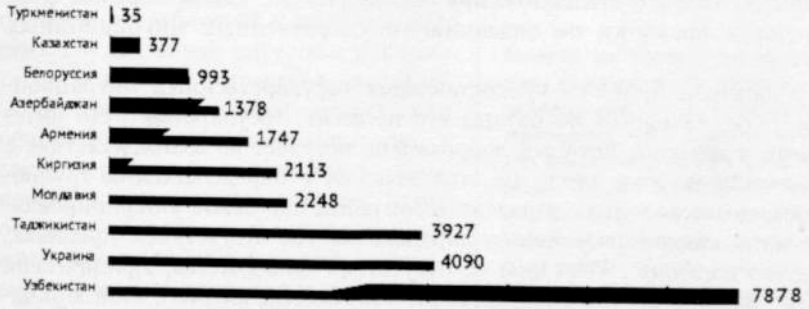
Методологической основой исследования послужили гетеродоксные немейнстримные направления современной экономической науки, прежде всего неоинституционального направления. Сделана попытка инкорпорировать достижения из смежных областей знания, экономической социологии, демографии, миграционных исследований различного профиля. Использована теория человеческого капитала, показавшая себя наиболее эффективно в изучении некоторых экономических аспектов миграции.

Метод институционального анализа позволил оценить степень влияния внешних и внутренних факторов на функционирование миграционных институтов. Информационную базу составили данные статистики, полученные из официальных источников Росстата, статистики по миграции МВД РФ, а также данные независимых агентств ВЦИОМ, Левада-Центр. Были использованы отчеты и проекты министерств РФ, данные из отчетов Мирового банка, частично Европейского банка развития и реконструкции. Даны собственные результаты экспертных оценок, рассмотрены итоги анкетирования, опроса респондентов-мигрантов высшей квалификации.

Результаты институционального анализа, проведенных собственных экспертных оценок позволили дать оценку практике предоставления государственных миграционных услуг в РФ, которая хорошо апроксимирует с результатами анализа литературы [1–16] и говорит о том, что административный сектор РФ реформировался с ориентацией на образец, существующий продолжительное время в Западной Европе, который можно описать как «сервисное государство». В таком государстве отношения между частными и юридическими лицами, с одной стороны, и государством как бюрократической системой – с другой сведены именно к процессу предоставления услуг. Государственная услуга определена как процесс исполнения государственными органами основных госу-

дарственных функций по запросам заявителей и направленная на получение выгод. Образцом этой трактовки является Федеральный Закон РФ №210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Особенность закона в том, что он основан на утверждении, что услуга исходит из «государственных функций» и направлена на конкретного получателя, который может быть как частным (физическим), так и юридическим лицом (и другой организацией в рамках государственного аппарата). В качестве примера такой государственной услуги, имеющей прямое отношение к миграции, причем именно экономической, можно привести статистику по переводу денежных средств из России в страны СНГ (рис. 2). Перевод больших объемов денежных средств невозможен без наличия государственных услуг. Однако в данном случае все еще неясным остается вопрос о том, каким конкретно образом государство вовлечено в процесс предоставления услуг.

Необходимо упомянуть, что среди исследователей наблюдается расхождение между понятиями «государственная услуга» и «публичная услуга». Государственные услуги определены по предоставляющему их институту – бюрократическому аппарату. Вторая отличается от первой общезначимой направленностью и неограниченным кругом субъектов, получающих выгоду. Несовпадение понимания двух видов услуг исходит из неверной трактовки «сервисного государства» как действующей общественно-экономической и институциональной модели. Низводя акторность государства до предоставления услуг, данная концепция не позволяет представить сложное хитросплетение интересов.

Источник: Данные Центрального банка России
(http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=CrossBorder/Rem_countries_11.htm&pid=svs&sid=TGO_sp_post)

Рис. 2. Объемы денежных переводов из России в страны СНГ.

Положение государства в процессе предоставления услуг далеко не подчиненное. Необходимо понимать, что организация государственных услуг для государства является регулирующим и контролирующим действием. Государство внедряется в систему экономических связей с целью обеспечить их наилучшее действие, то есть такое, которое способно принести наибольшую выгоду государству. Впрочем, оказание услуг не всегда приносит положительные эффекты для сообщества, как, например, в случае с защитой прав человека [5–9].

Организация государственных услуг для государства является прежде всего регулирующим и контролирующим действием. Государство внедряется в систему экономических связей с целью обеспечить их наилучшее действие, которое способно принести наибольшую выгоду государству.

Государственный интерес в предоставлении услуг можно разделить на две категории. Во-первых, это регулирование общественных процессов с целью их контроля, наиболее оптимальной организации для государственного интереса и снижения возможных издержек. Во-вторых, это максимизация государственной прибыли через упорядочивание экономических отношений и предоставление новых возможностей. Снижение издержек и извлечение прибыли, таким образом, являются основной сущностью процесса предоставления государственных услуг. С этой точки зрения миграционные услуги находятся в особенно интересном положении, ведь они так или иначе затрагивают все сферы общественной и экономической деятельности. Следовательно, потенциально миграционные процессы могут принести государству и немалые издержки, и значительную прибыль. Именно это положение определяет то, каким образом формируются практики по оказанию государственных миграционных услуг.

Участники процесса предоставления государственных миграционных услуг находятся на разных его полюсах: государство с его интересами и мигрант, который добровольно вступает во взаимодействие с государством. Уже здесь мы сталкиваемся с определенными трудностями, поскольку надо определить мигранта как некое унифицированное лицо, характеризующееся парадоксальным отсутствием признака, а не его наличием. Речь идет об отсутствии гражданства, юридической аффилиации с другим государством. Разумеется, вместе с этой юридической аффилиацией идет набор иных признаков. Для государства мигрант характеризуется тем, что он стоит за пределами институционального воздействия данного государства и находится в рамках другого государства.

С одной стороны, мигрант, будучи вовлеченным в экономические отношения в принимающем его государстве, создает для государства определенные риски [6 - 11]. Многие из правил, регулирующих уже сложившиеся экономические отношения и создающие оптимальные условия для их существования и развития, не действуют на мигранта, что невольно делает его вносящим хаос элементом. Чтобы избежать этого и вновь подчинить экономику нормальному порядку, государство и создает систему правил и механизмов, которые проявляются как государственные услуги.

С другой стороны, при соблюдении ряда условий мигрант – это потенциал [8–13], который может быть разнообразным по видам: более дешевая рабочая сила, более квалифицированные специалисты, инвестиции в локальную экономику. И государство, разумеется, не может оставить этот фактор в стороне, так как миграция способна принести ему значительную прибыль. Здесь опять проявляются государственные услуги, предоставляющие возможности для получения этой прибыли и организующие ее в порядке, наиболее оптимальном для государства.

Вместе с тем, рассматривая взаимодействие государства и мигранта, не следует ограничиваться этими двумя акторами. В реализации государственных миграционных услуг затрагиваются гораздо больше интересов. Во-первых, это элиты разного уровня – как федеральные, так и локальные, для которых миграционный вопрос может быть болезненным или иметь положительные оттенки. Во-вторых, это бизнес, и совершенно различный, один использует дешевую рабочую силу, другой развивается за счет привлечения инноваций. В-третьих, это население, участвующее в сложившихся экономических отношениях, интересы которого также затрагиваются в результате миграций.

Государственные миграционные услуги всегда должны формироваться с учетом потребностей и запросов всех этих групп, иначе ситуация перерастет в конфликт интересов, который может проявиться в экономической или общественной дестабилизации, что, в свою очередь, может причинить ущерб каждому из названных акторов. Таким образом, говоря о государственных миграционных услугах, мы имеем в виду систему исполнения государственных функций, направленных на регулирование миграционных процессов с целью снижения издержек и увеличе-

Многие из правил, регулирующих уже сложившиеся экономические отношения, не действуют на мигранта, что делает его, невольно, вносящим хаос элементом. Чтобы избежать этого и вновь подчинить нормальному порядку экономику, государство и создает систему правил и механизмов, которые и проявляются, как государственные услуги.

ния прибыли, формирующихся в пересечении интересов различных общественных групп.

Классификация миграционных услуг является не менее сложным вопросом. Нужно понимать, что состав и вид миграционных услуг определяются состоянием миграционных процессов. Эти процессы, более чем какие-либо другие, отличаются своей непостоянностью. Они меняются под влиянием внутренней логики своего развития и под воздействием большого числа внешних факторов. Их сущность зависит от времени, места и даже от того, как они воспринимаются. Сравнивая состояние миграционных услуг в разных странах и даже в регионах, зачастую можно найти больше отличительных черт, чем схожих [9–18]. Предлагаем следующую классификацию услуг по классу, характеру и видам:

Класс услуг	Характер услуг	Вид услуг
Материальные	Материализуемые в предметах своего воздействия	Торговля, общественное питание, ЖКХ, бытовое обслуживание
	Не материализуемые в предметах своего воздействия	Транспорт, связь, коммуникации
Нематериальные	Необходимые	Законотворчество, культура, образование, наука, здравоохранение
	Вынужденно-необходимые	Государственное управление, оборона, охрана

Исследование практики государственных миграционных услуг в РФ показало, что все их разнообразие сводится к двум основным целям: попытке избежать связанных с миграцией издержек и увеличить потенциальную прибыль. Миграция является крайне сложным явлением, контроль над которым – чрезвычайно трудная задача. Однако именно эффективная организация сферы миграционных услуг является важнейшим условием для нормального функционирования общества и экономики в условиях активных миграционных процессов.

Противоречивые мировые тенденции в изучении государственных услуг не могли предоставить власти каких-либо четких рекомендаций по выстраиванию системы миграционных услуг, миграционной инфра-

структуры. Понятие «миграционная инфраструктура» крайне важно для изучения государственных миграционных услуг, но оно остается пока неизученным в современной мировой литературе. Причиной является относительная новизна миграционных процессов в том виде, в котором мы представляем их себе сегодня.

Миграция стала одним из современных явлений в социуме и экономике мира, особенно его западного полушария. Перемещение людей стало настолько естественным, что экономика многих стран, как отправляющих, так и принимающих, существенно стала зависеть от миграции. Некоторые страны, в том числе США и Австралия, стали центрами мировой миграции. У них миграция зачастую не была существенно регулируема. Переселение происходило стихийно, хаотично и часто неконтролируемо. Однако ситуация стала изменяться в конце XIX в., когда конфликты между интересами местного населения и мигрантов стали нарастать. Антимиграционные настроения, стимулируемые движением местных рабочих, недовольных притоком более дешевой рабочей силы, что создавало совсем неравные условия для конкуренции, вынудили власть многих стран начать принимать регулирующие меры. Наиболее известными из них стали квоты для мигрантов из стран Восточной Азии и введение критериев для получения разрешения на работу, таких как знание местного языка. Это были первые шаги государственного регулирования экономики через миграцию специалистов разной квалификации. Инструментом развития инноваций стало признание миграции высококвалифицированных кадров.

За одно столетие миграция стала одним из основных явления в социуме и экономике мира, особенно его западного полушария. Перемещение людей стало настолько естественным, что экономика многих стран - как отправляющих, так и принимающих - существенно стала зависеть от миграции.

Было установлено [16–26], что важнейшим эффектом экономической миграции стал рост инновационного потенциала. Экономическая миграция способна улучшить инновационные процессы не только в одной стране, но и на пространстве регионов. Рекомендованы три модели для увеличения экономической миграции как инструмента развития инновационной экономики. Первая модель – это система баллов «человеческого капитала», когда потенциальный мигрант оценивается по таким критериям, как владение языком страны (региона), уровень образования, наличие опыта и предпринимательской деятельности. Вторая модель – это факторы для формирования миграционной политики в виде оценки степени востребованности экономикой страны (региона) мигрантов высшей квалифи-

кации. В отличие от первой эта модель дифференцирует мигрантов, оценивая не только наличие у них высшей квалификации, но и пригодность такой квалификации для рынка труда в принимающей стране. Третья модель – это точечное решение, отдающее приоритет в решении вопросов экономической миграции работодателям инновационных предприятий, которые определяют, какого рода мигранты им необходимы.

Важнейшим эффектом экономической миграции является рост инновационного потенциала. Экономическая миграция способна улучшить инновационные процессы не только в целом в стране, но и на уровне регионов.

Вместе с тем от миграции терпят убытки страны и регионы, подготовившие высококвалифицированных мигрантов. Примером такой страны является Россия 1990-х годов, где «утечка мозгов» составила огромную долю экономической миграции. Внимание на проблему «утечки мозгов» исследователи и общественность стали обращать довольно рано, вследствие чего их идеи были воплощены в конкретных проектах, предложенных правительством РФ. Так, в Концепции миграционной политики РФ до 2025 г. указано, что «...одна из стратегических задач – создание условий и механизмов для привлечения востребованных экономикой высококвалифицированных специалистов разного профиля, предпринимателей и инвесторов, прежде всего на долгосрочной основе...». Таким образом, правительство РФ начало оказывать государственные услуги в сфере экономической миграции, считая миграцию кадров, особенно высшей квалификации, инструментом развития инноваций. Если первые шаги государственного регулирования в РФ процессов миграции не предусмотрели уточнения мер, необходимых для улучшения экономической ситуации, не были также названы сферы, в которых существует необходимость привлечения мигрантов высшей квалификации, то уже с 2010 г. правительство РФ приняло меры, направленные на привлечение высококвалифицированных мигрантов, внесены важные изменения в национальное законодательство, упрощены процессы выдачи разрешения на работу и его продления для кадров высшей квалификации, врачам и учителям и членам их семей [7, 18, 22].

Сделаем выводы. На основе исследования процессов экономической миграции, практики развития государственных услуг проведен критический анализ государственного управления экономической миграцией и разработаны рекомендации в виде моделей развития экономической миграции как фактора инновационного развития экономики.

Литература

1. *Guzman M.G., Haslag J.H., Orrenius P.M.* On the determinants of optimal border enforcement // Econ. Theor. 2008. 34 (2). P. 261–296.
2. *Hicks J.* The Theory of Wages. – London: Macmillan, 1932.
3. *Hodgson Geoffrey M.* Evolutionary and institutional economics as the new mainstream? // Evolutionary and Institutional Economics Review, 2007, 4.1. P. 7-25.
4. *Hoos J., Jenei G.* and *Vass L.* Classical and Modern Approaches to Public Administration // Economic Alternatives, issue 1, 2012, P. 74 - 81.
5. *Hughes Owen E.* Public Management and Administration // Introduction, 3rd ed., Palgrave Macmillan, 2003. P. 27.
6. *Iredale Robyn.* The migration of professionals: theories and typologies // International migration, 2001, 39.5. P. 7-26.
7. *Шулакова А.А.* Значение государственных услуг в реализации основных прав человека // Вопросы управления, 2014, №3 (9). С.38-45.
8. *Bloemraad Irene, Korteweg Anna and Yurdakul Gųkse.* Citizenship and immigration: Multiculturalism, assimilation, and challenges to the nation-state // Annu. Rev. Sociol. 2008, 34. P. 153-179.
9. *Laczko Frank, Irene Stacher* and *Amanda Klekowski von Koppenfels.* New challenges for migration policy in Central and Eastern Europe. – Asser Press, 2002. Vol. 1.
10. *Wallace Claire.* Migration Potential in Central and Eastern Europe // International Organization for Migration (IOM), 1998.
11. *Chiswick B.R.* and *Miller P.W.* Language in the immigrant labor market // Immigration, Language and Ethnicity: Canada and the United States, – Washington DC: American Enterprise Institute, 1992. P. 229–96.
12. *Clark X., Hatton T.J., Williamson J.G.* Explaining U.S. immigration, 1971–1998 // Rev. Econ. Stat. 2007, 89 (2). P. 359–373.
13. *Репина Е.Я., Мансуров Ю.Н., Клочкова И.С., Бычкова А.А.* К вопросу мониторинга и оценки научного потенциала страны: отечественный и зарубежный опыт // Право и образование, 2013, № 11. С. 112-121.
14. *Cobb-Clark D.A.* Public policy and the labor market adjustment of new immigrants to Australia // Journal of Population Economics, 2003, 16 (4). P. 655–81.
15. *Gagliardi Luisa.* Does skilled migration foster innovative performance? Evidence from British local areas // Papers in Regional Science, 2015, 94.4. P. 773-794.
16. *Greenwood Royston, Hinings C.R.* and *Whetten Dave.* Rethinking institutions and organizations // Journal of Management Studies, 2014, 51.7. P. 1206-1220.
17. *Репина Е.Я., Мансуров Ю.Н., Бычкова А.А.* Научный потенциал вузов – основа развития экономики знаний страны // Право и образование, 2014, № 1. С. 78-85.
18. *Мансуров Ю.Н., Мамаджанов Х.А., Миклушевский Д.В., Андреева А.А.* Экономико-правовые механизмы формирования инновационной инфраструктуры в научных и образовательных учреждениях // Ежегодник. Россия: тенденции и перспективы развития. Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2013. С. 491-496.
19. *Greenwood Royston, Hinings C.R.* and *Whetten Dave.* Rethinking institutions and organizations // Journal of Management Studies, 2014, 51.7. P. 1206-1220.

20. *Репина Е.Я., Мансуров Ю.Н., Шамина А.В.* Трансфер технологий: опыт передовых стран и российская реальность // Право интеллектуальной собственности, 2014, № 1. С. 23-26.

21. *Guremina N.V. Mansurov U.N. Smirnov V.P.* Personnel component of innovative development of russian economics // European Journal of Natural History, 2014, № 5. P. 25-27.

22. *Мансуров Ю.Н., Старкова Г.П., Андреева А.А., Мансуров С.Ю., Миклушевский Д.В., Питерская Т.Н.* Инновационная деятельность федеральных университетов. – Владивосток. 2015.

23. *Миклушевский Д.В., Мансуров С.Ю., Питерская Т.Н., Мансуров Ю.Н.* Экономика и управление инновационной деятельностью университетов // Цветные металлы, 2015, № 9 (873). С. 6-12.

24. *Андреева А.А., Мансуров С.Ю., Миклушевский Д.В., Мансуров Ю.Н.* Модель формирования инновационного процесса крупных промышленных предприятий // Цветные металлы, 2015, № 3 (867). С. 74-77.

25. *Мансуров Ю.Н., Рева В.П., Мансуров С.Ю., Белобородов М.В.* Экономические и социальные основы развития материаловедения на Дальнем Востоке // Цветные металлы, 2016, №11. С.88-93.

26. *Андреева А.А., Мансуров С.Ю., Миклушевский Д.В., Мансуров Ю.Н.* Управление инновационным процессом на промышленных предприятиях // Экономика в промышленности, 2015, № 2. С. 30-38.

Ш.Ш. Таджиев

Концепции и модели мирового порядка с позиции «теоретического плюрализма»

Концептуализация мирополитической системы представляет собой одну из наиболее сложных и одновременно актуальных задач в теории международных отношений. Академические исследователи и эксперты практически единодушны в том, что современное мироустройство носит переходный характер. Научный анализ проблем миропорядка не поддается односторонним интерпретациям, требуя преодоления свойственного теории международных отношений фрагментарного подхода к своему объекту [1].

Если рассматривать международную систему в виде трехэтажной конструкции, которая состоит из (1) институтов международного управления, (2) государственных структур, (3) гражданского, политического общества и социальных движений [2], то нарастающая хаотизация современного мира проявляется в изменениях на трех этих этажах:

а) прослеживаются кризисные явления в регуляции мирополитических процессов посредством глобальных институтов и норм;

б) межгосударственные отношения выпадают из структурированной системы с усилением феномена «межправительственных сетей» [3] и все больше обретают самостоятельный или автономный характер;

в) национальные социально-политические процессы развиваются нелинейно, в постепенном отрыве от постулируемых Западом идей либеральной демократии и тем самым находятся под воздействием существующих в современной ойкумене особых культурно-цивилизационных и ценностных установок.

***Таджиев Ш.Ш.**, доктор философии (PhD) по политическим наукам.*

Именно поэтому видится продуктивным обращение к различным школам и теориям относительно современного мирового/международного порядка и тогда на базе «теоретического плюрализма», абстрагируясь от жестких постулатов, выдвигаемых различными школами и направлениями теории международных отношений, можно попытаться ответить на следующие злободневные вопросы: какова нынешняя политическая картина мира и есть ли обоснованные прогнозы ее развития; какие основные элементы и принципы мирового порядка функционируют в рамках осмысляемой системы международных отношений; каковы перспективы либерального мирового порядка, структурные и иные особенности складывающегося международного порядка.

Если рассматривать международную систему в виде трехэтажной конструкции: институты международного управления – государства – гражданское и политическое общество, социальные движения, то нарастающая хаотизация современного мира выражается в неоспоримых изменениях на всех трех уровнях политической организации мира.

По признанию большинства ученых-политологов, существующий глобальный политико-экономический порядок не сохранит свою устойчивость в нынешних формах [4]. С политической точки зрения наблюдается снижение мощи США и сопутствующий рост Китая, независимое поведение России и нарождающаяся концепция «стратегической автономии» Европы; просматриваются тренды эрозии «плюралистической однополярности» [5] и укрепления модели новой двуполярности или многополярности в глобальной системе, где после окончания «холодной войны» доминировали США и их союзники. Несмотря на активные усилия администрации Дж.Байдена по консолидации рядов традиционных союзников под лозунгом «Америка вернулась» и после противоречивого изоляционистского периода президентства Д. Трампа, все еще сохраняются сомнения в долгосрочном доминировании США на международной арене [6], наблюдается отход от либеральной парадигмы вне зон влияния «коллективного Запада», который сам отягощен множественными проблемами внутреннего порядка.

С экономической точки зрения финансовые кризисы, наступающий протекционизм, изменения в структуре мирохозяйственных отношений, связанные с торговыми, инвестиционными и технологическими противоречиями между ведущими экономиками мира, передача части суверенитета государств в пользу региональных или макрорегиональных интеграционных объединений нивелируют установившуюся в 90-х годах прошлого века модель «гиперглобализации» [7]. Нормативно слабо регулируемые на международном уровне передовые технологии, осо-

бенно в цифровой области, открывают новые возможности и одновременно создают нетрадиционные вызовы в экономической и политической сферах. Сложным представляется спрогнозировать долгосрочное влияние коронакризиса на процесс поиска новых форм мирового порядка [8], хотя пандемия, ускорив трансформацию мирополитических отношений, не изменила саму их природу и сущность.

Исторически политические порядки формируются за счет ряда компонентов на различных уровнях абстракции и конкретности. На наиболее общем уровне порядок зависит от коллективного признания статуса его ведущих членов. Эти основополагающие нормы определяют, кто являются ключевыми акторами на основе общепризнанного комплекса нормативных и/или эмпирических критериев (бесспорный контроль над территорией, легитимность, признание другими и т.д.).

В сложившемся мировом порядке, например, государства признают друг друга в качестве верховной власти над конкретным географическим пространством. Норма суверенного равенства ставит их на одинаковый уровень с другими государствами, несмотря на огромную разницу в мощи и богатстве, и предоставляет привилегии, которыми не обладают другие акторы международных отношений. Некоторые крупные транснациональные компании имеют обороты, во многом превосходящие годовые объемы ВВП иных государств, однако не имеют права вести войны для защиты или продвижения своих интересов и расширения рынков. Легитимность ЕС, АСЕАН или ЕАЭС признается на международном уровне, но распространение их власти ограничено и не идет в сравнение с признанием международным сообществом государств. Тем самым базисными принципами нынешнего мирового порядка являются государствоцентричность и признание иерархии в системе. В то же время в ходе исторического развития основополагающие нормы постоянно меняли содержание и значение. К примеру, в отличие от прежних эпох современные правительства признают ограничения своей власти над гражданами на собственной территории с учетом эволюции ключевых принципов суверенитета [9].

По признанию большинства ученых-политологов, сушествующий глобальный политико-экономический порядок не сохранит свою устойчивость в нынешних формах

По мнению американского политолога Дж. Миршаймера, территориальные государства и политические порядки различаются по количеству участников и по ширине и глубине распространения конкретного порядка. Согласно его теории, международные порядки *(international orders)* могут включать в себя все великие державы и в идеале покрывать весь мир, а могут

Нормативно слабо регулируемые на международном уровне передовые технологии, особенно в цифровой области, представляют новые возможности и одновременно создают нетрадиционные вызовы в экономической и политической сферах.

содержать ограниченные порядки *(bounded orders)*, очерченные границами определенных регионов[1]. Гибкие порядки *(thin orders)* вбирают в себя сравнительно мало институтов или правил, ограничивающих поведение их членов, а всеобъемлющие порядки *(thick orders)* предусматривают плотный массив правил и институтов, охватывающий широкий круг экономической деятельности и вопросов в сфере безопасности. Дж. Миршаймер утверждает, что типы порядков детерминируются в зависимости от того, является ли мир однополярным, биполярным или многополярным, и каков внутренний характер лидирующих держав, которые влияют на тип порядка, соответствующий их устремлениям, при этом типы порядков могут сосуществовать параллельно и/или иерархично [10].

По нашему мнению, типология Дж.Миршаймера исключительно полезна в определении различных видов порядка, однако не объясняет формирующие его специфические правила или пути их изменения. Например, если рассматривать пространство СНГ в качестве ограниченного порядка с участием лишь одной великой державы в лице России, то как оценить эволюционирующие правила и институты внутри этой системы с учетом входа/выхода из него некоторых государств под давлением комплекса обстоятельств и существования в данном порядке характеристик «гибкого порядка» (само СНГ) и «всеобъемлющего порядка» (ОДКБ, ЕАЭС, Союзное государство России и Беларуси).

Во-первых, порядки различаются по *принципам их функционирования,* в соответствии с которыми поддерживаются отношения и принимаются решения. Важно определить, как осуществляются отношения – на двусторонней или многосторонней основе (на базе определенных общих правил). Например, послевоенный капиталистический порядок во главе с США был многосторонним, так как все его участники формально подчинялись одинаковому комплексу правил [11]. США в сфере безопасности до сиз пор опираются на многосторонний механизм НАТО и одновременно на двусторонней основе поддерживают систему союзов в Азии. Американские партнеры на обоих континентах в этой системе не несут таких же взаимных обязательств. На постсоветском

[1] Ограниченные порядки могут быть также реалистическими (мотивированы в первую очередь соревнованием с нулевой суммой между великими державами), идеологическими (объединять государства со схожими внутренними институтами) или агностическими (включать в себя государства с различными внутренними системами).

пространстве Россия выстраивает региональный порядок в составе государств-членов ОДКБ и ЕАЭС, но, например, с Узбекистаном и Азербайджаном в неформальной подсистеме поддерживает экстенсивные двусторонние отношения в экономике и в сфере безопасности стратегического характера, при этом она параллельно продвигает международные форматы в рамках ШОС, БРИКС и РИК.

Кроме того, в рамках конкретного порядка коллективные решения могут требовать консенсуса или обычного большинства; некоторые государства могут пользоваться формальными или неформальными привилегиями[1]; некоторые решают спорные вопросы через формальные механизмы или на основе принципа ad hoc; часть функций может быть передана от политических институтов (субъектов) рыночным силам или неправительственным организациям.

Во-вторых, существующие порядки предполагают *правила и режимы,* регулирующие определенные сферы деятельности. Такие правила могут быть неформальными, однако обычно они формализуются в соглашениях, договорах, конвенциях и в рамках международных организаций. Разработка таких правил традиционно требует длительных и спорных переговоров, так как их участники осознают, что условия соглашений будут иметь значительные последствия и сохранят свою силу после изменения обстоятельств, при которых они первоначально были приняты[2]. Иными словами, международные институты являются «вязкими» [12].

В-третьих, международные порядки неизменно отражают лежащий в их основе *баланс сил,* потому что ведущие государства будут добиваться положения, которое сохраняет или улучшает их позиции, и противостоять состоянию, которое, по их мнению, приведет в перспективе к ослаблению или сделает уязвимее.

Одним из ярких признаков изменения баланса сил в мире, отражающегося на мировом порядке, является открытое противостояние Китая и России по ключевым элементам, особенно в части привилегированного положения западных концепций прав человека и либерального акцента на индивидуальные политические свободы [13]. Быстрое восстановление Китая после пандемии представляет ему преимущества, но автоматически не ведет к однозначному долгосрочному изменению глобального баланса сил, которое зависит в большей степени от фундамен-

[1] Например, США, Россия и Китай пользуются особыми привилегиями в рамках институтов международного и регионального порядков, могут проигнорировать или изменить правила в соответствии со своими интересами.

[2] Франция и Великобритания являются членами Совета безопасности ООН с правом вето, хотя их международное положение отличается от того периода, когда был подписан Устав ООН.

тальных экономических и иных форм национальной мощи [14]. Китайский профессор Чжао Хуашэн признает длительность процесса изменения мирополитического устройства и прогнозирует три возможных его типа [15]:

- *фрагментация*, когда предстоящий международный порядок будет не целостным, а анархичным, что обусловлено неспособностью крупных держав достичь компромисса и сформировать относительно централизованную структуру;
- *многостороннее сосуществование*, которое характеризуется упорядоченным сосуществованием множества фрагментов. Так, Россия и Китай считают необходимым сформировать инклюзивную международную систему и порядок, в которых различные элементы будут интегрированы в символическое сосуществование и мирное объединение с общими правилами, но при сохранении различий. Порядок плюралистичного сосуществования – самый рациональный и реалистичный вариант с учётом происходящих в мире изменений, но трансформация не произойдёт естественным образом;
- *структурное соперничество*, которое имеет четкую поддерживающую структуру. В узком смысле так можно назвать поляризацию отношений между Китаем и Соединенными Штатами, в широком – системное противостояние США и международных сил в лице Китая и России. Этот порядок нельзя считать похожим на противостояние Востока и Запада в период «холодной войны», однако в определенной степени все же напоминает ее.

В-четвертых, любой порядок представляется *незавершенным*, так как невозможно предусмотреть каждое непредвиденное обстоятельство или предопределить какой-либо исход международных процессов. Любой порядок со временем трансформируется. Государства и негосударственные акторы адаптируются к системе существующих правил, переформатируют действующие нормы для продвижения своих интересов. Международное право – это «не набор зафиксированных, нейтральных правил, которым государства следуют или нет, его лучше понимать в качестве набора инструментов и/или норм, на которые государства ссылаются для оправдания собственного поведения, убеждения других в легитимности своих действий и реализации других конкретных целей» [16].

В-пятых, ни одна держава не в состоянии сформировать и поддерживать *общие правила в каком-либо порядке в одиночку*, если учесть, что даже средние и малые государства имеют способность противостоять гегемонии и имеют определенные переговорные рычаги. И в эпоху империй, и в период биполярности, и во времена 90-х годов прошлого

столетия и нулевых 2000-х нынешнего столетия власть распределялась между великими и небольшими государствами. В современных условиях диффузии силы в вертикальном и горизонтальном плоскостях единоличный и глобальный диктат становится фактически невозможным и нерациональным.

Одним из ярких признаков изменения баланса сил в мире, отражающегося на мировом порядке, является открытое противостояние Китая и России по ключевым до последнего времени элементам, особенно в части привилегированного положения западных концепций прав человека и либерального акцента на индивидуальные политические свободы.

Плюралистическое понимание международных проблем содержится в современной концепции британского профессора Ричарда Саквы, который предлагает компромисс между моделями миропорядка. На базе постулатов английской школы он выделяет первичные институты мирового сообщества (суверенитет, территориальная целостность, баланс сил, война, международное право, дипломатия, национализм) и на этой основе выделяет четыре модели глобального порядка [17]:

- *либеральный международный порядок* во главе США, зародившийся в начале XX в. и затем изложенный Вудро Вильсоном в терминах приверженности атлантическому универсалистскому устройству. Такой порядок включает военный, экономический и политический (нормативный) подвиды, у каждого из которых собственная динамика, но все нацелены на создание полиморфного и активного миропорядка;
- *трансформационный (революционный) интернационализм.* До 1991 г. его представляли СССР и его союзники, в число которых в 1950-е годы входил и Китай. После распада этого блока в 1991 г. угроза революционного интернационализма практически исчезла, но появились новые источники возрождения трансформационной международной системы, прежде всего, чрезвычайная ситуация в области климата. Трансформационная модель глобализма имеет глубокие корни в гражданском обществе и способствует изменениям в государствах и институтах глобального управления;
- *меркантилистский национализм;* это транзакционный подход, используемый популистскими движениями. В его рамках блага глобализации распределились чрезвычайно несправедливо: миллионы людей в Китае перестали быть бедными, но в развитых капиталистических демократиях уничтожены индустриальные центры, а прибыль досталась самым богатым. Кроме того, волна культурного протеста поднялась не только против глобализации, но и против оголтелого космополитизма, с которым она стала ассоциироваться;

• *консервативный (суверенный) интернационализм;* эта модель ассоциируется с Россией, Китаем и их союзниками по ШОС и БРИКС. Особое значение придается суверенным решениям национальных государств, но в то же время признается важность интернационализма.

Рассматривая особенности и структурные аспекты мирового порядка в новых условиях глобального мира, следует выделить следующие его элементы, которые будет сложно изменить в фундаментальном плане.

Во-первых, *территориальные государства* (государства-нации) останутся в среднесрочной перспективе базовым структурным элементом глобального политического ландшафта, хотя будущий мировой порядок неизбежно станет учитывать интересы транснациональных корпораций, социальных движений, международных НПО и иных акторов. Эти акторы усложняют мирополитическую систему; создают множественность интересов, при этом не признается государственный суверенитет; снижается потенциал государств, однако открываются благоприятные возможности для достижения социально-экономических задач без опоры на монопольную силу правительств. Тем не менее функционирование и легитимность международных организаций, банков, корпораций и НПО все еще будет зависеть от политической воли и мощи национальных государств, а народы при экстремальных событиях (войнах, эпидемиях, кризисах) могут рассчитывать на их помощь и защиту. Наряду с лояльностью индивидов в отношении работодателя, религии, этнической группы, племени и клану, *национализм* сохранится в качестве мощной и устойчивой формы политической идентичности [18]. Национальные и этнические группы будут стараться укрепить и/или получить независимость для обеспечения своей безопасности и автономности.

Ключевыми элементами международной системы останутся государства, негосударственные акторы и международные организации. При этом важнейшей особенностью этого процесса будет оставаться эволюционная составляющая политической организации мира.

Таким образом, проявляется синтез трех альтернативных мировых порядков: биполярный принцип со времени «холодной войны» (американское влияние с ростом негосударственных субъектов), неомедиевский мир с возрождением некоторых центральных принципов феодализма с новым типом экономической биполярности (США-КНР) и вторичное проявление миропорядка в военных отношениях [19].

Во-вторых, наиболее резкие споры в политологическом дискурсе ведутся относительно того, какое из государств – США или Китай – станут наиболее могущественными в предстоящие десятилетия [20].

Широкий консенсус среди ученых-международников выявился относительно того, что именно эти две страны будут обладать превосходящей другие силы мощью в системе международных отношений, именно эти государства будут центрами глобальной гравитации.

По нашему мнению, структура совокупной материальной мощи в обозримой перспективе будет либо *биполярной* с США и Китаем в качестве двух полюсов, либо *мягко многополярной*, где Россия, Япония, Индия и, возможно, некоторые другие государства будут занимать менее сильные позиции среди основных держав. Следовательно, характер будущего мирового порядка во многом будет зависеть от взаимоотношений между США и Китаем и от характера их взаимодействия с остальными значимыми игроками. Любой другой порядок, который не соответствует данной оси, не может быть глобальным порядком. Тем не менее это не означает снижение значимости других государств, так как существует множество важнейших измерений и сфер, сотрудничество по которым должно включать большинство, если не все государства международной системы. Среди них Россия, Индия и Евросоюз ввиду комплекса объективных и субъективных причин будут играть независимую роль при решении критически важным проблем международного и глобального плана.

В классических работах по теории международных отношений моделирование полярности используется довольно широко. Рассуждая о полярности мира, японский исследователь А. Танака предложил концепцию мирового порядка, которая очевидным образом уже не отражает значительные изменения в плане иерархичности и баланса сил в этой системе [21]. Современный мир, по его убеждению, является трехслойной сферой, пласты которой взаимно проецируются, определяя общую конфигурацию мирового порядка и место каждого государства в его координатах. Мир в его представлении является одновременно одно-, трех- и многополярным. Однополярным потому, что только Соединенные Штаты Америки по своей комплексной государственной мощи обладают абсолютным превосходством. Трехполярным, если брать соотношение экономических потенциалов США, Японии и Германии. Многополярным в организационно-политическом отношении, так как его полюса образуют государства – постоянные члены Совета Безопасности ООН, обладающие опытом принятия судьбоносных для других стран решений [22].

Теоретик К. Уолтц также прогнозировал, что к началу XXI в. до статуса великих держав смогут вырасти Германия (или сформировавшееся Западноевропейское государство»), а также Китай и Япония [23].

И. Валлерстайн утверждал, что вплоть до 2025-2050 гг. «постбиполярный беспорядок» будет медленно упорядочиваться при неуклонном упадке международного влияния США, к середине XXI в. фундамент мирового порядка будут составлять три центра силы – США, Западная Европа и Япония [24].

Ч. Купчан предложил модель трехполюсного мира, в которой каждый из трех полюсов силы представлен более чем одной державой со своим ядром: Северная Америка (ядро – США), Европа (с ядром в виде Германии и Франции) и Восточная Азия (где лидеры Китай и Япония). Такую модель мирового порядка он охарактеризовал как «региональную однополярность» или «мягкую однополярность» в противовес существовавшим концепциям «агрессивной однополярности» (американской гегемонии) [25].

К «гибридным» моделям можно отнести следующие:

- теоретическую модель Р. Роузкранса – «би-мультиполярная система», объединяющая достоинства биполярной и мультиполярной систем и избавленная от их недостатков: «биполярные силы не будут непосредственно противостоять одна другой, мультиполярные силы не будут развиваться в неизменных антагонизмах между собой», причем предполагалось сдерживание конфликтов как внутри каждой сферы, так и между ними [26];
- «одно-многополярную систему» с одной сверхдержавой и несколькими великими державами С.Хантингтона [27];
- концепцию «бесполярного мира» Р.Хааса в виде международной системы с многочисленными центрами со значительной силой [28].

Эти модели, имея под собой эмпирические основания, все же выдвигались в различные исторические этапы и отражали политические парадигмы, стратегические интересы тех или иных государств, или постулаты определенных политологических школ и направлений. Именно поэтому трудно себе представить некую общепризнанную формулу (или алгоритм) оценки прошлых или нынешних политических систем мира.

В-третьих, следует предположить, что формирующийся мировой порядок будет чрезвычайно *взаимозависимым*:

- несмотря на осознанно вводимые ограничения во взаимоотношениях по различным антагонистическим политическим осям и вызванные коронакризисом тренды изменения векторов в рамках дихотомии глобализация - суверенизация, большинство государств сохранят заинтересованность в развитии международной торговли и инвестиций, культурно-цивилизационном взаимообогащении;
- государства будут стремиться к совместному решению общих проблем, связанных с загрязнением планеты, патогенами, изменением

климата, экстремальными политическими событиями и вооруженными конфликтами, природными катаклизмами, которые не признают государственных границ;

- в нынешней системе международных отношений ни одно из государств не готово и не в состоянии полностью изолироваться от остального мира;
- между обществами и индивидуумами будут нарастать «параллельные связи» или социальные сети вне государственной регуляции.

Теоретически *сложная взаимозависимость* (помимо этого, власть в международных отношениях, «мягкая сила», модель многоуровневого мира) является одной из основных категорий концепции американских политологов-транснационалистов Роберта Кохейна и Джозефа Ная. Под взаимозависимостью они понимали ситуацию взаимодействия государств и других международных акторов.

Сложная взаимозависимость проявляется в трех аспектах (характеристиках): (а) общества взаимодействуют через сложно структурированные каналы; (б) отсутствует строгая иерархия между проблемами, теряет свое значение их деление на внутренние и внешние; (в) государства не применяют в отношении друг друга военную силу, если речь идет об одном регионе или в ситуации, когда сложная взаимозависимость этих государств преобладает. Все три характеристики неразрывно связаны друг с другом [29].

В некоторых обстоятельствах, например, в приграничном конфликте весной 2021 г. между Таджикистаном и Кыргызстаном из-за распределения водных ресурсов на фоне их взаимозависимости, все же усматривается преобладание интересов над иными элементами международных отношений. Умиротворение сторон при ведущей роли главы Узбекистана Ш.М. Мирзиёева служит подтверждением того, что в Центральной Азии сложная внутрирегиональная взаимозависимость остается основой мира и безопасности.

В определенные исторические эпохи и в различных местах сосуществовали разнообразные порядки, однако их объединяло то, что они состояли из политически организованных субъектов и были движимы во взаимоотношениях между собой собственными интересами. Резкие противоречия в интересах акторов или значительное нарушение баланса сил приводили к революционным или эволюционным изменениям порядка.

В рамках своей концепции американские ученые разделяют мировую систему на три параллельно существующих уровня, «три шахматные доски» [30]. На первом – военном уровне доминируют Соединенные Штаты с их подавляющим потенциалом. Второй уровень – это сфера глобальной экономики, здесь действуют мощные эко-

номические игроки – США, Япония, Европейский Союз. Третий уровень – это уровень транснациональных отношений, где действуют негосударственные транснациональные акторы. Диффузия власти на этом уровне настолько сильна, что выявление каких-либо полюсов и выстраивание четкой структуры фактически невозможно. Однако, по нашему мнению, реалии современного мира требуют включения в первый уровень этой модальности России и Китая, а во второй – как минимум Китая.

В-четвертых, международные события свидетельствуют о том, что построение будущего мирового порядка будет протекать в условиях, когда различные государства и негосударственные акторы придерживаются неодинаковых позиций относительно *организации и управления обществами.* Как постулируется в западном политическом дискурсе, демократии и автократии (либеральные и нелиберальные государства [31]) будут сосуществовать, несмотря на разногласия по ключевым политическим позициям. Поэтому, по нашему мнению, конструирование стабильного мирового порядка может не зависеть от взаимного согласия и тем более полного консенсуса мировых держав и других государств мира в деле принятия, адаптации или движения в сторону схожих политико-экономических моделей.

Более того, в понятийный аппарат гуманитарной науки вошла бинарная конструкция: *государство-цивилизация vs государство-нация.* Понятие «государство-цивилизация» (или цивилизационизм) можно считать, по нашему мнению, некой рефлексией в отношении «либерального гегемонизма». Это антипод стирающего культурные различия универсализма [32], который ассоциируется с такими государственными единицами, как Индия, Китай, Россия, а в более широком понимании может распространиться на арабский и тюркский мир.

Еще одной политико-цивилизационной парадигмой, которую не могут игнорировать ни на Западе, ни на Востоке, ни тем более в регионах исламского ареала, куда входят Центральная Азия и часть постсоветского пространства, является *исламская концепция мирового порядка* [33]. Радикальные движения на Ближнем Востоке и далеко за его пределами открыто призывают к восстановлению всемирного халифата, при этом их мировоззрение отрицает Вестфальская система мирового порядка. Пуристская версия ислама определяет, что (а) государство не может быть основой международного порядка; (б) невмешательство во внутренние дела других государств не может быть руководящим принципом политики, ибо национальные лояльности суть отклонения от истинной веры; (в) джихадисты обязаны превратить «дар аль-харб» (территория войны) в «дар аль-ислам» (территория ислама, царство мира); (г) ис-

тинная вера, а не стабильность – руководящий принцип данной концепции мирового порядка [34]. Тем самым государствоцентричность нынешней системы параллельно с последствиями глобализации подвергается системному давлению со стороны достаточно воинственной, энергичной силы деструктивного исламизма.

На базе *четырех рассмотренных концепций* мы можем предположить, что возникающий мировой порядок будет постепенно и последовательно отходить от периода «однополярного момента» с четким доминированием либеральных принципов [35] и в силу вышеуказанных трендов не подлежит унификации и жесткой централизации [36].

На мировом уровне соглашения о сотрудничестве будут ограничиваться конкретными сферами, а глубина и институционализация выдвигаемых норм и правил будет определяться соперничеством и/или конфликтом по линии США-КНР и США-КНР-РФ в разной конфигурации и с различной степенью интенсивности. В некоторых областях, например в деле обеспечения военного превосходства и преимущества в высоких технологиях, это соперничество будет практически с нулевой суммой. Разработка и принятие общих международных норм и режимов в сфере кибербезопасности потребует минимального консенсуса. В рамках этого реалистского по характеру мирового порядка США, Китай и Россия, возможно, будут создавать и управлять собственным порядком на основе взаимоприемлемых принципов, куда будут включены группы государств с каждой стороны, которые, в свою очередь, устанавливают между собой правила и строят широкие отношения взаимозависимости. Некоторые государства останутся вне этой системы и будут стараться поддерживать отношения со всеми полюсами (центрами) силы.

По нашему мнению, несмотря на коренные различия в видении будущего мирового порядка со стороны различных акторов международной политики и развернувшуюся борьбу за *формулирование глобальной повестки дня и международных правил*, новая мирополитическая система будет конструироваться на базе существующих и во многом оправдавших себя формах глобального управления, принципах и целях, а также структурах, институтах, нормах и режимах.

Ключевыми элементами международной системы останутся государства, негосударственные акторы и международные организации. Важнейшей особенностью этого процесса будет оставаться эволюционная составляющая политической организации мира. Если сегодня доминирующим актором выступает Запад, прежде всего США, в дальнейшем многое будет зависеть от сопротивления других акторов [37].

На фоне значительных различий в мировосприятии и невозможности полной аккомодации принципов политической системы того или

иного государства в других культурно-цивилизационных площадках и, следовательно, нереальности конструирования мирового порядка на основе ценностей и правил одного полюса силы (либеральных демократий либо социализма с китайской спецификой) в прогностическом плане следует ориентироваться на следующие выводы:

- сохранение таких принципов, на которых основываются структуры и нормы либерального порядка, как (а) рациональность - как некая обобщенная сумма различных интересов, (б) нормативность - единые для всех участников стандарты и нормы и (в) открытость, т.е. не-изоляционизм (см. [37]). Ни Россия, ни Китай как основная оппозиция американскому видению современного мира не ставят под сомнение принципы Вестфальской системы, зародившихся на Западе и распространившихся в основном после Второй мировой войны на весь мир, хотя уже ведутся ожесточенные дискуссии относительно их интерпретации и форм практического применения. Иными словами, «хотя гегемонистское положение США, возможно, снижается, однако характеристики либерального международного порядка – открытость, правила, многостороннее сотрудничество – глубоко укоренились и, скорее всего, устоят» [38], при этом *ценности и принципы западного либерального мирового порядка* в рамках широких понятий демократии, прав человека, свободной торговли и глобализации имеют несколько иное прочтение в конгломерате не-западного мира;
- *маятник силы* в трехмерной плоскости будет двигаться в сторону новых центров, а именно - государств с растущими материальными/нематериальными ресурсами и негосударственных акторов, нарастивших мощь в период «однополярного момента». Данный мегатренд неизбежно ведет к переформатированию принципа суверенитета и «угрожает мировому порядку» [39] в нынешней форме, требуя эффективного урегулирования; новый мировой порядок «во многом будет зависеть от глобального распределения власти» [40,41];
- исходя из классификации К. Уолтца о «полярности актора» [42] в международной системе, можно предположить, что будущий мировой порядок[1] примет один из следующих видов:А, Б, В, Г.

А. Будет *жестко биполярным* с соперничеством США и КНР практически по всем измерениям человеческой жизнедеятельности, разводом их национальных экономик, формированием параллельных коали-

[1] С реалистских подходов характеристиками «полярного актора» обладают государства, которые (а) располагают значительным уровнем ресурсов или возможностей для достижения своих целей; (б) превосходят другие государства по каждому элементу государственной мощи, условно определяемой размерами населения и территории, природных ресурсов, экономическим потенциалом и военными силами, а также организационно-институциональной «компетенцией».

ций в составе государств-единомышленников в военной, политической и экономической сферах. Каждый полюс будет продвигать собственную идеологическую и нормативную платформу и пытаться дискредитировать друг друга, и тогда это будет ограниченное и хрупкое сотрудничество между двумя блоками с нулевой суммой.

Легитимность является критически важным элементом любого политического и в том числе международного порядка. Легитимность – это «обобщенное восприятие или допущение того, что действия субъекта являются желательными, правильными и соответствующими в рамках какой-либо социально сконструированной системы норм, ценностей, верований и определений».

Б. Будет сформирована *мягкая биполярность*, когда США и КНР будут соперничать по ряду направлений, продолжат взаимную торговлю и инвестирование, не будут угрожать легитимности национальных политических порядков друг друга, сотрудничать по отвечающим их интересам ключевым вопросам, разработают конкретные правила поведения для минимизации опасных военных конфликтов.

В. Представляется реалистичным вариант *нестабильной многополярности* в составе нескольких великих держав (или региональных блоков) с неравными потенциалами, связанных посредством гибких экономических связей и сотрудничества в сфере безопасности, при этом возрастет значение средних и малых государств, играющих благодаря своему отдельному и формально равноправному месту в Вестфальской системе влиятельную и активную роль, при выстраивании коалиций или блоков.

Г. Не исключается в отдаленной перспективе возникновение более совершенных и влиятельных глобальных институтов в целях содействия всем государствам в решении проблем контроля над вооружениями или купирования катастрофических последствий изменения климата [43], а затем и появление *мирового правительства*, что пока представляется достаточно фантасмагоричным.

Тем не менее следует помнить, что политические институты в мире в историческом прошлом были достаточно разнообразны и их субъекты могли даже не знать о существовании друг друга: когда европейский гетерономный феодальный строй постепенно перерос в систему абсолютистских территориальных монархий и затем в государства-нации, Центральная Азия состояла из разделенных между собой империй и местных властителей, Китай доминировал на Дальнем Востоке и слабо управлял подчиненными территориями, западное полушарие вбирало в себя разнообразный массив городов, империй, местных общин и кочевых племен, Ближний Восток управлялся местными властителями под

косвенным господством Османской империи, а Африка состояла из королевств, родовых систем и протогосударств [44]. Последующие периоды были отмечены колонизацией, деколонизацией и созданием системы государств-наций, сформировавшейся в нынешнем виде после Второй мировой войны, затем борьбой двух антагонистических систем – капитализма и коммунизма.

Так, в определенные исторические эпохи и в различных местах сосуществовали разнообразные порядки, однако их объединяло то, что они состояли из политически организованных субъектов и были движимы во взаимоотношениях между собой собственными *интересами*. Резкие противоречия в интересах акторов или значительное нарушение *баланса сил* приводили к революционным или эволюционным изменениям действующего порядка. Взаимоотношения основывались на сосуществовании через анархию, войны, союзы, торговлю, миграцию и другие подобные феномены, которые были присущи всем им. Различие состояло в том, что некоторые порядки были успешнее других: коммунистическая система не пережила либеральный строй, Бреттон-Вудская система оказалась значительно эффективнее политико-экономической системы на базе решений Парижской мирной конференции 1919 г. [45].

Различные теоретические школы концептуализируют порядок через анализ сравнительного баланса (соотношения) между *принуждением и согласием*. Реалистская теория делает ставку на принуждение, рассматривая гегемонию и баланс сил в качестве наиболее важных формирующих механизмов мирового порядка [46].

Правильная оценка мирополитических процессов и предвидение хода их генезиса имеют исключительно важное значение для разработки стратегических планов устойчивого национального развития и обеспечения безопасности, принятия конкретных практических мер на внешнем поле для защиты и продвижения национальных интересов.

Институционализм и английская школа признают смесь принуждения и согласия: государства могут создать институты, которые могут вызвать равновесие [47]. Эти институты являются неким добровольным контрактом между рациональными акторами. Допущением является то, что акторы свободны в участии и отвержении таких контрактов и социальных обязательств. В случае достижения соглашений они ограничены его условиями, а механизмами их выполнения являются созданные государствами институты, которые могут обладать функциями принуждения.

Английская школа также предлагает смесь принуждения и согласия: государства с совпадающими интересами в сфере безопасности создают

международные общества, объединенные институтами и правилами (суверенитет, дипломатия, баланс интересов и даже война [48, 49]).

Конструктивисты, марксисты и феминистская теория представляют более сложное видение соотношения принуждения и согласия в конструировании мирового порядка ввиду концептуальной и эмпирической сложности в оценке «согласия» [50, 51].

Легитимность является критически важным элементом любого политического и в том числе международного порядка. Легитимность – это «обобщенное восприятие или допущение того, что действия субъекта являются желательными, правильными и соответствующими в рамках какой-либо социально сконструированной системы норм, ценностей, верований и определений» [52]. Легитимность – это не то, чем обладают актор или порядок, а то, что предоставляется другими [53]. Иными словами, легитимные порядки больше опираются на согласие, нежели принуждение, а решения в их рамках воспринимаются как результат правильного (справедливого) процесса и как соответствующие ценностям сообщества.

На фоне множественных и противоречивых изменений мирового политического ландшафта под воздействием глобальной пандемии, климатических изменений, беспрецедентного экономического спада, технологической революции, суверенизации аспектов социальной и экономической жизни, растущего национализма, популизма, меж- и внутрирелигиозных трений можно предположить, что предстоящий период будет характеризоваться усилением *взаимосвязи между внутренней и внешней политикой.* В новое время такие исторические сдвиги, как развитие гражданского общества, массовизация политической жизни и возникновение чувств национальной идентичности и лояльности к своему государству провели, с одной стороны, четкую границу между внутренней и внешней «политиками», а с другой – способствовали усилению взаимосвязей между ними [54]. Императив – «роль государства (в мире) зависит от силы и жизнеспособности дома» [55] – превращается в некую константу в политических стратегиях государств, а ее игнорирование приведет к ослаблению международного влияния. Тем самым турбулентность в международной среде во многом обусловлена фактором внутренней политики.

Важнейшей особенностью будущего миропорядка можно считать *противопоставления*, основанные на специфической пространственной структуре в масштабах мира: The West and The Rest (Запад и все остальные), Глобальный Север против Глобального Юга, центр против периферии. По утверждению И.Валлерстайна, «современная миросистема выступила в эпоху "перехода" и эволюционирует к новому струк-

турному порядку» [56] и, по нашему мнению, указанные дихотомии будут играть и уже играют детерминирующую роль в этом процессе. Данные противопоставления американского социолога указывают на исключительную сложность современной мировой системы и многомерность ее структуры, если учесть наличие и других значимых линий разлома в системе, например, по межцивилизационному или идеологическому признаку.

Таким образом, осмысление нынешнего во многом динамичного по своей сути и форме состояния мирового порядка, обоснованное прогнозирование его характера в среднесрочной перспективе представляются достаточно сложной политологической задачей ввиду того, что за последние два-три десятилетия, особенно после террористической атаки на г. Нью-Йорк в 2001 г. и мирового экономического кризиса 2008 г., проявились следующие феномены:

многозначно усложнилась структура политической организации мира, меняется баланс сил, число и качество влиятельных международных акторов;

появляются современные и купируются прежние конфронтационные оси, а стратегии сдерживания и противостояния повышают уровень геополитической напряженности, обретая политико-идеологический окрас;

мир становится многомерным, перестраивается его политическая иерархия с сопутствующим ростом конфликтогенности;

деформируется устоявшаяся система глобального управления, дискредитируются существующие глобальные и региональные институты и нормы, а в ответ на новые вызовы формируются различные порядки и режимы.

Все это не позволяет дать правильную оценку мирополитических процессов и предвидеть ход их генезиса, что имеет исключительно важное значение для разработки стратегических планов устойчивого национального развития и обеспечения безопасности, принятия конкретных практических мер на внешнем поле для защиты и продвижения национальных интересов Республики Узбекистан.

Литература

1. *Цыганков П.А.* Относительность расхождений и пределы совмещения реализма и либерализма в трактовке вопросов миропорядка // Политическая наука. Спецвыпуск. – М., 2017. С. 242.

2. *Саква Р.* Либеральный интернационализм против консервативного интернационализма // Россия в глобальной политике, 2019, №3 // DOI: 10.31278 / 1810-6374-2019-17-3-8-31.

3. См.: *Slaughter A.-M.* A New World Order. – Princton: Princeton University Press, 2005.

4. *Rodrik D., Walt S.* How to Construct a New Global Order // Faculty Research Working Paper Series, May 2021. - Harvard Kennedy School. P.1.

5. *Богатуров А.Д.* Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль, 1996, № 2. С. 25-36.

6. См.: *Walt S.M.* The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy. Chapter 2. - New York: Farrar Straus & Giroux, 2018.

7. См.: *Родрик Д.* Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. - М.: Ин-т Гайдара, 2014.

8. *Richard Haass.* The Pandemic Will Accelerate History Rather than Reshape It // Foreign Affairs, April 7, 2020 // http://foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-07/pandemic-will-accelerate-history-rather-reshape-it; *Joseph S. Nye Jr.* No, the Coronavirus Will Not Change the Global Order //Foreign Policy, April 16, 2020 // http://foreignpolicy.com/2020/04/16/coronavirus-pandemic-china-united-states-power-competition.

9. См.: *Johns L.* The Diverging Theory and Practice of International Law // Encyclopedia of Empirical International Relations Theory. - London: Oxford University Press, 2018; *Krasner S.D.* Sovereignty: Organized Hypocrisy. - Princeton: Princeton University Press, 1999.

10. *Mearsheimer J.* Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order // International Security, 2019, 43(4). P. 9-16.

11. См.: *Ruggie J.G.* Multilateralism: Anatomy of an Institution // International Organization, Summer 1992, № 3. P. 68-69.

12. *Ikenberry J.* Institutions, Strategic Restraint, and the Persistence of American Postwar Order // International Security, Winter, 1998-1999, vol. 23, no. 3. PP. 43-78.

13. *Weiss J.C. and Wallace J.L.* Domestic Politics, China's Rise, and the Future of the Liberal International Order // International Organization, 2021; *Rolland N.* China's Vision for a New World Order // WA: National Bureau of Asian Research, Seattle 2020. - Special Report No. 83. P. 14, 24-25.

14. *Cimmino J., Katz R., Kroenig M., Lipsky J., Pavel B.* A Global Strategy for Shaping the Post-COVID-19 World // Atlantic Council Report, 2020. P. 12.

15. *Хуашэн Чж.* Мировой порядок: фрагментация, сосуществование или соперничество? // Россия в глобальной политике. – М., 2020 // https://globalaffairs.ru/articles/mirovoj-poryadok-fragmentacziya-sosushhestvovanie-ili-sopernichestvo.

16. *Hurd I.* How to Do Things with International Law. - Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017. P. 3.

17. *Саква Р.* От гегемонии к гармонии? // Россия в глобальной политике. 2019, №5 // https://globalaffairs.ru/articles/ot-gegemonii-k-garmonii.

18. См.: *Ikenberry G. John.* Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment By Francis Fukuyama // Foreign Affairs, January/February 2019 // https://www.foreignaffairs.com/reviews/capsule-review/2018-12-11/identity-demand-dignity-and-politics-resentment.

19. *Vdyrynen R.* Models of a New World: towards a Synthesis. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 2019, vol. 12, no 3. - PP. 189–206 // DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-189-206.

20. *Аллисон Г.* Обречены воевать. – М.: АСТ, 2019. С. 8-9.

21. *Tanaka A.* Is There a Realistic Foundation for a Liberal World Order? // Prospects for Global Order, 1993. Vol. 2. P. 25-37.

22. *Tanaka A.* Cit. op.

23. *Waltz K.N.* The Emerging Structure of International Politics // International Security, Fall 1993, vol. 18, no. 2. P. 50.

24. *Wallerstein I.* Foes as Friends? // Foreign Policy, Spring 1993, no. 90. P. 145–157.

25. *Kupchan Ch.* A. After Pax Americana: Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity // International Security, Fall 1998. Vol. 23, no. 2. P. 49–55.

26. *Rosecrance R.* Bipolarity, Multipolarity, and the Future // Journal of Conflict Resolution, 1966, vol. 10, no. 3. P. 19, 327.

27. *Huntington S.* The Lonely Superpower // Foreign Affairs, 1999. Vol. 78, no. 2. P. 35–49. https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-03-01/lonely-superpower.

28. *Haass R.N.* The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs, May/June 2008 // http://www.foreignaffairs.com/articles/63397/richard-n-haass/the-age-of-nonpolarity.

29. *Keohane O.R., Nye S.J.* Power and interdependence. - New York: Longman, 2001. P. 7-9.

30. *Nye S.J.* The paradox of American power. Why the world's only superpower can't go it alone. - New York: Oxford University Press, 2002. P. 39.

31. *Ikenberry G.J.* The future of the liberal world order: internationalism after America // Foreign Affairs, 2011, 90: 3. P. 56.

32. *Наумкин В.В.* Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования, 2020, № 4. С.78-91.

33. См.: *Жданов Н.В.* Исламская концепция мирового порядка. – М.: Международные отношения, 1991.

34. *Киссинджер Г.* Мировой порядок. – М.: АСТ, 2016. С. 162-163.

35. *Krauthammer C.* The Unipolar Moment // Foreign Affairs, 1990/91. Vol. 70, no. 1. P. 23-33.

36. *Лебедева М.М.* Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования, 2020, №4. С. 31.

37. *Лебедева М.М.* Указ. раб. С. 32.

38. *Кортунов А.* Неизбежность странного мира // Российский совет по международным делам, 2016 // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neizbezhnost-strannogo-mira.

39. *Ikenberry G.J.* Why the Liberal World Order Will Survive // Carnegie Council for Ethics in International Affairs. Ethics & International Affairs, 2018, 32, no. 1. P. 17-29.

40. *Най Дж.* Уцелеет ли либеральный порядок? // Россия в глобальной политике, 2017. Т. 15, № 2. С. 72-82 // https://globalaffairs.ru/articles/uczeleet-li-liberalnyj-miroporyadok.

41. *Mearsheimer J.* Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order // International Security, 2019, 43(4). P. 7.

42. *Waltz K.N.* Theory of International Politics. - Boston: Addison-Wesley, 1979. P.131.

43. См.: *Wendt A.* Why a World State is Inevitable // European Journal of International Relations, 2003, 9, no. 4.

44. См.: *Kaufman S.J., Wohlforth W.C., and Little R.* The Balance of Power in World History. - New York: Palgrave, 2007; *Kang D.* East Asia Before the West: Five Centuries of Trade and Tribute. - New York: Columbia University Press, 2010; *Tilly C.* The Formation of National States in Western Europe. - Princeton: Princeton University Press, 1975; *Ehret C.* The Civilizations of Africa: A History to 1800. - Charlottesville: University of Virginia Press, 2002.

45. *Rodrik D., Walt S.* How to Construct a New Global Order // Faculty Research Working Paper Series, March 2021. - Harvard Kennedy School. P.3.

46. См.: *Ikenberry G.J. and Nexon D.* Hegemonic Studies 3.0: The Dynamics of Hegemonic Orders. - Security Studies, 2019, Vol. 28, No. 3. P. 395–421; *Little R.* The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models. - Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

47. См.: *Shepsle K.* Studying Institutions: Some Lessons from the Rational Choice Approach // Journal of Theoretical Politics, 1989. Vol. 1. No. 2. P. 131–147.

48. *Keohane R.* After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. - Princeton: Princeton University Press, 1984.

49. См.: *Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. - New York: Columbia University Press, 2002.

50. *Hurrell A.* On Global Order: Power, Constitution, and the Values of International Society. - New York: Oxford University Press, 2008.

51. *Barnett M.* International Progress, International Order, and the Liberal International Order // The Chinese Journal of International Politics, 2021. Vol. 14, No. 1. PP. 1-22.

52. *Suchman M.C.* Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches // The Academy of Management Review, 1995. Vol. 20. No. 3. P. 574.

53. *Reus-Smit C.* Power, Legitimacy, and Order // Chinese Journal of International Politics, 2014. Vol. 7, No. 3. - P. 345.

54. См.: *Смоляков В.А.* Взаимосвязь внутренней и внешней политики: проблемы теории и методологии: Автореф. дисс. ... докт. полит. наук. – Владивосток, 2006.

55. См.: Renewing America's Advantages. Interim National Security Strategic Guidance // https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf.

56. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкой. – СПб.: Университетская книга, 2001. С. 15-16, 347-348.

Р.И. Нуримбетов

Сравнительный анализ подходов западных, российских и китайских политологических школ к исследованию ШОС

Создание Шанхайской Организации сотрудничества (ШОС) в 2001 г., несомненно, стало одним из знаменательных событий, оказавших существенное воздействие на формирование современного геополитического облика Центральной Азии. Научный и эмпирический анализ деятельности Организации продолжает находиться в центре внимания представителей политологических школ различных стран. Их подходы к исследованию "природы" ШОС как региональной организации, возникшей после распада биполярной системы, существенно различаются, а порой противоречат друг другу. Это обуславливает необходимость сравнительного анализа основных теоретических подходов зарубежных политологов к деятельности ШОС.

ШОС в фокусе внимания западных исследователей

Одним из наиболее распространенных в западной политологии подходов к изучению ШОС является *геополитический*. Его последователи рассматривают возникновение этой структуры прежде всего как модель регионального доминирования в Центральной Азии, разработанную Китаем и Россией. Во многом этот подход основывается на школе неореализма [1]. Согласно точке зрения неореалистов, Москва и Пекин в

Нуримбетов Р.И., национальный координатор Узбекистана по делам ШОС.

рамках ШОС распределили между собой основные задачи и роли в Организации: Россия отвечает за сотрудничество в области безопасности и военно-политические вопросы, Китай – за развитие экономического взаимодействия [2]. Этот подход выделяется также интерпретацией ШОС как блока, сформированного в противовес НАТО и даже Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) [3].

Другая группа западных исследователей, придерживающихся *нормативного подхода*, рассматривает ШОС как организацию, которая стремится «ограничивать демократию и права человека и защищать авторитарные политические режимы». По их мнению, странам Центральной Азии не удалось создать собственное интеграционное объединение, в том числе по причине отсутствия необходимых стимулов для взаимной интеграции (например, в торгово-экономической сфере). Как они утверждают, после обретения независимости главными приоритетами новых независимых государств в регионе были вопросы поддержания безопасности существующих политических систем и внутренней стабильности. Утверждается, что политические элиты стран региона рассматривали ШОС, «созданную с помощью крупных авторитарных государств, России и Китая», как «структуру, предназначенную для охраны правящих режимов» [4].

Одним из наиболее распространенных в западной политологии подходов к изучению ШОС является *геополитический*. Его последователи рассматривают возникновение этой структуры прежде всего как модель регионального доминирования в Центральной Азии, разработанную Китаем и Россией.

Один из наиболее видных сторонников этой школы, британский эксперт Рой Эллисон, писал, что после «цветных революций», поддержанных США и другими западными странами в начале 2000-х годов, ШОС наглядным образом продемонстрировала свою «авторитарное предназначение», встав на защиту правительств стран Центральной Азии. С этой точки зрения он применяет к ШОС характеристику «защитной интеграции» [5].

Другой британский ученый и автор ряда интересных исследований на эту тему С. Арис, развивая идею своего соотечественника, описывает ШОС как «региональную организацию, образованную политическими элитами» [6]. По его словам, усилия правящих элит по устранению угроз своей политической легитимности неразрывно связаны с вопросами обеспечения региональной безопасности, что находит свое отражение в концепции «интегрированной безопасности» ШОС [7].

В анализах деятельности ШОС сторонники нормативного подхода опираются на идеи либерализма и акцентируют внимание на якобы «антизападном» и «антидемократическом» предназначении Организации.

Группа западных исследователей, придерживающихся *нормативного подхода*, рассматривает ШОС как организацию, которая стремится «ограничивать демократию и права человека и защищать авторитарные политические режимы».

На этом основании некоторые западные исследователи называют ШОС «клубом авторитарных стран» [8].

Следует отметить, что на взгляды сторонников нормативного подхода сильное влияние оказала теория «нового регионализма», появившаяся в конце 1980-х годов для описания интеграционных процессов, возникших за пределами Запада. Согласно этой теории, подобные интеграционные структуры формируются под «опекой» крупных региональных держав, которые используют их для укрепления своих позиций в отношениях с другими регионами мира и центрами силы [9]. Некоторые западные эксперты также называют это «гегемонистским регионализмом» [10]. Разумеется, с их точки зрения «вдохновителями регионального гегемонизма» в рамках ШОС выступают Китай и Россия.

Таким образом, в позициях западных исследователей явно прослеживается склонность оценивать деятельность ШОС в негативном свете. На наш взгляд, основная причина такого подхода в том, что эти стереотипы в США и Европе были сформированы на фоне опасений по поводу вероятности развития ШОС в качестве альтернативного «центра силы», способного подорвать усилия западных государств по формированию «нового мирового порядка».

Подходы российских ученых к ШОС: от региональной безопасности к «Большой Евразии»

Научные исследования о ШОС в России довольно обширны, они сосредоточены на теоретических, институциональных, геополитических аспектах эволюции Организации, ее деятельности в сферах безопасности, экономики, культуры и в гуманитарном направлении.

Ведущие российские ученые М.Л. Титаренко, Е.П. Баянова, Ю.М. Галенович, А.В. Лукин и др. рассматривают ШОС как прямой продукт долгосрочного сотрудничества между Россией и Китаем. Они отмечают, что «Шанхайская пятерка» была создана в 1990-х годах, а ШОС в 2001 г. в результате приграничного сотрудничества между двумя странами, начавшегося в 1960-х годах [11].

Другая группа экспертов, в том числе Д.В. Гордиенко, Ю.А. Никитина, Д.А. Борисов, характеризует Организацию в основном как силовую структуру, полагая, что её создание и развитие связано с полити-

ческой, военной и экономической ситуацией в Центральной Азии[12]. Они определяют ШОС как механизм, служащий стратегическим интересам России в Центральной Азии. ШОС рассматривается ими преимущественно в свете конкуренции РФ с США и НАТО, из чего происходят устремления российской стороны к установлению и укреплению партнерства данной Организации с другими механизмами безопасности в регионе, возглавляемыми Россией, т.е. ОДКБ [13]. Как полагают эти эксперты, примером реализации этих идей является Меморандум о взаимопонимании между Региональной антитеррористической структурой (РАТС) ШОС, Антитеррористическим центром (АТЦ) СНГ и Секретариатом Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), подписанного в 2018 г. по инициативе России [14].

Некоторые российские исследователи указывают на различия между ШОС и организациями регионального сотрудничества, созданными на Западе. «Уникальность» ШОС, на их взгляд, заключается в том, что в отличие от многих других региональных структур, Организация представляет собой формат сотрудничества, которое развивается между разными политическими и экономическими моделями, при этом включает в свой состав страны, существенно различающиеся по своему международному статусу. Вместе с этим ряд представителей данного подхода (В.В. Воронович, М.А.Троицкий, М.Г. Шилина, В.Б. Мантусов, Г.В. Подбиралина, Т.Е. Мигалева и др.) считают, что ШОС, созданная преимущественно как региональная структура в сфере безопасности, сумела расширить свою повестку дня за счет включения множества других направлений сотрудничества [15].

ШОС, созданная преимущественно как региональная структура в сфере безопасности, сумела расширить свою повестку дня за счет включения множества других направлений сотрудничества.

В исследованиях российских экспертов стало ощущаться растущее влияние геополитической концепции «евразийства». Такие известные ученые, как С.А.Караганов, А.В. Кортунов, С.Г. Лузянин, А.В. Лукин, В.И. Якунин, Е.И. Сафронова, Ю.В. Кулинцев, А.Г. Ларин, А.Ларионова, Т.Ф. Бордачев и др., активно продвигают идею о том, что ШОС должна служить формированию многополярного мирового порядка вместе с региональными структурами - ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, а также АСЕАН. Они видят в ШОС потенциальный механизм реализации продвигаемой Россией концепции строительства «Большой Евразии» [16].

Более пристальное изучение показывает, что аналитические выкладки этих экспертов подразумевают ослабление влияния Пекина в

ШОС, а также китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) на страны Центральной Азии. В начале 2000-х годов конструктивное геополитическое сотрудничество между Россией и Китаем сыграло решающую роль в формировании и последующем развитии ШОС. Тогда эти две страны называли «столпами» Организации. Однако со временем ситуация изменилась, как и отношение официальной Москвы и Пекина к перспективам и приоритетам ШОС. Как полагают эксперты, придерживающиеся данной точки зрения, в то время как КНР стремилась превратить ШОС в платформу для реализации своих внешнеэкономических интересов с перспективой создания регионального экономического блока, Россия выступила против возможности развития Организации по такому сценарию, опасаясь ее полного перехода под контроль Пекина.

Некоторые наблюдатели утверждают, что предложение Пекина расширить экономическую повестку дня в ШОС вызвало негативную реакцию Москвы. В частности, делается предположение о том, что Россия выдвинула неприемлемое для Китая условие, предложив ему вступить в Евразийский банк развития в г.Алматы (Казахстан) в качестве «младшего партнера», чтобы снять с повестки дня идею о создании зоны свободной торговли ШОС. Тем временем вопрос о создании Банка развития ШОС, за который выступал Пекин, зашел в тупик [17].

Эксперты отмечают, что рост различий в подходах Москвы и Пекина по отношению к ШОС совпал с периодом, когда Китай стал демонстрировать себя в качестве нового глобального игрока.

Многие эксперты отмечают, что различия в подходах Москвы и Пекина к ШОС совпали с периодом, когда Китай стал демонстрировать себя в качестве нового глобального игрока. С приходом к власти председателя КНР Си Цзиньпина эта тенденция стала еще более наглядной, якобы усиливая российский скепсис в отношении перспектив ШОС. Достигнутый Китаем за последние десятилетия экономический подъем сам по себе означал усиление его позиций в ШОС и подталкивал Пекин к действиям по усилению своего влияния в Центральной Азии.

Как предполагают российские исследователи, в стратегии КНР в рамках ШОС Москва усмотрела угрозу своего «вытеснения» из Центральноазиатского региона. Развивая эту мысль, некоторые из них считают, что Пекин убедился в бесперспективности трансформации ШОС в региональный экономический блок с китайским доминированием из-за позиции Москвы и радикальным образом сменил свою евразийскую стратегию: в 2013 г. Си Цзиньпинь объявил о запуске новой геоэкономической инициативы ОПОП. Тем самым Поднебесная получила воз-

можность продвигать свою стратегию в Центральной Азии и за ее пределами без многосторонних обязательств с Россией, которые она имела в рамках ШОС.

Шесть приоритетов стратегии Китая в ШОС: борьба с «тремя злами» (терроризм, экстремизм и сепаратизм); обеспечение безопасности приграничных территорий; содействие региональной стабильности; участие в экономическом развитии региона; недопущение попадания Центральной Азии под влияние враждебных Китаю государств или военных блоков; доступ к энергоресурсам региона.

В российской концепции «Большая Евразия» отразилась ответная реакция Москвы на китайскую стратегию, что стало основной причиной изменений в традиционных подходах российских политических и экспертных кругов к ШОС. Так, на первый план в стратегии Кремля вышла идея сопряжения ЕАЭС и ОПОП, тогда как внимание к ШОС стало уходить на задний план. В новой российской стратегии ШОС отводится "одна из ролей" в строительстве "Большого евразийского партнерства" наряду с другими региональными организациями и интеграционными инициативами. Хотя концепция «Большой Евразии» окончательно еще не оформлена, некоторые наблюдатели видят в ней попытку сдерживания растущего влияния Китая в Центральной Азии и странах бывшего Советского Союза [18].

Китайские исследователи: ШОС как новая модель международных отношений

В Китае, который считается «движущей силой» ШОС, имеется множество ведущих «мозговых центров», специализирующихся на всестороннем изучении деятельности Организации. Их позиции и оценки деятельности ШОС, её роли в системе международных и региональных отношений кардинальным образом отличаются от взглядов представителей политологических школ других стран.

Во-первых, в фундаментальных исследованиях китайских ученых содержатся концептуальные основы официальной позиции и стратегии КНР по отношению к ШОС. Это высказано в научных и аналитических статьях одного из ведущих экспертов по ШОС, профессора Института международных исследований Фуданьского университета в Шанхае (бывший директор Центра исследований России и Центральной Азии) Чжао Хуашэна. В начале 2000-х он обозначил шесть приоритетов стратегии Китая в ШОС: борьба с «тремя злами» (терроризм, экстремизм и сепаратизм); обеспечение безопасности приграничных территорий; содействие региональной стабильности; участие в экономическом раз-

витии региона; недопущение попадания Центральной Азии под влияние враждебных Китаю государств или военных блоков; доступ к энергоресурсам региона [19].

Анализ политики КНР в рамках ШОС показывает, насколько она точно соответствует приоритетам, перечисленным Чжао Хуашеном.

Во-вторых, китайские исследователи подчеркивают, что доктринальные и идеологические основы ШОС исходят из концептуальных положений внутренней и внешней политики КНР. Они в первую очередь отражены в Хартии ШОС [20]. В данном контексте примечательно мнение Пан Дапэна, заместителя директора Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, состоящее в следующем: «ШОС была создана одновременно с политикой реформ и реализацией социалистической модернизации в Китае. Поэтому её становление напрямую связано с развитием Китая и изменениями в его дипломатии» [21].

В-третьих, в китайских дипломатических и экспертных кругах наблюдаются попытки интерпретировать ШОС как «новую модель» [22] международных отношений. В частности, Ван Сяоцуань из Китайской академии общественных наук отмечает, что ШОС, базирующаяся на основных принципах «шанхайского духа» (взаимное доверие, взаимный интерес, равенство, консультации, уважение культурного разнообразия, стремление к общему развитию), является уникальной международной организацией, в которую входят государства с различными политическими и экономическими системами и представляющие различные цивилизации. Такая природа ШОС, по его мнению, позволяет продвигать инклюзивное сотрудничество и «гармоничный порядок», что непосильно другим международным структурам [23].

В последние годы в китайских дипломатических и экспертных кругах наблюдаются попытки интерпретировать ШОС как «новую модель»[1] в международных отношениях в которую входят государства с различными политическими и экономическими системами и представляющие различные цивилизации.

Профессор Института международных отношений Китайского университета иностранных дел Ли Хайдонг полагает, что ШОС будет играть важную роль в реализации концепции «новой безопасности в Азии». В данном контексте китайский эксперт интерпретирует ШОС как механизм реализации стратегии Пекина по построению нового многополярного миропорядка [24].

В-четвертых, еще одна группа китайских исследователей рассматривает ШОС как важный фактор в реализации инициативы ОПОП, пытаясь доказать необходимость «гармонизации» этих двух платформ.

Для этого, по их мнению, необходимо наращивать экономическое сотрудничество в рамках ШОС, при этом избегая конкуренции между ЕАЭС и ОПОП [25].

В определенном смысле ШОС - пример становления «китайской модели» регионального сотрудничества, суть которой заключается в создании необходимых условий для экономического и социального развития и безопасности страны путем укрепления добрососедства и экономической взаимозависимости в регионах, с которыми граничит КНР.

Обобщая рассмотренные подходы представителей западных, российских и китайских политологических школ, можно заключить, что отношение к деятельности ШОС во многом сформировалось под воздействием доминирующих в этих странах концепций региональной интеграции, а также накопленного ими опыта в сфере регионального сотрудничества.

Американские и европейские исследователи отмечают, что механизмы регионального и многостороннего сотрудничества имеют высокую степень институционализации. Их школы формировались под большим влиянием либеральных идей, включая рыночную экономику, свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, демократические ценности и приоритеты в области прав человека. Европейский Союз является ярким тому подтверждением.

Усилия России по развитию ШОС как механизма коллективной безопасности также связаны с российскими внешнеполитическими традициями. Однако правильнее было бы охарактеризовать значимость ШОС для России как одного из важных элементов «обеспечения устойчивой управляемости мирового развития, что требует коллективного лидерства ведущих государств, которое должно быть представительным в географическом и цивилизационном отношениях и осуществляться при полном уважении центральной координирующей роли ООН» [26]. Согласно официальной позиции, в этих целях Россия наращивает взаимодействие в рамках "Группы двадцати", БРИКС, ШОС и других многосторонних структур и диалоговых площадок.

У Китая до создания ШОС не имелось опыта участия в институтах многостороннего сотрудничества, особенно в региональных структурах. В определенном смысле ШОС - пример становления «китайской модели» регионального сотрудничества, суть которой заключается в создании необходимых условий для экономического и социального развития и безопасности страны путем укрепления добрососедства и экономической взаимозависимости в регионах, с которыми граничит КНР.

Сравнительный анализ подходов исследователей Запада, России и Китая может быть полезным для лучшего понимания позиционирования политических и академических кругов этих стран к ШОС, а также для разработки научно обоснованных оценок к прогнозированию стратегий этих стран в отношении ШОС в будущем.

Литература

1. *Roy Allison.* Protective Integration and Security Policy Coordination: Comparing the SCO and CSTO // The Chinese Journal of International Politics. Autumn 2018, Vol. 11, Iss. 3, P. 297–338. https://doi.org/10.1093/cjip/poy008

2. The Shanghai Cooperation Organization SIPRI Policy. Paper No. 17; *Alyson R. Bailes K., Dunay Pál, Guang Pan and Troitskiy Mikhail.* https://www.sipri.org/sites/default/files/files/PP/SIPRIPP17.pdf; *Aris Stephen.* Shanghai Cooperation Organisation: an Anti-western Alignment? // CSS Analyses in Security Policy. December 2009, No. 66. https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CSS-Analyses-66.pdf; *Contessi N.* China, Russia and the Leadership of the SCO. A Tacit Deal Scenario // China and Eurasia Forum Quarterly. 2010. Vol. 8. No. 4. P. 101-123.; *Scott Andrew McClellan.* The Shanghai Cooperation Organization: Should the U.S. be Concerned? 2013. https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA589436.pdf; *Lubina Michal.* Russia and China: A political marriage of convenience – stable and successful. – Opladen, Berlin & Toronto: Barbara Budrich Publishers, 2017. P.239.

3. Sean Roberts, oral testimony before the Commission on Security and Cooperation in Europe, The Shanghai Cooperation Organization: Is It Undermining U.S. Interests in Central Asia? September 26, 2006. https://www.csce.gov/international-impact/events/shanghaicooperation-organization-it-undermining-us-interests-central.

4. *Kaczmarski M.* Non-western visions of regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union // *International Affairs.* Vol. 93, Issue 6, November 2017. P. 1357–1376, https://doi.org/10.1093/ia/iix182

5. *Allison Roy.* Там же.

6. *Aris Stephen.* A new model of Asian regionalism: does the Shanghai Cooperation Organisation have more potential than ASEAN? // Cambridge Review of International Affairs. Vol. 22, 2009 - Issue 3. P. 451-467 | Published online: 25 Sep 2009. https://doi.org/10.1080/09557570903104040

7. *Aris Stephen.* Russian-Chinese relations through the Lens of the SCO. Russie.Nei.Visions №34, Institut Francais des Relations Internationales (Ifri), September 2008. https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/Ifri_RNV_Aris_SCO_Eng.pdf

8. Autocratic and Democratic External Influences in Post-Soviet Eurasia (Post-Soviet Politics) 1st Edition, Kindle Edition by Anastassia Obydenkova (Author), Alexander Libman (Author).

9. См.: Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order. Edited by Louise Fawcett and Andrew Hurrell. – Oxford University Press. http://

docenti.unimc.it/u1.chelatidirar/teaching/2015/14864/files/reading-materials-on-regionalism/historical-perspectives

10. См.: *Mittelman James, Falk Richard*. Global Hegemony and Regionalism https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9781400823697.131/html

11. *Титаренко М.Л.* Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени. – М.: ИД «ФОРУМ», 2014. http://www.ifes-ras.ru/images/abook_file/book-2014-titarenko.pdf; *Титаренко М.Л.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире // Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. - М.: ИД «ФОРУМ», 2012. http://www.ifes-ras.ru/attaches/books__texts/titarenko.pdf; *Галенович Ю.М.* Россия – Китай: шесть договоров. – М., 2003; *Лукин А.В.* Россия и ШОС // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. Вып. 2(4) Февраль 2005. https://mgimo.ru/files2/y01_2012/2189; *Лукин А.В.* Шанхайская Организация Сотрудничества: проблемы и перспективы // Международная жизнь, 2004, №3. С. 113-126 96/az-04.pdf. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. – М.: «Весь Мир», 2013; *Клименко А.Ф.* Военные аспекты сотрудничества в формате ШОС // ДОКЛАДЫ ИДВ РАН, 2011. М., 2012. С. 180-194.

12. *Гордиенко Д.В.* Шанхайская Организация Сотрудничества как площадка для диалога по вопросам региональной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2015, № 37. С. 44-66.

file:///C:/Users/r.nurimbetov/Downloads/shanhayskaya-organizatsiya-sotrudnichestva-kak-ploschadka-dlya-dialoga-po-voprosam-regionalnoy-bezopasnosti%20(2).pdf; *Никитина Ю.А.* ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности // Индекс безопасности, 2011, № 2 (97). С. 45-53. https://mgimo.ru/library/publications/190779/ http://www.pircenter.org/media/content/files/0/13406397580.pdf; *Борисов Д.А.* Эволюция политики безопасности Шанхайской Организации Сотрудничества (1996–2010 гг.): Автореф. дисс. канд. исторических наук. – Томск: Томский государственный университет, 2011.

13. *Никитина Ю.А.* ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности // Индекс безопасности, 2011, № 2 (97). С. 45-53.

14. Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества и взаимодействия между РАТС ШОС, АТЦ СНГ и Секретариатом ОДКБ. https://antiterror.odkb-csto.org/int_organizations/RATS%20SHOS-ATC%20SNG-CSTO/memorandum/

15. *Воронович В.В.* Эволюция Шанхайской Организации Сотрудничества в контексте формирования азиатской системы безопасности // Журнал международного права и международных отношений, 2007, № 2. https://elib.bsu.by/handle/123456789/21816; *Шилина М.Г.* Шанхайская Организация Сотрудничества как формат политического и экономического взаимодействия государств: реалии и перспективы // Бизнес. Общество. Власть, 2014, № 21. С. 41-61; *Шилина М.Г.* ШОС как институциональная основа межгосударственного экономического взаимодействия в Евразии: особенности и преимущества // Сборник "Актуальные проблемы современного международного права: материалы XIV Международного конгресса «Блищенковские чтения». – М.: РУДН, 2018; *Мантусов В.Б.* Субрегиональная группа ШОС. Анализ проблем, возможностей и перспектив развития. – М.: Научная книга, 2010. С. 86. http://rta.customs.ru/nrta/attachments/3570_VB_Mantusov_subreg_grup_SHOS.pdf; *Подбиралина Г.В., Мигалева Т.Е.* Экономические интересы Китая и России в Шанхайской Организации Сотрудничества // Международная торговля и торговая политика, 2015 (2). https://mttp.rea.ru/jour/article/view/17/18.

16. *Караганов С.* От поворота на Восток к Большой Евразии // Международная жизнь, 2017, №5. https://interaffairs.ru/jauthor/material/1847; *Кортунов А.В.* ШОС - камень, отвергнутый строителями новой Евразии? 14.05.2018. https://www.gazeta.ru/politics/2018/05/14_a_11750455.shtml; *Лузянин С.Г.* Россия – Китай: формирование обновленного мира. – М.: Издательство «Весь Мир», 2018. http://www.ifes-ras.ru/images/abook_file/book-2018-luzyanin.pdf; *Лукин А.В., Якунин В.И.* Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения. – М.: Весь Мир, 2019; *Лукин В.А.* ШОС могла бы сыграть важную роль в сфере сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и ЕАЭС. Агентство Синхуа. 2018-06-05. http://russian.news.cn/2018-06/05/c_137232321.htm; *Сафронова Е.И.* Российско-китайский диалог и «Большое евразийское партнерство»: новая идеология отношений? // Проблемы Дальнего Востока, 2019, № 4. С. 174- 178; *Ларин А.Г.* Экономический пояс Шелкового пути»: экономическое содержание, структура, идеология // Новый Шелковый путь и его значение для России / ИДВ РАН. – М.: ДеЛи плюс. 2016. С. 38–57; *Кулинцев Ю.В., Сюцзэ Т.* Трансазиатско-европейское экономическое партнерство как вариант сопряжения ЕАЭС и ЭПШП // Проблемы Дальнего Востока, 2018, № 2. С. 89-98; *Кулинцев Ю.В., Петровский В.Е., Ларионова А., Чай Юй (КНР), Ван Чэньсин (КНР), Цзян Цзин (КНР).* Сопряжение ЕАЭС и ИПП: проблемы и перспективы // Аналитическая записка 29/2020. РСМД, КАОН. 2020. – С. 1-15.; *Кулинцев Ю.В.* Перспективные векторы развития ШОС в контексте строительства большого евразийского партнерства // Евразийское пространство: новые векторы и приоритеты. – М.: ИДВ РАН, 2020. С. 43-53; *Бордачев Т.В., Казакова А.В., Скриба А.С.* Институты для мира в Евразии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 11. № 2. 2016. С. 24–39. https://iorj.hse.ru/2016-11-2/186075392.html; *Бордачев Т.В., Пятачкова А.С.* Концепция «Большой Евразии» в повороте России на Восток // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика». Т. 13. № 3. 2018. С. 33–51. https://iorj.hse.ru/2018-13-3/228113698.html

17. *Габуев А.* Больше да хуже. Как Россия превратила ШОС в клуб без интересов. 13.06.2-17. https://carnegie.ru/commentary/71212

18. *Лузянин С.Г.* Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект «Шелкового пути и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии». 12.01.2017. http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2017/project_rfbr_2016-2018_luzyanin-1.pdf

19. *Чжао Хуашэн.* Китай, Центральная Азия и Шанхайская Организация Сотрудничества // Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. 2005. №5. С.50.

20. *Пань Гуан.* Что такое «шанхайский дух» 27.11.2008. http://www.infoshos.ru/ru/?idn=3296; *Гао Ханьсюнь.* Выгода и равенство. Почему теория «шанхайского духа» обладает мощной жизненной силой.

Opinion: The undying importance of the "Shanghai Spirit". By Zhang Xin. https://news.cgtn.com/news/3d3d774d3263444f77457a6333566d54/share_p.html

https://rg.ru/2020/11/08/pochemu-teoriia-shanhajskogo-duha-obladaet-moshchnoj-zhiznennoj-siloj.html;

Пан Дапэн. Роль ШОС во внешнеполитической стратегии Китая. 1 октября 2020. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-shos-vo-vneshnepoliticheskoy-strategii-kitaya/

21. *Пан Дапэн.* Там же.

22. SCO: A New Model for Close, Inclusive International Relations. view of Wang Xiaoquan, Executive deputy director, Secretary General Belt and Road Research Center

under Chinese Academy of Social Sciences. http://www.chinatoday.com.cn/ctenglish/2018/hotspots/2018sh/2/201806/t20180611_800132521.html

См.: Выступление Президента Китайской академии общественных наук Се Фучжана на международной видеоконференции "ШОС и региональное управление: новые идеи и подходы". https://russiancouncil.ru/news/eksperty-iz-rossii-i-kitaya-obsudili-rol-shos-v-regionalnom-upravlenii/?sphrase_id=73178665#detail

23. *Wang Xiaoquan*. Cit. op.

24. *Li Haidong*. New Asian security concept will build a world of peace and prosperity. 2019-06-16 // China Foreign Affairs University (CFAU). http://eng.chinamil.com.cn/view/2019-06/16/content_9531409.htm.

25. *Н. Лу, Ш. Лу, М. Хуан*. Сотрудничество Китая с Россией и странами Центральной Азии в формате «Одного пояса, одного пути» как фактор развития ШОС // Вестник международных организаций. Т. 13. №3. С. 113–127. https://iorj.hse.ru/2018-13-3/228114173.html; *Ли Синь*. Проблемы экономического сотрудничества ШОС, «Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза // "Международная аналитика", 2015, № 2. С. 57-60. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2015-0-2-57-60.

26. См.: Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.).

N.A. Sodikova

New EU Strategy in Central Asia: contemporary challenges and risks

After gaining independence, the countries of Central Asia (CA) came to the attention of the world community. The establishment of diplomatic, trade, economic and cultural ties was one of the priority tasks both for the Central Asian states and for states interested in mutual cooperation with the region. From the very beginning, the European Union (EU) has been actively interested in developing relations with the Central Asian countries. Even now he does not hide his desire to be present in the region for the long term. These targeted actions are manifested in the officially adopted documents by the EU, which brought interaction to new high levels of cooperation. Cooperation is carried out at the multilateral and bilateral levels, depending on the interests and agreements of the parties.

This paper examines the genesis of the development of relations between the EU and the Central Asian region, the implementation of mutually beneficial foreign policy activities of partners throughout the period of cooperation, which has ended up with the adoption of the New EU Strategy for the Central Asian region in 2019. The new Strategy, which is facing certain difficulties in its implementation, should become a new catalyst for the implementation of its goals. Despite the pandemic, which shifted the deadlines for the implementation of certain agreements and affected the overall global situation in all areas, the parties are trying to follow the previously concluded commitments.

Resilience. The EU, like all major states of the world, has shown the first steps in establishing relations with the countries of the Central Asian

Sodikova N.A., University of World Economy and Diplomacy PhD student.

region after their independence. The EU has always sought to position itself as a source of democratic reforms, liberal values, the rule of law, equality and human rights. And for the newly formed independent states, the development of values of this kind was one of the primary goals.

In order to enhance development, the EU is actively promoting the concept of resilience, which in the 1990s was firmly entrenched in the security sphere of individual Western countries. At the initial stage, the need for this concept arose due to the fact that the world changed and states were not able to adequately protect their citizens from all dangers, so individuals had to learn in the presence of various dangers, while states had to be able to maintain their basic obligations due to the presence of various threats and challenges. If the system is stress-resistant enough, it is not threatened with extinction. The main difference between resilience and stability is the return of a stress-resistant system from a temporary shock to a state of equilibrium [1]. According to Holling, a system can have high stress tolerance, but low stability, which is especially characteristic of complex systems [2]. In academic circles, there is also growing interest in the study of the concept of resilience (Korosteleva 2019; Petrova 2019; Juncos 2016; Tocci 2017; Wagner, Anholt 2016; Romanova 2017 [3]), who consider and analyze the historical aspects of the concept, study the similarities and differences of its use, perception in modern sciences, predict the consequences of its practical application, advantages and disadvantages in the internal and foreign policy of the EU. It should be noted that the concept is firmly embedded in the EU's relations with developing countries. The EU has positioned itself as a role model in promoting resilience. The organization sought to cooperate not only with official structures, but also with civil societies in developing countries. First, the application of the concept has become important for justifying and promoting the EU's external actions. In addition, stress resistance is directly related to the rule of law, human rights, the development of democracy, which are the priority values of the EU.

The EU has positioned itself as a role model in promoting resilience. The organization sought to cooperate not only with official structures, but also with civil societies in developing countries.

Nevertheless, due to the acceleration of the development of the process of globalization and the ongoing changes in the world, the concept of resilience has expanded its scope and became the basis of the EU's activities around the world. The 2016 EU Global Strategy [4] set the stage for this process. For its part, the EU explained its position as an actor in promoting resilience, which takes into account the compromise

between the earlier liberal aspirations of the EU and a realistic understanding of modern world realities [5]. EU cooperation with partner countries in all areas, especially with developing countries, is carried out through the prism of the concept of resilience.

Currently, the EU recognizes that it is impossible to eliminate challenges, in particular those similar to the Covid-19 pandemic, and seeks to build a system that will allow it to develop in such situations. For its part, the coronavirus pandemic has demonstrated the need to further develop the concept of resilience. At the present time, when the impact of globalization and the ongoing climate change is not the same, in order to become more responsive, sustainable, there is a need to form a new perception of the possible and necessary governance of the world in the future, where sustainability contributes to a better understanding of the challenges to the global order [6]. If, before the coronavirus pandemic, the environmental friendliness of energy, the promotion of the EU Green Deal was a priority on the EU agenda, now they are complemented by the improvement of the health care system, increasing the stress resistance of this area.

Evolution of cooperation development. Within the framework of regional cooperation, EU Delegations were opened in all CA countries and the EU Strategies for the region were adopted, which identified priority areas of cooperation. The first EU Strategy «Partnership and Cooperation Agreement» was adopted for the period 1999-2006 [7]. The next Strategy "EU and CA: New Partnership in Action" was adopted in 2007 and was valid until 2013 [8]. In 2019, it was replaced by the New EU Strategy for Central Asia "EU and Central Asia: New Opportunities for Strengthening Partnership" [9].

Establishing relationships in any area always pursues certain goals of both parties. The Central Asian region is one of the most dynamically developing regions in the world with an advantageous geopolitical position. The interests of the EU in Central Asia lie primarily in the geographical position of the region. From this point of view, Central Asia is located in an advantageous, geostrategic location, where there are large reserves of energy resources. Also, the importance of the region for the EU in terms of ensuring security remains indisputable.

Establishing relationships in any area always pursues certain goals of both parties. The Central Asian region is one of the most dynamically developing regions in the world with an advantageous geopolitical position. The interests of the EU in Central Asia lie primarily in the geographical position of the region.

For the Central Asian region, cooperation with the EU has its advantages. **First,** the EU will be able to balance the presence of other large countries in the region so that there is no hegemony of any power in CA. **Second**, the EU is a major source of technology and investment, which allows the Central Asian countries to improve their technological capabilities. It should be noted that the EU is a large market for Central Asia. For example, the GSP+ system of preferences for CA countries facilitates access to European markets. For the countries of Central Asia, it is important not only that the GSP+ is applicable and opens up certain opportunities, but also that the countries themselves assume obligations to comply with the requirements in the field of granting tariff preferences.

The EU Global Strategy aims at broad participation in the affairs of the whole world, as the name suggests, and defining its core principles and interests. Accordingly, the main goal is to strengthen the position and influence of Europe throughout the world, to make it stronger and more united.

The EU has been a partner and supportive donor of the CA countries since 1991 [10]. Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States (TACIS) was the first large-scale programmatic structure between the EU and CA countries, operating from 1991 to 2006. The main goals in the implementation of TACIS programs were to assist the newly independent post-Soviet states in their efforts to carry out internal political and economic reforms, liberalization, democratization, and the rule of law. The main achievement of this project was the signing of the Partnership and Cooperation Agreements (PCA) with all five states, although it should be noted that the PCA with Turkmenistan has not yet been ratified [11].

The next important stage in the development of cooperation is the adoption of the Strategy «European Union and Central Asia: a Strategy for a New Partnership» in 2007. The EU's expansion to the East served as an impetus for a revision of the position and interests of the EU in the region, when the countries of the post-Soviet space found themselves directly at the borders of the EU ... Upon expiration of this Strategy in 2013, it can be concluded that this Strategy was not as successful as expected. **First**, this is due to the fact that the designated goals and positions in the Strategy were not so specific or narrowed down to a certain value, they were rather general in nature, which made it difficult to implement these initiatives. **Second**, the low and passive interest of the CA countries directly influenced the incomplete implementation of the Strategy initiatives. Central Asia did not show enough active participation and interest for deep cooperation with the EU. Nevertheless, the successes in the implementation of the Strategy's initiatives include the

conduct of political and interdepartmental consultations and dialogues, and the financing of EU projects in Central Asia.

New EU Strategy. In 2016, after the adoption of the Global Strategy, the EU began to develop a new Strategy in relation to the CA countries, which it eventually adopted in May 2019. The new EU Strategy is called "EU and CA: New Opportunities for Strengthening Partnership", the main priorities of which are partnership for sustainability, cooperation for prosperity, intensive joint work, steadily developing, and closely interconnected economic and political space. This EU Strategy replaces the previous one, which was adopted in 2007.

The adoption of the new Strategy is based on the new EU Global Strategy. The EU Global Strategy aims at broad participation in the affairs of the whole world, as the name suggests, and defining its core principles and interests. Accordingly, the main goal is to strengthen the position and influence of Europe throughout the world, to make it stronger and more united. The EU also strives to adhere to a policy of ensuring the safety of its citizens, respecting their interests and upholding values. Based on the goals, the main tasks of the Global Strategy are formed, which consist of turning the main visions into a plan of joint actions. The main ideas and goals of the new EU Strategy follow directly from the general principles of the Global Strategy, without contradicting each other. For example, the Global Strategy states that certain EU support programs will target the EU's neighbors to the south and east, from Central Asia to Central Africa.

The EU claims that interaction with Central Asia is open for cooperation with third partners, including Russia and China. The EU also welcomes cooperation with neighboring countries, international organizations and development banks.

Also, the EU believes that the resolution of conflicts and other crisis situations requires its full participation and its possible presence in the conflict zone until it is completely resolved [12]. Those an important component of the Global Strategy are goals and objectives that are related to sustainable development. The new EU Strategy 2019 reflects these goals and objectives in the CA region.

An important distinguishing feature of the New Strategy is, first of all, its homogeneous structure and efficiency of implementation. It is worth noting that the EU contributes to the development of mechanisms for structural barriers to regional trade and investment, assists the accession of the countries of the region to the WTO (not yet acceded to the WTO) and promotes the development of mutual relations between coun-

tries individually and between countries and international organizations. For example, Uzbekistan is currently in the active phase of negotiations on joining the WTO. For its part, the EU supports Uzbekistan in this direction and the acceleration of deepening relations can contribute to the intensification of actions on accession to the WTO. At the 17th meeting of the committee on cooperation between the EU and Uzbekistan, the European side confirmed that it supports Uzbekistan's application to join the WTO [13].

The need to adopt a New Strategy arose from the shortcomings of the previous strategy. However, there are **a number of factors** that are slowing down the implementation of the New Strategy 2019 initiatives.

First, the New Strategy 2019 is an updated version of its previous Strategy 2007-2013. Due to the existing realities, changes taking place in the world, the need for a more in-depth format of cooperation, the first Strategy needed some additions and changes. Some of the tasks set in the Strategy 2007-2013 were not implemented or were not fully implemented. For example, the project of the energy corridor linking the EU-CA, the issues of democratization and human rights issues, migration has not been fully resolved, which are reflected in the new Strategy.

The stated goals and objectives of the Strategy 2007-2013 have not quite shown their effectiveness in practice. Perhaps this is due to the passive interest of both parties, not only the Central Asian countries, in the implementation of joint actions. This suggests that the Central Asian region is not the primary one in the EU's foreign policy. For example, for the periods 2007-2013 and 2014-2020 from the EU was allocated to the region 750 million [14] and 1 billion. Euros [15], while in 2011 Turkey allocated 450 million dollars to Kyrgyzstan alone [16]. Low funding can help reduce the EU's influence in the region, due to the fact that other major powers show great interest in Central Asia. This balance of power could have an adverse effect on the EU, thereby limiting its presence in the region. On the part of the Central Asian countries, this can be perceived as the EU's unwillingness for long-term cooperation.

Second, given the presence of Russia and China in Central Asia, the EU is overestimating its political priorities in the region. One of the main reasons is the Eurasian Economic Union (EAEU), which does not seem to pose a threat to relations between the EU and Central Asia, but at the same time shows the growing role of Russia in the region, especially when it comes to issues of trade and migration. In this regard, the Strategy notes that there is compatibility between the new agreements on partnership and cooperation between the EU and the countries of Cen-

tral Asia and other integration associations, such as the EAEU, which includes Kazakhstan and Kyrgyzstan.

Also, the presence of China in the region is due to the «Belt and Road Initiative» project, which contributes to the economic development of the countries of the region and is focused mainly on the development of infrastructure projects and energy. In 2014, the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) and the Silk Road Fund were established, signaling China's serious funding intentions [17].

However, the EU does not have enough leverage that could influence the course of the peace talks in Afghanistan and the development of events in the country as a whole. In this regard, in its foreign policy, the EU adheres to the role of coordinator of program effectiveness and results.

Nevertheless, the EU claims that interaction with Central Asia is open for cooperation with third partners, including Russia and China. The EU also welcomes cooperation with neighboring countries, international organizations and development banks. This indicates that, on the one hand, the presence of external players in Central Asia creates certain barriers to the implementation of the EU's New Strategy in the region, but according to the convictions of the EU itself, it seeks to cooperate in those areas where possible, without entering into geopolitical competition and rivalry with the main actors in the region, promoting, for their part, regional integration initiatives in Central Asia without going beyond their interests in Central Asia, as well as within the priorities stated in the New Strategy.

Third, as the United States and its supporters in Europe have withdrawn from Afghanistan recently, it seems important to increase the support of the Central Asian region onwards. For its part, Central Asia can assume part of the responsibility for ensuring stability in Afghanistan, as well as further curbing drug trafficking, the transit of terrorists, and the flow of refugees to Europe. In March 2020, the Afghan people ranked second among the nationalities applying for asylum in the EU. If serious security problems arise in the Central Asian region, the EU will be one of the first to experience their consequences. Central Asia has borders with Afghanistan and, in this regard, is exposed to risks ranging from illegal drug trafficking to threats of terrorism and extremism [18]. For the period 2014-2020 The EU allocated 1.4 billion euros to Afghanistan [19], which is almost 1.5 times more funding for programs in Central Asia as a whole over the same period. This fact indicates that security in Afghanistan is important for the EU in order to ensure its own security. However, the EU does not have enough leverage that could influence the course of the peace talks in Afghanistan and the development of events in the country as a whole.

In this regard, in its foreign policy, the EU adheres to the role of coordinator of program effectiveness and results. Such programs include BOMCA and CADAP, which are instruments for the implementation of EU security policy. BOMCA is a program to assist border management in Central Asia, which has implemented 9 phases. The duration of the last phase of 36 months and a total budget of 4 954 784.93 euros began in June 2015, but was extended in June 2018 until December 2019, for which additional funding of 1.6 million euros was allocated [20]. CADAP is a drug prevention program in Central Asia. The last 6th phase, CADAP-6, began in 2015 and continues its activities based on the results of the previous phases.

Fourth. The coronavirus pandemic has also affected the development of relations between the EU and the Central Asian region. Due to the current situation, this primarily affected cooperation in the trade and economic sphere. In most of the Central Asian countries, where large-scale lockdowns and quarantines were introduced, the slowdown in economic growth, the suspension of production, the closure of borders negatively affected the trade and economic potential of the states. For the EU, as well as for many countries of the world, the third quarter turned out to be a recovery one. The pandemic and the subsequent economic crises exacerbate the EU's influence in the region. The main economic interaction with Central Asia was carried out by the EU with Kazakhstan. Since 2017, there has been an intensification of Uzbek-European relations, which has served to some strengthening of their economic ties. The EU's influence in the rest of the Central Asian countries either does not change or continues to decline.

The pandemic is likely to help contain the EU's role in this area as well. Due to the existing circumstances, the EU does not seek to position itself as a guarantor of security in Central Asia. Nevertheless, EU tries to carry out his foreign policy activities by using «soft power», which is one of the main principles of promoting the EU's foreign policy activities throughout the world.

In the security sphere, the EU's influence is also not as great as, for example, the influence of Russia and China. The weakness of European security influence is due to several factors. First of all, it should be noted that the CA countries it should be noted that the CA countries are more dependent on Russia and China in the security sphere than on the EU. Also, the EU's efforts to long-term stabilization of Afghanistan, the reduction of the NATO military grouping and the closure of military bases in Central Asia reflect limited security interests and presence in the region. The region's dependence on Russia and its growing dependence on China also point to an inferior role for the EU. The Western presence is also not beneficial for Russia and China, so they are trying to maintain

their position in the region. The pandemic is likely to help contain the EU's role in this area as well. Due to the existing circumstances, the EU does not seek to position itself as a guarantor of security in Central Asia. Nevertheless, EU tries to carry out his foreign policy activities by using «soft power», which is one of the main principles of promoting the EU's foreign policy activities throughout the world.

Conclusion. Following the results of the first Strategy, the EU revised its role in Central Asia due to the new existing circumstances. The adoption of the EU Global Strategy served as an impetus for the development of a new regional Strategy for Central Asia, which meets today's realities. The new EU Strategy should also serve as a fundamental document for the development of EU assistance programs for 2021-2027. The transition to a deeper level of cooperation and the continuation of the implementation of the goals and agreements with the region are an integral part of the EU's policy in Central Asia. To maintain its presence in the region, the EU promotes non-aggressive policies. The EU seeks to gain the confidence of the CA countries as a supporter of the region's integration into the world trading system, a source of investment and modern technologies, a partner who is interested in the process of economic transformations and reforms in priority areas. The EU has repeatedly stated that it respects national development strategies, the interests of each of its partners in the CA region, and in order to achieve common goals, the EU will contribute to increasing its interaction and intensifying cooperation. Due to the current situation with the coronavirus, which clearly reflected the shortcomings and contradictions within the organization itself, perhaps the EU will focus primarily on its internal problems and strengthening relations with its closest neighbors.

Literature

1. *Treshchenkov E.* (2019) Resilience in Discourses of the European Union and International Organizations. International Organisations Research Journal, vol. 14. No 1, P. 55–75 (in English)

2. *Holling C.S.* (1973) Resilience and Stability of Ecological Systems. Annual Review of Ecology and Systematics, vol. 4, P. 1–23.

3. *Korosteleva E.* Reclaiming resilience back: A local turn in EU external governance. 11 November 2019. https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13523260.2019.1685316

Petrova I. From principle to practice? The resilience–local ownership nexus in the EU Eastern Partnership policy. 21 October 2019. https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13523260.2019.1678280

Juncos A.E. Resilience as the new EU foreign policy paradigm: a pragmatist turn? European Security. 2016. Vol. 26. No. 1. P. 1-18.

Tocci N. Framing the EU Global Strategy. A Stronger Europe in a Fragile World. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. P. 168.

Wagner W., Anholt R. Resilience as the EU Global Strategy's new leitmotif: pragmatic, problematic or promising? Contemporary Security Policy. 2016. Vol. 37. No. 3. P. 414–430.

Romanova T. Resilience category in the European Union. CONTEMPORARY EUROPE. 2017. No 4. P. 17–28.

4. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. 15 December 2019. https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/27890/

5. *Romanova T.* The concept of resilience of the European Union in the era of a pandemic. 7 September 2020. https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kontseptsiya-stress-soustoychivosti-evrosoyuza/

6. *Elena Korosteleva, Trine Flockhart.* Resilience in EU and international institutions: Redefining local ownership in a new global governance agenda. 11 Feb2020. https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13523260.2020.1723973

7. *Kutbiddinov Yu.* EU and CA in renewing strategic relations. Economic Review No. 5 (233) 2019

8. Council conclusions on the EU Strategy for Central Asia Foreign Affairs Council, Brussels, 22 June 2015, https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/st_10191_2015_init_en.pdf

9. Joint communication to the European Parliament and the council, The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership, Brussels, 15 May 2019, https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf

10. *Emilbek Dzhuraev, Nargiza Muratalieva.* The EU Strategy on Central Asia. To the successful implementation of the new Strategy. March, 2020. http://library.fes.de/pdf-files/bueros/bischkek/16168.pdf

11. EU – Turkmenistan relations. https://eeas.europa.eu/sites/default/files/eeas-ca_ministerial_factsheets-2020-turkmenistan-v4.pdf

12. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. 15 December 2019. https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/27890/

13. EU-Uzbekistan 17th Cooperation Committee, 10 February 2021, https://eeas.europa.eu/delegations/uzbekistan/92981/node/92981_en

14. The European Union and Central Asia: the new partnership in action. June 2009. https://www.consilium.europa.eu/media/30828/en-strategyasia_int.pdf

15. Council conclusions on the EU Strategy for Central Asia Foreign Affairs Council, Brussels, 22 June 2015, https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/st_10191_2015_init_en.pdf

16. *Laumulin M.* Turkey and Central Asia. 22 October 2012. https://carnegieendowment.org/2012/10/22/ru-pub-49758

17. *Hong Yu.* Motivation behind China's 'One Belt, One Road' Initiatives and Establishment of the Asian Infrastructure Investment Bank. 1 November 2016. https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10670564.2016.1245894

18. *Burian P.* The EU is offering a real alternative right now. 30 August 2019. https://www.ipg-journal.io/intervju/statja/show/es-prjamo-seichas-predlagaet-realnuju-alternativu-873/

19. Why European Union Makes Afghanistan and Central Asia Closer? 02.07.2019. https://cabar.asia/en/why-european-union-makes-afghanistan-and-central-asia-closer

20. Overview. Facts and figures. https://www.bomca-eu.org/ru/programme/overview

А. Рахимов

Дайджест политической литературы

D.Ball, L. Béraud-Sudreau, T. Huxley, C. Raja Mohan, B. Taylor. Asia's New Geopolitics: Military Power and Regional Order (Adelphi series). Routledge, 2021. 148 p.

Международный институт стратегических исследований (The International Institute for Strategic Studies) в рамках проекта исследований актуальных военно-стратегических вопросов выпустил монографию «Новая геополитика Азии: военная мощь и региональный порядок». В данной работе группа ведущих экспертов по стратегическим и оборонным исследованиям[1] рассматривает проблемы растущего геополитического соперничества и развития военного потенциала в Азии в контексте трех широких стратегических тенденций: снижение готовности США к поддержанию в Азии регионального порядка безопасности, рост напряженности между США и Китаем и ослабление многосторонних механизмов взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Как отмечают авторы монографии, *первая тенденция* в значительной степени связана с непоследовательностью американской позиции в сфере союзнических отношений, которые являются одной центральных опор сформировавшегося в XX в. регионального порядка в АТР.

Рахимов А., главный научный сотрудник Центра международных экономических и политических исследований при УМЭД.

[1] В нее вошли Д. Болл - профессор Центра стратегических и оборонных исследований Австралийского национального университета; Л.Беро-Судро – директор программы вооружений и военных расходов Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI); Т.Хаксли - исполнительный директор Азиатской программы Международного института стратегических исследований (IISS); С.Раджа Мохан - директор Института исследований Южной Азии Национального университета Сингапура; Б.Тейлор - профессор Центра стратегических и оборонных исследований Австралийского национального университета.

Во время своего президентства Д.Трамп обвинял Японию и Южную Корею, которые традиционно считаются важнейшими частями азиатских альянсов США, в получении односторонних выгод в отношениях с Америкой и требовал многократно увеличить их финансовый вклад на покрытие расходов по военному присутствию США.

Новая администрация президента Дж.Байдена пообещала возобновить и укрепить приверженность Вашингтона своим азиатским союзникам, хотя еще администрация Б.Обамы, в которой Дж.Байден занимал пост вице-президента, также призывала союзников США увеличить свои оборонные взносы.

Вторая тенденция состоит в том, что с началом XXI в. в американо-китайских отношениях обозначился тренд к росту напряженности, хотя именно геополитический гамбит США с нормализацией отношений с Китаем в 1970-х годах привел к консолидации американских позиций в Азии и в конечном итоге к перевесу в «холодной войне» в сторону Америки.

Сбалансированный подход США к КНР резко изменился после прихода к власти Д.Трампа, а наступление пандемии коронавируса превратило Китай в главный объект критики со стороны Вашингтона.

Сбалансированный подход США к КНР резко изменился после прихода к власти Д.Трампа, а наступление пандемии коронавируса превратило Китай в главный объект критики со стороны Вашингтона. По мнению авторов исследования, несмотря на то, что полное размежевание экономик двух стран кажется маловероятным, учитывая их высокую степень взаимозависимости, особенно в финансовой сфере, тем не менее пандемия высветила зависимость США от китайских цепочек поставок; дальнейшее экономическое разобщение кажется неизбежным, поскольку Вашингтон взял курс на устранение этой уязвимости. В свою очередь, распространение американо-китайского противостояния за пределы торгово-финансовых вопросов заставило руководство Китая принять меры, направленные на повышение защищенности китайской экономики от неблагоприятных внешних воздействий.

Третья тенденция обозначилась тем, что разрушительные экономические последствия пандемии еще больше ослабили региональные структуры сотрудничества в АТР. В течение последних трех десятилетий азиатские многосторонние группировки пытались реагировать на любой из основных кризисов в регионе, будь то ядерные кризисы, связанные с Северной Кореей, кризис в Тайваньском проливе в 1995–1996 гг. или азиатский финансовый кризис в 1997–1998 гг. Однако смысл существования некоторых из региональных организаций уже подвергается сомнению. В частности, несмотря на то, что Азиатский саммит по безо-

пасности «Диалог Шангри-Ла» проецировал себя в качестве ведущей платформы для обсуждения важнейших политических вопросов и актуальных проблем региональной безопасности, зачастую диалог сводился к обмену обвинениями между США и их азиатскими союзниками, а также Китаем.

Авторы монографии указывают на три конкурирующих точки зрения будущего азиатского порядка: «либеральный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» под руководством США, китаецентричный региональный порядок и индо-тихоокеанские действия Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) на основе инклюзивного подхода и принципов Устава ООН. Эксперты отмечают, что вряд ли какая-либо из этих моделей возобладает в краткосрочном и среднесрочном периоде. Так, готовность и способность Вашингтона и впредь обеспечивать соблюдение правил и принципов, которые традиционно определяли «красные линии» допустимых действий в Азиатско-Тихоокеанском регионе, вкупе с балансом военной силы, необходимым для их соблюдения, вызывают все большие сомнения. С одной стороны, пандемия COVID-19 показала минимальную реакцию Вашингтона на глобальный кризис. С другой стороны, не менее серьезный вызов существующему порядку бросает экономический и политический кризис западного мира, преодолеть который в обозримом будущем не представляется возможным.

Серьезный вызов существующему порядку бросает экономический и политический кризис западного мира, преодолеть который в обозримом будущем не представляется возможным.

В последние годы главной ревизионистской силой в регионе было принято считать Китай, который оспаривает лидерство США. Центральной платформой китайского подхода к формированию азиатского порядка выдвинута инициатива «Один пояс, один путь», которая представляет собой масштабную программу развития инфраструктуры, охватывающую транспорт, энергетику и коммуникации. В экспертном сообществе продолжается дискуссия о том, мотивируется ли данный проект преимущественно стремлением к доминированию Пекина на Азиатском континенте или потребностями внутреннего развития.

Что касается роли АСЕАН в Азии, то одной из причин успеха этой региональной группировки являлась продолжавшаяся несколько десятилетий экономическая интеграция между США и Китаем. Формирование индо-тихоокеанской модели АСЕАН по определению нового порядка безопасности в Азии шло относительно медленно, принимая во внимание специфику принятия решений организации, основанного на принципах консенсусного подхода.

Как справедливо отмечают авторы указанной монографии, построение и поддержание порядка в таком обширном и разнообразном макрорегионе, как Азия, является сверхсложной задачей. Даже многолетний порядок безопасности, который обеспечивался под руководством США, характеризовался как «частичная» или «неполная гегемония». Масштабы и комплексность АТР вынуждают аналитиков представлять макрорегион как состоящий из трех отдельных субрегионов: Северо-Восточная Азия, Юго-Восточная Азия и Южная Азия. В связи с тем, что перспектива того, что в обозримом будущем общерегиональное видение порядка в этой части Азиатского континента не возобладает, авторы книги приходят к выводу, что критически важным для анализа стратегических доктрин в Азии остается традиционный субрегиональный подход. Именно он позволяет провести более детальный анализ уникальной динамики и обстоятельств, преобладающих в каждом субрегионе Азии, и в то же время выявлять некоторые общие проблемы и возможности для взаимодействия.

Анализируя политические процессы в Северо-Восточной Азии, эксперты констатируют, что, несмотря на то, что Китай и Япония имеют вторую и третью по величине национальные экономики в мире, субрегион по-прежнему испытывает недостаток в региональных структурах безопасности, способствующих снижению межгосударственной напряженности. Тем временем военный баланс неизбежно и неумолимо продолжает сдвигаться в пользу континентального Китая. Более того, геополитические споры, напряженность в Северо-Восточной Азии вкупе с растущим благосостоянием стран региона приводят к значительному увеличению военных расходов во всем его пространстве.

Безопасность в Юго-Восточной Азии эксперты предлагают оценивать через призму политики и дипломатии, учитывая, что политические лидеры этого субрегиона, как и их партнеры по диалогу, в силу различных причин придают большое значение идее центральной роли АСЕАН в системе безопасности в Азии. Историческое наследие и современные геополитические обстоятельства каждого из государств Юго-Восточной Азии влияют на формирование национальных взглядов на то, как управлять внешней безопасностью, особенно с точки зрения отношений с крупными державами, вовлеченными в этот субрегион.

Построение и поддержание порядка в таком обширном и разнообразном макрорегионе, как Азия, является сверхсложной задачей.

Особый интерес представляет раздел монографии, в котором дан анализ комплекса безопасности Южной Азии и процессов, происходящих в этом регионе. Эксперты подчеркивают, что аналитическое разде-

ление Южной Азии частично определено географией, так как Гималаи служат серьезным географическим барьером для взаимодействия между Южной Азией и остальной частью макрорегиона. В то же время растущий экономический и военный вес Китая повысил его способность проецировать мощь на Южную Азию.

Как отмечают аналитики, в 1980-х годах поддержка Китаем ядерной и ракетной программ Пакистана встречала слабое сопротивление со стороны Соединенных Штатов из-за того, что Вашингтон был сфокусирован на противодействии советской экспансии в Афганистане, поэтому достаточно пассивно реагировал против этих программ в 1990-х годах. Однако в 2000-е годы геополитические расчеты администрации Дж.Буша радикально изменились, США предложили Индии эксклюзивный доступ к технологиям и материалам для развития мирной части ядерной программы. Данная инициатива не только положила конец длительной ядерной изоляции Индии, но и стала частью усилий по трансформации двусторонних отношений Вашингтона с Нью-Дели и поддержке становления Индии в качестве великой державы. Бутан, Мальдивы, Непал и Шри-Ланка, некогда считавшиеся незначимыми с геополитической точки зрения, стали получать признание своей стратегической географической ценности со стороны крупных держав и развивают с ними интенсивные контакты.

Возникновение ядерного оружия создало в южноазиатском регионе определенный парадокс: он ослабил возможность инициирования обычного военного конфликта, но допускает проведение гибридной войны, сочетающей в себе обычные и нелегальные инструменты и методы для дестабилизации ситуации,

Авторы монографии также отмечают центральную роль Афганистана в формировании геополитики Южной Азии, проявившуюся в последние несколько десятилетий. Две крупные военные оккупации страны – в 1980-х годах Советским Союзом и с 2001 г. Соединенными Штатами – оказали глубокое влияние на военно-политические отношения в Южноазиатском субрегионе, формируя векторы развития международных отношений и изменения внутренней политики в Пакистане и Индии.

Анализируя решение администрации Д.Трампа о полном выводе американских войск из Афганистана в 2021 г., эксперты подчеркивают, что это неизбежно повлияло на динамику развития индо-пакистанских отношений в сфере безопасности. Хотя Пакистан может быть удовлетворен свертыванием индийского присутствия в Афганистане, в то же время он осознает угрозы стабильности на своей западной границе в постамериканскую эпоху, опасаясь вмешательства других региональных игроков в Афганистан.

Для Индии роль Афганистана всегда сдерживалась отсутствием прямого географического доступа. Нью-Дели должен был постоянно балансировать между своими интересами в нормализации отношений с Исламабадом и регулированием интенсивности своего участия в Афганистане. Это объясняет нежелание Индии быть вовлеченной в споры между Афганистаном и Пакистаном, как, например, по поводу периодически выдвигаемых претензий Кабула в вопросе легитимности линии Дюранда.

Названы несколько факторов, которые возвращают субконтинент в центр внимания в азиатской геополитике. Это конфликт в Афганистане, подъем Китая, постепенное возвышение Индии, появление ядерного оружия, возобновление соперничества великих держав и динамичное взаимодействие между Южной Азией и ее соседями.

Совершенствование оборонного потенциала Индии и Пакистана в сочетании с ускоренной военной модернизацией Китая придает конфликтам в Южной Азии особые грани. В частности, возникновение ядерного оружия создало в Южноазиатском субрегионе определенный парадокс: он ослабил возможность инициирования обычного военного конфликта, но допускает проведение гибридной войны, сочетающей в себе обычные и нелегальные инструменты и методы для дестабилизации ситуации, включая терроризм, мятежи, преступность и информационные операции.

Подъем Китая также начал изменять экономическую географию и политику безопасности Южной Азии. Между тем становление Индии как мировой державы, с одной стороны, увеличивает ее потенциальный вклад в обеспечение безопасности в сопредельных регионах Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, однако углубляющийся конфликт с Пакистаном ограничивает региональную роль Индии в пределах собственного южноазиатского ареала.

В заключительной части исследования, посвященной перспективам формирования азиатского регионального порядка, эксперты приходят к выводу, что усиливающееся геополитическое соперничество, рост расходов на оборону и распространение новейших военных технологий в Северо-Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, а также их взаимоотношения по всей Азии создают предпосылки длительного периода стратегической борьбы в Индо-Тихоокеанском макрорегионе. В условиях отсутствия устойчивой системы региональной безопасности возрастает риск открытого конфликта, но вместе с тем усиливается потребность в эффективных механизмах поддержания мира и стабильности в этой важнейшей части мира.

ЖАҲОН ИҚТИСОДИЁТИ ВА ДИПЛОМАТИЯ УНИВЕРСИТЕТИНИНГ ИЛМИЙ ҲАЁТИ

бўйича маълумот

2021 йил январь-июнь ойлари

Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети таянч докторанти Зайнобиддинова Фарангиз 2021 йил учун Ўзбекистон Республикаси Президентининг давлат стипендияси танловида ғолиб бўлди. Ф.Зайнобиддинова юридик фанлари бўйича фалсафа доктори илмий даражасини олиш учун диссертация ишининг 70 фоизидан ортиғи тайёрлиги, мутахассислик ва чет тили бўйича имтиҳонларни аъло баҳоларга топширгани, университетда ўтказиладиган илмий-амалий, ижтимоий-сиёсий анжуманларда, маданий-маърифий тадбирлардаги доимо фаол иштироки ҳамда мавжуд илмий ютуқлари учун ЖИДУ Илмий кенгашининг 2020 йил 28 октябрдаги қарорига кўра, 2021 йил учун Ўзбекистон Республикаси Президентининг давлат стипендияси танловида иштирок этишга номзод сифатида тавсия этилди. Ф.Зайнобиддинова чет тили, ахборот технологиялари, Ўзбекистон тарихи каби фанлар бўйича Давлат тест марказида махсус тест синовларидан муваффақиятли ўтди ҳамда 2020 йил 30 декабрь куни Олий ва ўрта махсус таълим вазирлигида ташкил этилган махсус комиссия томонидан ўтказилган суҳбатда энг кўп овоз олиб, ғолиб бўлди.

ЖИДУ нашриётида т.ф.д., проф. Ш.М.Абдуллаев масъул муҳаррирлигида "Халқаро муносабатлар соҳасида мутахассисларни тайёрлаш бўйича янги авлод дарсликлари ва ўқув қўлланмалари" уч жилдли нашрининг икки жилди чоп этилди. Мазкур ўқув қўлланмалар "Халқаро муаммоларнинг амалий таҳлили" ва "Халқаро муносабатлар" кафедралари мутахассисларини жалб қилган ҳолда Халқаро иқтисодий ва сиёсий тадқиқотлар маркази томонидан нашрга тайёрланди. "Ташқи сиёсий вазиятларнинг амалий таҳлили" номли биринчи жилд ташқи сиёсий вазиятларнинг амалий таҳлилининг моҳияти ва аҳамияти масалаларига, таҳлилий фаолият ва ташқи сиёсий моделлаштириш методо-

логиясига, халқаро вазиятларни таҳлил қилишнинг таянч методикаларига бағишланган ҳамда мавжуд таҳлилий марказлар ва уларнинг турлари хусусида маълумот бериб, ташқи сиёсий башоратларнинг постфактум таҳлилини амалга ошириш имконини беради. Ўқув қўлланмалар "Халқаро муносабатлар ва сиёсий фанлар" йўналиши бўйича бакалавриат талабалари учун мўлжалланган. Улар магистрантлар, докторантлар, ўқитувчилар ва таҳлилий иш билан шуғулланувчи илмий ходимлар ҳамда халқаро сиёсий экспертизага касб сифатида қизиқувчи барча учун қўл келиши мумкин.

2021 йил 19 февраль куни ЖИДУ магистрантлар ва тадқиқотчилари онлайн маърузада қатнашдилар. Унда АҚШнинг Марказий Осиё бўйича машҳур эксперти Виктория Клемент ва Массачусетс технология институти доктори ҳамда Огаё Давлат университети ҳузуридаги Мершон маркази фахрий доценти Бриан М.Поллинс ўз нуқтлари билан иштирок этишди. Учрашув аввалида Ўзбекистоннинг Фавқулодда ва Мухтор Элчиси Жавлон Ваҳобов яқин кунларда "Newsweek" журналида чоп этилган ва Америка экспертлари орасида кучли резонанс уйғотган "The US must remain engaged with Central Asia" номли мақоласининг асосий жиҳатларини баён қилиб, Ўзбекистон ва АҚШ ўртасида кўп томонли ҳамкорликнинг ижобий ўзгаришлари бўйича аниқ фактлар орқали фикрларини билдирди. АҚШлик олимлар Президент Шавкат Мирзиёевнинг олиб бораётган ташқи сиёсати, жумладан, Марказий Осиё республикалари, хусусан, Афғонистон билан фаол ҳамкорлик сиёсатини юқори баҳоладилар. Шунингдек, америкалик мутахасислар Президент Байден Администрациясининг янги ташқи сиёсий доктринасидаги ҳудудий аспектлари, айниқса, Марказий Осиёга тааллуқли жиҳатларини чуқур таҳлил қилдилар. Икки давлат ўртасида аниқ йўналишлар, жумладан, Ўзбекистоннинг бой маданияти ва туризм имкониятларини ҳисобга олган ҳолда ҳамкорликни ривожлантириш бўйича аниқ кўрсаткичлар белгилаб олинди.

Жорий йилнинг 18 февраль санасида "Халқаро муносабатлар" кафедраси иккинчи курс таянч докторанти Нурали Шералиевнинг "Ўзбекистон ва Тожикистон муносабатларининг ҳозирги ҳолати ва истиқболлари" мавзусидаги илмий семинари бўлиб ўтди. Илмий семинарда Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетининг маъмурияти, профессор-ўқитувчилари, шунингдек, докторантлар иштирок этишди. Семинар давомида иштирокчилар томонидан тадқиқотнинг долзарблиги, унинг илмий-амалий аҳамияти ва жорий хулосалар муҳокама қилинди. Ушбу илмий тадқиқотда Ўзбекистон ва Тожикистон Республикалари ҳамкорлигининг шаклланиш тенденциялари, икки томонлама алоқаларнинг асосий йўналишлари ҳамда ўзаро муносабатларга таъсир қилувчи омил-

лар ўрганилган. Жумладан, ўзаро ҳамкорликнинг бугунги ҳолати ва истиқболлари ва ўзига хос томонлари очиб берилган.

2021 йил 9 февраль куни ЖИДУ учинчи босқич таянч докторанти Фарангиз Зайнобиддинованинг "Инвестиция шартномаларнинг ўзига хос хусусиятлари ва уларни ҳуқуқий тартибга солишни такомиллаштириш масалалари" мавзусидаги илмий семинар бўлиб ўтди. Ф.Зайнобиддинова томонидан мавзунинг долзарблиги, тадқиқот ишининг илмий-амалий аҳамияти, ўрганилганлик даражаси, илмий янгилиги, мақсад ва вазифалари кенг очиб берилди. Шунингдек, мамлакатимизда инвестиция сиёсатини ислоҳ қилиш, инвестициявий фаолиятни шартномавий-ҳуқуқий тартибга солиш борасида бугунги кундаги муаммолар ҳамда уларни бартараф этиш юзасидан илмий-назарий ва амалий таклифлар илгари сурилди.

2021 йил 2 февраль санасида Халқаро муносабатлар кафедрасида иккинчи курс таянч докторант Махмасобирова Юлдузнинг "Ўзбекистон ва Франция ўртасидаги ҳамкорликнинг замонавий ҳолати ва истиқболлари" мавзусидаги илмий семинари бўлиб ўтди. Илмий семинарда Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетининг маъмурияти, профессор-ўқитувчилари ва докторантлар иштирок этишди. Семинар давомида иштирокчилар томонидан тадқиқотнинг долзарблиги ва ишлаб чиқилган хулосалар муҳокама қилинди. Жумладан, ўзбек-француз муносабатларининг ҳозирги ҳолати, ривожланишининг прогрессив ва регрессив динамикаси ҳамда истиқболлари, шунингдек, икки томонлама ҳамкорликни янада ривожлантиришга хизмат қилувчи соҳалари каби долзарб масалалар муҳокама қилинди.

2021 йил 3 март санасида Ўзбекистон Республикасининг Озарбайжондаги элчихонасининг амалий кўмаги билан "Жанубий Кавказ" сиёсатчилар клуби раҳбари Илгар Велизаденинг "Каспий геосиёсати" мавзусидаги онлайн-маърузаси ташкил этилди. Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети талабалари, ўқитувчи-профессорлар таркиби учун ташкил этилган учрашувни Ўзбекистоннинг Озарбайжондаги Фавқулодда ва Мухтор Элчиси Баҳром Ашрафхонов кириш сўзи билан очиб берди. У ўз нутқида Ўзбекистонниг Озарбайжон билан ҳар томонлама, айниқса, ижтимоий соҳада ҳамкорлигини ривожлантиришга қизиқиш юқори эканлигини таъкидлаб ўтди.

2021 йил 5 март санасида университетда Япония Вазирлар Маҳкамаси Маслаҳатчиси Кунихико Мияке билан онлайн-маъруза ўтказилди. Кунихико Миякенинг "Шарқий Осиёдаги вазият ва унинг Марказий Осиёга таъсири" мавзусидаги маърузаси муаллифнинг геосиёсатдаги узоқ йиллик фаолияти ва шахсий тажрибасига асосланди. Япониялик профессор ўз маърузасини давлатлар олиб бораётган сиёсат мисо-

лида таҳлил қилиб берди. Бу эса талабалар ва иштирокчиларнинг мавзуни осон тушуниши ҳамда қизиқишини таъминлади.

2021 йил 10 март санасида ЖИДУда Ташқи ишлар вазирлиги, Инвестициялар ва ташқи савдо вазирлиги билан ҳамкорликда "Ўзбекистоннинг ЖСТга аъзо бўлишининг ташкилий-ҳуқуқий масалалари: ҳолати, муаммолари ва истиқболлари" мавзусида илмий-амалий конференция ташкил қилинди. Вебинар шаклида бўлиб ўтган тадбирда юртимиздаги ташкилот-муассасаларидан вакиллар, етакчи иқтисодчилар ва профессорлар билан биргаликда Женевадан ЖСТ котибият департаментининг директори Маика Ошикава хоним ҳам қатнашди. Вебинар учун ЖСТнинг Бош директори Алан Вулф конференция учун юллаган ўз видеомурожаатида, "Ташкилотга аъзолик Ўзбекистоннинг тижорий интеграциялашуви ва маҳаллий истеъмолчи ҳамда тадбиркорлар фаолиятига ижобий таъсир кўрсатади. Бу билан товар ва хизматлар бозорининг имкониятлари кенгаяди, шаффофлик вужудга келади, протексионизм ва монополлашувдан ҳимоя имконияти пайдо бўлади, янги аъзолар ҳам қолганлар билан тенг мақомда глобал савдо жараёнлари учун овоз бериш" имконига эга бўлишини қайд этиб ўтди.

2021 йил 6 апрель куни университетда "Ўзбекистон Республикасида ислоҳотларни чуқурлаштириш даврида ташқи иқтисодий фаолиятни ривожлантириш истиқболлари: муаммолар ва ечимлар" мавзусида халқаро илмий-амалий анжуман ўтказилди. Конференцияда дипломатлар, вазирлик ва идоралар мутахассислари, олий ўқув юртлари профессор-ўқитувчилари ва илмий ходимлари иштирок этишди. Тадбирда мамлакатдаги барқарор тараққиётни янада такомиллаштиришга қаратилган илмий-услубий ёндошувлар, хусусан, либераллаштириш ва рақобатбардошликни ошириш масалалари, ёшлар сиёсатини такомиллаштириш, бандлик ва таълим муаммолари, Ўзбекистон иқтисодиётини жаҳон иқтисодиётига интеграциялашуви шартлари муҳокама қилинди. Шунингдек, Ўзбекистон ташқи иқтисодий сиёсатининг стратегияси, хусусан, мамлакатнинг Жаҳон савдо ташкилотига кириши масалалари, ишбилармонлик муҳитини яхшилаш ва пандемия шароитида мамлакатнинг дунё рейтингларидаги мавқеини яхшилаш муаммоларини кўриб чиқилди.

2021 йил 20 апрель куни ЖИДУда "Халқаро муносабатлар трансформасиясида инновацион технологияларнинг таъсири: назария ва амалиёт" мавзусида республика илмий-амалий конференцияси ўтказилди. Конференцияда инновацион технологияларни халқаро муносабатларда қўллашнинг тарихи, ривожланиш босқичлари ва келгуси тараққиёти ҳақида сўз юритилди. Бундан ташқари, конференциянинг онлайн ва офлайн иштирокчилари томонидан замонавий технологияларнинг дол-

зарблиги ва халқаро муносабатларда уларни қўллашнинг имкониятлари ҳақида фикр билдирилди. Муҳокамалар давомида конференция қатнашчилари, турли хил илмий соҳа вакиллари технологиядаги янгиликлар таъсирида рўй берадиган халқаро муносабатлар тизимининг ўзгаришини ва бугуннинг долзарб муаммоларини таҳлил қилдилар. Шунингдек, технологик инқилобларнинг сабаблари, инновацион кашфиётларга таъсир қилувчи омиллар ва уларни қўллаш, технологияга таъсир қилувчи антропологик омиллар, уларда давлатнинг иштироки, давлат ва ТМК ўртасидаги замонавий муносабатлар, халқаро бизнесдаги ижтимоий масъулият масалалари бўйича мунозаралар ҳам бўлиб ўтди.

2021 йил 27 апрелда "Ҳозирги замон шароитида Ўзбекистон Республикасининг ташқи сиёсатининг устувор йўналишлари: иқтисодиёт, ҳуқуқ, сиёсат" мавзусида илмий-амалий конференция ташкил этилди. Унда Олий Мажлис Қонунчилик палатаси депутатлари, халқаро ташкилотларнинг вакиллари, хорижлик эксперт ва олимлар, ЖИДУ профессор-ўқитувчилари иштирок этишди.

2021 йил 4 май куни университетда "Марказий ва Жанубий Осиё: минтақавий ва минтақалараро муносабатларнинг замонавий ҳолати" мавзусида, Марказий ва Жанубий Осиёнинг замонавий халқаро муносабатлардаги роли, шунингдек, минтақалараро ҳамкорликнинг истиқболларига бағишланган илмий-амалий анжуман ташкил этилди. Тадбирда Ўзбекистон Республикаси Ташқи ишлар вазирлиги, Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети, Ўзбекистон Республикаси Қуролли кучлари академияси, Стратегик таҳлил ва истиқболни белгилаш олий мактаби, Тошкент давлат шарқшунослик университети ва бошқа етакчи ахборот-таҳлилий марказлар ва ОТМлар вакиллари ва экспертлари қатнашди. Экспертларнинг чиқишлари ва мунозаралари давомида минтақавий ва минтақалараро хавфсизлик ва барқарорликни мустаҳкамлаш, Марказий ва Жанубий Осиё давлатлари ва минтақадан ташқари акторларнинг давом этаётган жараёнлардаги иштироки масалаларини муҳокама қилишга алоҳида ўрин ажратилди. Конференция Марказий ва Жанубий Осиё давлатлари ўртасидаги ҳамкорликнинг ҳозирги ҳолати, минтақалар ўртасидаги транспорт-логистика, инфратузилма, энергетика ва савдо-иқтисодий соҳалардаги алоқаларни ривожлантириш бўйича фикр алмашишга имкон берди.

2021 йил 21 май куни "COVID-19 пандемияси шароитида Марказий Осиёда барқарор ривожланиш мақсадларига эришишда имкониятлар ва хавф-хатарлар" мавзусидаги халқаро илмий-амалий конференция бўлиб ўтди. Унда Олий Мажлис Сенати аъзолари, мамлакат вазирликлари ва идоралари вакиллари, БМТ ва бошқа халқаро ташкилотлар

экспертлари, Марказий Осиё мамлакатлари олимлари ва тадқиқотчилари, хорижий олий ўқув юртлари ва илмий-тадқиқот институтлари ҳамда ЖИДУ профессор-ўқитувчилари ва илмий ходимлари қатнашди. Тадбирда Олий Мажлис Сенати Раисининг биринчи ўринбосари Содиқ Сафоев, Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети ректори Комилжон Каримов, БМТ ТДнинг Ўзбекистондаги доимий вакили Матилда Димовска, Глобал Эуропе Сентер директори, Кент университети профессори Елена Коростелева, ГСРФ СОМПАСС (2017-2021) халқаро илмий лойиҳасининг координаторларидан бири, Марказий Осиё бўйича Кембриж форуми раиси, Кембриж университети Ривожланиш тадқиқотлари маркази профессори Сидхарт (Монту) Саксена нутқ сўзлашди.

МЕТОДИК КАБИНЕТ

■ Методический кабинет ■ Methodical cabinet ■

ЖИДУ раҳбарияти ва "Халқаро муносабатлар/Международные отношения" журнали таҳририяти мазмунан ва концептуал янгиланган журнални чоп этишга киришмоқда. Тажриба шуни кўрсатмоқдаки, аксарият муаллифлар, айниқса, ёш тадқиқотчилар (докторантлар)нинг илмий изланиш жараёнларини ташкил қилиш, олиб бориш қонун-қоидалари, тартиблари билан таништириш лозим экан. Бундан ташқари, улар журналимиз савиясига бўлган янги концептуал ёндашув ва турли рукнларимизнинг мазмун-моҳиятини ҳам яхши англамаган кўринадилар. Шуларни эътиборга олган ҳолда, таҳририятимиз ***«Методик кабинет»*** *деб ном олган янги рукнни жорий этишга қарор қилди. Бу рукнда журналимиз мавзусига доир бўлган, ҳамда илмий тадқиқот ишларини ташкил этиш ва амалга ошириш тартиботлари, монография, илмий мақола, тезис, маъруза, эссе ёзиш тартибларига оид турли маълумотлар беришни режалаштирганмиз.*

«Халқаро муносабатлар/Международные отношения» журналида нашр этиладиган мақолаларнинг савиясига нисбатан қўйиладиган талаблар

«Халқаро муносабатлар/Международные отношения» журнали фанлараро ва илмий-назарий характерга эга. Журналда халқаро муносабатлар тарихи ва назарияси, халқаро ҳуқуқ ва жаҳон иқтисодиёти фундаментал муаммолари, Ўзбекистоннинг ҳозирги жаҳон сиёсатида тутган ўрни ва роли, халқаро ва минтақавий хавфсизлик масалалари, халқаро тадқиқотлар назарияси, услубиёти ва амалиёти, халқаро мунособатлар бўйича мутахассислар ва дипломатик кадрлар таёрлашда илғор миллий ҳамда жаҳон тажрибаси ва журналимиз мавзусига доир бўлган бошқа материаллар нашр этилади. Мақолалар таҳлилий ва муаммовий характерга эга бўлиши шарт. Уларнинг илмий аппаратига алоҳида эътибор қаратилиши керак. Ушбу ўринда мақоланинг ***«илмий аппарати»*** *тушунчасининг мазмун-моҳиятига қисқача таъриф бермоқчимиз:*

Илмий аппарат деганда, илмий тадқиқотни амалга оширишга имкон берадиган мантиқий фикрлаш изчиллиги, шу асосда бажариладиган операциялар кетма-кетлиги тушунилади. Тўғри ташкиллаштирилган илмий аппарат тадқиқотчига танлаб олинган мавзу бўйича илмий изланишларни амалга оширишга имконият яратиб беради. Илмий аппарат мавзу танлаб олиниб тасдиқланганидан кейин шакллантирилади.

Одатда, илмий аппарат шундай кўринишга эга бўлади:

- *тадқиқотнинг* ***стратегик йўналишлари*** *(мавзу доирасида мавжуд зиддият(лар)ни аниқлаш ва улар негизида пайдо бўладиган муаммони белгилаб олиш, шундан кейин тадқиқот мақсадларини ифодалаш);*

- ***технологик операциялар*** *- тадқиқот объектини, предметини, ишчи гипотезани, тадқиқот негизидаги вазифаларни, манбаларни ифодалаш;*

- ***аналитик операциялар*** *- тадқиқот мавзусининг илмий жиҳатдан янгилиги, тадқиқот учун асос қилиб олинаётган фикр-мулоҳаза (гипотеза)ларнинг назарий ва амалий жиҳатдан аҳамияти, ҳимояга олиб чиқилаётган асосий ғоялар, тадқиқот натижаларининг ҳаққонийлиги, апробацияси ҳақида мухтасар маълумотлар берилиши жоиз.*

Мақолада юқоридаги талаблар мухтасар ҳолатда ифодаланиши керак.

Таҳририятга тақдим этиладиган материаллар қуйидаги асосий шартларга жавоб бериши лозим:

1. Мақоланинг матни Word 2003 вариантида тайёрланиши.

2. Шрифт - Times New Roman, шрифт кегели (ҳажми) - 14 бўлиши.

3. Сатрлар орасидаги масофа 1,5 бўлиши.

4. Диаграмма, расм ва жадваллар фақат оқ/қора ёхуд кулрангда берилиши.

5. Мақоланинг тузилиши қуйидагича бўлиши керак: аннотация (2-3 абзацдан ошмасин), кириш, асосий қисм, хулоса, фойдаланилган адабиётлар.

6. Иқтибосларни мақоланинг охирида эмас, балки матн ичида келтирилган тартиб бўйича бериш керак.

Адабиётларга берилган ҳаволалар [1], [2], [3], тартибида берилади, адабиётлар мақоланинг охирида худди шундай тартибда кўрсатилади.

7. Мақоланинг умумий ҳажми 15 бетгача, тезислар учун - 7 бетгача.

8. Муаллиф(лар)нинг исм-шарифи, иш жойи, илмий унвони, илмий даражаси, мулоқот учун маълумотлар аниқ кўрсатилиши керак.

9. Мақолалар фақат электрон вариантда онлайн режимида ***http://uwed.uz/ru/applicant-article*** *электрон манзил бўйича қабул қилинади ва рўйхатга олинади. Таҳририят ходимлари мақоласини нашр этмоқчи бўлган муаллифлар билан бевосита мулоқотга киришмайди.*

Материалларни тайёрлашда журналимизнинг тахминий мавзулари билан танишиб чиқиш тавсия этилади. Таҳририятимизга келиб тушган мақолаларнинг чоп этилиши ёки чоп этилмаслиги ҳақидаги қарорни ***Таҳрир ҳайъати*** *қабул қилади.*

МЕТОДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

■ Методик кабинет ■ Methodical cabinet ■

Руководство УМЭД и редакционная коллегия журнала «Халқаро муносабатлар» приступают к изданию концептуально обновленной версии журнала. Опыт работы показывает, что многие авторы, прежде всего молодые (исследователи, докторанты), недостаточно хорошо понимают стратегию и тактику, принципы ведения исследовательской работы, более того, неточно представляют себе новые концептуальные подходы к уровню нашего журнала, не имеют представления о сущности и назначении отдельных рубрик. Учитывая эти обстоятельства, редакционная коллегия приняла решение открыть рубрику ***«Методический кабинет»****, где будет размещаться информация, имеющая отношение как к тематике нашего журнала, так и к подготовке научных исследований и написанию научных материалов (статьи, монографии, тезисы, доклады, эссе).*

Основные критерии к уровню научных статей, принимаемых к публикации в журнале «Халқаро муносабатлар»

Журнал носит междисциплинарный, научно-теоретический характер. К публикации принимаются материалы, касающиеся фундаментальных проблем истории и теории международных отношений, международного права и мировой экономики, затрагивающие актуальные вопросы роли Узбекистана в современном мире, региональной и международной безопасности, теории, методологии и практики международных исследований, передового отечественного и зарубежного опыта в сфере подготовки высококвалифицированных специалистов-международников и дипломатических кадров, а также другие темы, отвечающие профилю нашего издания. Статьи должны иметь проблемный, аналитический характер. Особое внимание следует уделять научному аппарату. К сведению претендентов напоминаем, что такое научный аппарат.

Научный аппарат *– перечень последовательно совершаемых логико-познавательных действий (операций), обеспечивающих выполнение самого исследования. Научный аппарат организует поисковую деятельность и упорядочивает ее. Он формируется сразу после выбора темы и ее обоснования на основе анализа литературы и зондажного изучения практики. Обычно научный аппарат исследования представляется в следующем виде:* ***стратегические операции****: поиск противоречия, выявление проблемы, определение цели;* ***технологические операции****: объект исследования, предмет исследования, гипотеза исследования, задачи исследования, источники исследования, база исследования, методы исследования, этапы исследования;* ***аналитические операции:*** *научная новизна исследова-*

ния, теоретическая значимость исследования, практическая значимость исследования, положения, выносимые на обсуждение, достоверность результатов исследования, апробация результатов исследования.

К статье приложите, пожалуйста, следующие сведения о себе:

1. *Фамилия, имя, отчество автора (полностью).*
2. *Организация (название полностью).*
3. *Должность.*
4. *Ученое звание.*
5. *Ученая степень.*
6. *Адрес (с индексом).*
7. *E-mail, факс, телефон.*

Главные критерии содержания статьи:

- *актуальность с научной и практической точек зрения,*
- *новизна постановки вопроса или раскрытия темы,*
- *фундаментальность проработки темы,*
- *аргументированность выводов,*
- *доступность и четкость изложения.*

* * *

Рукопись, представляемая в редакцию, должна отвечать следующим стандартным условиям:

– текст готовить по версии Word 2003 года;

– использовать шрифт Times New Roman, размер шрифта - 14 кегль; междустрочный интервал - 1,5;

– структура рукописи: аннотация (не более 2-3 предложений), введение, основная часть, заключение, использованная литература;

– диаграммы, рисунки и таблицы должны даваться в статье только в черно-белом или сером цветовом варианте;

– диаграммы, рисунки, таблицы давать только в черно-белом цвете либо с использованием серых оттенков;

– сноски в тексте нумеровать по порядку надстрочным индексом; ссылки на литературу нумеровать по порядку [1], [2], [3]; литературу привести в конце статьи точно так же;

– в статье должны быть указаны имя-отчетство, место работы, научная степень автора и его контактные данные (телефон, e-mail);

– объем статьи не должен превышать 15 стандартных страниц.

Статьи принимаются в электронном формате и регистрируются в режиме онлайн по адресу ***http://uwed.uz/ru/applicant-article****. Личные контакты не приветствуются.*

* * *

Решение о публикации статей, поступивших в редакцию, принимает ***редакционная коллегия****.*

www.uwed.uz

UWED